

Александр Владимирович Мазин

Мертвое Небо

Дракон Конга – 4

Их двое: воин и мастер клинка светлорожденный Данил и молодой кормчий Рудж. Корабль, на котором они плыли, сожжен. От родины их отделяет Межземное море, а от ближайшей дружественной державы – тысяча миль пути по стране, где всякого опознанного чужеземца ждет мучительная казнь. Но выбора нет – и два друга вступают на этот путь, еще не зная, что стали частью заговора, цель которого – убийство императора их родной страны и захват власти на трех континентах.

Солдат, солдат, глотни вина
Во славу всех богов!
Да будет кровь твоя красна,
Красней, чем у врагов!

Глотни, солдат, и дай глотнуть
И мне, солдат, – за нас!
Сегодня топчут пыльный путь,
А завтра топчут нас!

Глотни, солдат, вкус у вина
Всегда, солдат, хорош.
А кровь тем крепче солона,
Чем больше ее льешь.

Чтоб ты, солдат, приятней пах,
Ты пей, солдат, и пой!
А девки в южных городах —
Толпой, солдат, толпой!

У нас, солдат, Судьба одна.
Молись, солдат, Судьбе!
Чтоб фляга век была полна,
И руки — при тебе!

Придут другие времена,
А ты солдат — живой!
Глотни, солдат, глотни вина!
Домой, солдат, домой!

Вино, солдат, — жена и брат:
Глотни — и ты согрет.
А дом, солдат...
Придешь, солдат,
А дома-то и нет.

Солдат, солдат, глотни вина
Во славу всех богов!
Да будет кровь твоя красна,
Красней, чем у врагов!

Конгская песня

ПРОЛОГ

«Баловень ветров» вспыхнул, когда Данил и Рудж спускались к пирсу. Вспыхнул внезапно, так, как не бывает: сразу от носа до кормы облился пламенем. Словно огненные паруса поднял. Рудж закричал. Крик его утонул в десятках воплей. Те, кто были на пирсе и рядом, носильщики, мелкие торговцы в панике устремились на берег. А Рудж, в каком-то затмении разума, кинулся к пылающему кораблю. Только рука Данила, бесцеремонно схватившая за ворот и удержавшая на месте, спасла младшего кормчего. Бухнули в трюме бочки с горючим зельем, корпус «Баловня» разорвался, извергнув клубы пламени, и великолепный трехмачтовый хог¹ стал огнем и черным дымом, затмившим небо. Горящие обломки дождем осыпали пирс, воду и палубу хуридской шекки у соседнего причала. Огонь радостно вцепился в новую добычу, а охваченная паникой толпа накатила на северян и сшибла бы, если бы Данил вовремя не крикнул: «Бежим!» И они побежали вверх, к лестнице, к каменной ограде, к сторожевой башне, где заходился звоном тревожный колокол. Но и звон этот потонул в воплях обожженных, когда липкие брызги горящего огненного зелья накрыли замешкавшихся. Занялся деревянный настил пирса, но Рудж и Данил уже были в безопасности.

Воркарец², бежавший впереди, резко затормозил, и Рудж едва не сшиб его с ног.

¹ Хог — трехмачтовое двухпалубное судно, полувоенное-полуторговое.

² Воркар — столица Хуриды, государства на севере Черной Тверди, в котором происходит действие романа.

– Бросай якорь, моряк! – отдуваясь, проговорил хуридит. – Все, оторвались!

Рудж остановился. Верно, между ним и горящим пирсом – две сотни шагов голой земли.

– Во полыхает! – восхищенно произнес хуридит. – Вулкан!

Данил взбежал вверх по лестнице и вдруг обнаружил, что кормчего рядом нет. Светлорожденный оглянулся и увидел Руджу внизу, среди глазающих на пожар. А колокол на башне стонал как безумный.

– Проклятье! – прошептал Данил по-хольдски.

Светлорожденный пардом слетел вниз, схватил стоящего столбом кормчего и, ничего не объясняя, потащил к воротам. Рудж не сопротивлялся. Его слишком ошеломило происшедшее.

Они успели. Когда шлемы солдат Святого Братства замелькали над толпой, северяне уже шмыгнули в узенький проулок.

Воняло здесь, как в отхожем месте, зато и стража сюда не полезет. Солдаты между тем обработали толпу, сбили в плотное стадо, оградили оцеплением, чтобы после просеять через мелкое сито. Двое северян наверняка оказались бы слишком крупными для его ячей. Рудж тоже это понял, когда к нему вернулась способность соображать. Он молча поспевал за Данилом и смотрел под ноги, чтобы не наступить на то, на что наступать не стоит. А когда выбрались из каменной щели на торговую улочку, спросил:

– Куда теперь?

– Пока – подальше от порта, – бросил светлорожденный и еще ускорил шаг.

Данил ловил на себе взгляды хуридитов, и это ему не нравилось. Здесь, в Воркаре, северяне выделялись, как боевые парды среди рабочей скотины. И не нужно быть семи пядей во лбу, чтоб сообразить, кого обвинят в пожаре. Единственный иностранный корабль в Воркарской гавани. И единственные иностранцы, находившиеся в порту. А то, что сгоревший корабль – их собственный, еще и лучше. Империи вряд ли понравится, что судно под ее флагом, судно, которому личным повелением Наисвятейшего был разрешен вход в Воркарскую гавань, вдруг взяло да и сгорело в этой самой гавани. А тут так удобно. Северяне сожгли северян – и весь сказ. А самих поджигателей, конечно во всем признавшихся, подвесили бы за ноги у городских ворот. На тридцать дней. Согласно закону. Если Империя желает, кости преступников будут переданы на родину.

А начался день не так уж плохо. Часа через два после рассвета «Баловень», сопровождаемый эскортом из шести боевых кораблей Хуриды («Прямо как адмиральский!» – ухмылялся тогда Рудж.), миновал башни Воркарской крепости и, по указанию лоцмана, встал у желтого пирса. Воины-моряки и свободные от вахты матросы во все глаза глядели на запретный Воркар, а воркарцы с берега – на белые паруса гостя из Империи. Стоянка «Баловню» была разрешена до следующего утра. За это время следовало переправить груз в кладовую Воркарского Братства. Об этом позаботились сами святые братья, явившиеся на борт в сопровождении сотни носильщиков.

На воинов-моряков хуридские монахи не произвели впечатления. В Империи городскую стражу снаряжают лучше. Только главный, Отец-Наставник Воркарского Братства, имел приличную экипировку: вороненые доспехи конгской работы.

Работали хуридиты молча. Видно, всех строго предупредили: никаких контактов с чужеземцами. Только Отец-Наставник соизволил переброситься парой фраз с капитаном, да еще Данила поприветствовал. В общем, забрали груз, расплатились и отбыли.

А Данил сообшил капитану, что сойдет на берег. Дела. Капитан только кивнул. Командир моряков-воинов подчиняется ему на море, в мирном плавании. В бою – наоборот. На берегу же – каждый сам себе хозяин. А вот кормчего Руджу капитан мог и не отпускать. Но отпустил, будучи в хорошем настроении от выгодной сделки.

– Какое у тебя дело? – спросил кормчий уже на берегу.

– Отец просил заглянуть к его здешнему другу, взять кое-что, – ответил Данил.

Брови Руджа поползли вверх. У отца Данила, светлейшего Волода Руса, императорского советника, Хранителя Рунской Мудрости – друг-хуридит? Удивился кормчий, но язык придержал: а то еще оскорбится светлорожденный Данил – и их собственной дружбе конец. Да, вот так вот. «Взять кое-что».

Взяли.

Только-только стих колокол в порту, как рассыпался мелким звоном другой – на желтой смотровой башне. Толстая тетка в черном, только что беззастенчиво разглядывавшая северян, тут же забыла о них и припустила по улице.

– Проклятье!

Вынесшаяся из-за угла шестерка упряжных псов³ едва не размазала Руджа по стене. Здоровенная бочка на колесах. Пожарные.

– Куда это они? – спросил Рудж. – Порт, вроде, в другой стороне?

Данил не ответил. Он очень серьезно опасался, что знает, куда умчалась пожарная бочка.

Предчувствия не обманули светлорожденного. Он обнаружил именно то, чего опасался: толпа зевак, черный столб дыма, треск горящего дерева, торопливый стук топоров...

Воркарские пожарные поспели вовремя, чтобы остановить огонь и уберечь квартал. Но один дом сгорел дотла. Тот самый.

Данил посмотрел на правое запястье, словно боялся, что серебряный браслет на нем тоже вспыхнет. Но браслет оставался холодным. Простенький браслет из плоских звеньев с черной капсулой размером с фалангу указательного пальца. Браслет, полученный в сгоревшем доме. Послание, которое он должен передать отцу. Если выживет.

Данил покосился на своего спутника. Хороший парень кормчий Рудж. Но сейчас – только обуза. Данил вздохнул и похлопал моряка по плечу:

– Надо выбираться из города.

– Угу. Это тот самый дом, в который ты заходил?

– Тот самый.

– А я-то надеялся, что ошибаюсь, – Рудж покачал головой. – А ты думаешь, нас выпустят из города?

– Нет, если мы станем спрашивать разрешения, – Данил усмехнулся, чтобы подбодрить друга. – Но мы не станем.

Часть первая ЧУЖАЯ ЗЕМЛЯ

I

В ту пору Отец-Наставник града Уришля пожелал совершить путешествие морем в Воркар, дабы присутствовать на празднике Девяти Святых. И повелел людям своим сыскать подходящий корабль, и нашелся такой. Хорошее судно, принадлежавшее купцу из того же города. Люди купца протестовали, но слуги Отца-Наставника пригрозили им смертью, если не подчинятся. Тогда люди купца поспешили разыскать хозяина, рассказали о случившемся и спросили: как быть дальше? А у купца был сын, сильный и дерзкий, красивый обличьем и весьма удобный черни в силу своего характера. Собрал он вокруг себя столько народу, сколько смог, и пришел к кораблю. И приказал слугам Отца-Наставника

³ Напоминаю, что упряжные псы Мира – животные размером с крупного пони.

покинуть корабль, и выдворил их силой. Отец-Наставник же обладал всеми добродетелями и доказал свое превосходство во всех областях, но не имел довольно людей, чтобы усмирить бунтовщиков. Потому они убили его и принялись вершить бесчисленные преступления, приговаривая многих – без разбора и без должной причины. И, страшно вспомнить, вешали братьев святых во время Великого праздника! Но не осталось злое без наказания. Пришли в Уришь праведные воины-монахи и уничтожили бунтовщиков, искоренив всех, всякого пола и возраста, дабы не возило более злое семя. А землю ту заселили рабами божьими из иных областей, и воцарились справедливость и боголюбие.

Неизвестный хуридский летописец. Двести десятый год от Пришествия Истины

Волосы Данила белели в темноте. Он специально снял головную повязку, чтобы Рудж не потерял его из виду. Светлорожденный шел первым, легко, бесшумно, непонятно как в полной темноте выбирая самый удобный маршрут. А кормчий ковылял следом, прощупывая дорогу посохом, посох то и дело цеплялся за корни, и Рудж ругался шепотом, многословно и витиевато. Загонял его светлорожденный. Два дня и две ночи без сна. Только прошлым утром сжалился, позволил поспать до темноты. А то Рудж уж и жалеть начал, что не сгорел вместе с «Баловнем». Миль сорок отмахали, не меньше. А сколько еще до благословенного Конга?

Это Данил решил идти в Конг. Рудж предпочел бы захватить лодку и попытать счастья на море. Но светлорожденный отверг эту идею. Слишком большой риск, сказал. Сезон плохой, и сторожевые шекки шарят вдоль побережья. Мол, хуридский лес лучше хуридского моря.

За два дня Рудж накушался хуридского леса досыта. Мокрые чавкающие под ногами мхи, грибы, будто опухоли. Кричаще-яркие и ядовитые, разумеется. Черная листва, черные стволы. На некоторых – следы когтей. На высоте, до которой Руджу и с плеч Данила не дотянуться. Одиравшие собаки, с заката сопровождавшие северян и только полчаса назад отставшие неизвестно почему.

- Стой, – негромко сказал Данил, и кормчий послушно замер.
- Что? – шепотом спросил он, тщетно пытаясь разглядеть что-то в темноте.
- Пахнет большой кошкой.
- Леопард?
- Или кугурр.

Отлично. Вот только кугурра им не хватало. Меч Данила выскользнул из ножен. Беззвучно. Узкий длинный клинок работы вагаров еле заметно светился. Как след лунного луча.

Рудж вынул собственный меч, короткий, расширяющийся к жалу, удобный в рукопашной на палубе, но совершенно непригодный для схватки с хищником.

– Иди за мной, – прошептал светлорожденный. А через дюжину шагов: – Кугурр. Я его вижу.

Рудж не видел ничего. Но очень хорошо представлял себе кугурра: гигантскую кошку в семь локтей длиной, в пасти которой без труда уместилась бы голова кормчего.

- Если прыгнет – уходи вправо, – сказал Данил.
- «Интересно, как я узнаю, что он прыгнул?» – подумал Рудж.

Как ни странно, он не испытывал страха.

– Великий Повелитель Судеб! – произнес Данил чистым звонким голосом. – Отведи от нас беду или дай встретить ее достойно!

Басовитый рык наполнил ночь. От этого звука у Руджа мгновенно взмокла спина.

– Зверь Ночи, уйди с нашего пути! Или мы попробуем твоей крови! – Данил сделал еще пару шагов навстречу хищнику. Кормчий напрягся и приготовился отпрыгнуть вправо при

малейшем звуке.

Но все было тихо.

– Он ушел,– сказал светлорожденный и вложил меч в ножны.

– Хвала богам! Я уж решил, что стану ужином!

– Я охотно поиграл бы с ним,– произнес Данил.– Но днем.– И после паузы добавил: – Скверно живут хуридиты. Кугурр-охотник – в миле от человеческого жилья.

– Жилья? – удивился Рудж.

– Запах дыма.

– А-а-а...

– И мы пойдем туда,– сказал Данил.– Может, удастся купить пардов.

«Или нарваться на меч,– подумал Рудж и по привычке потрогал золотую сережку-значок Братства.– Охрани меня, Морская богиня!»

Только вот сумеет ли защитить Покровительница здесь, на суше?

Спустя четверть часа они вышли из леса на озаренное лунным светом вспаханное поле. Сапоги Руджа по щиколотку утонули в грязи. Северяне пересекли поле и оказались перед частоколом, не способным остановить даже ребенка. Перелезли через хилый тын и замерли, прислушиваясь. Справа забрежал пес, но, вроде, сам по себе, а не потому что учуял чужих. Крохотная деревушка, грязная улочка. Шагах в сорока, над входом одного из домов – горящий фонарь. И в окошке тоже свет. Единственные огни во всем поселке.

Начал накрапывать дождь.

Справа от входа, под навесом спал пард. Данил показал на него и поднял палец. Затем толкнул дверь.

За столом сидели три монаха и играли в кости. Пахло кислым вином и еще какой-то дрянью. Скорее всего, самими монахами.

Дверь заскрипела, и играющие разом повернулись на звук.

– Мир вам! – на аркинно⁴ произнес светлорожденный.

Монахи тупо глядели на него.

– Мир вам,– повторил Данил.– Нам нужен кров, почтенные хозяева!

Тупые ленивые хуридиты. Как раз такими их представляют в Империи. Рудж расслабился. Как оказалось – рановато.

С неожиданным проворством один из монахов выскочил из-за стола. И в руках у него обнаружился здоровенный меч.

– Мир вам! – в третий раз повторил Данил и поднял пустые руки.

Монаха это не смутило. Меч мелькнул в воздухе и с хрустом врубился в стену, потому что светлорожденный вовремя убрался с пути клинка.

Двое других монахов тоже вскочили, а светлорожденный, отпрыгнув назад, выхватил меч.

– Твой – правый! – крикнул он кормчему.

Противник Руджа, широкоплечий, жилистый, держал меч двумя руками. Солидный меч, раза в полтора длиннее, чем у Руджа. И орудовал им хуридит довольно ловко. Рудж подпрыгнул, увернувшись от удара по ногам, скользнул под руку монаха и кинжалом полоснул его по левой руке. Пустяк, царапина. Монах не мог использовать свой длинный меч на такой дистанции, поэтому он локтем отбросил кормчего и обрушил на него тяжелый клинок. Парировать Рудж не рискнул – и отскочил в сторону. И еще раз. Здоров хуридит! Машет такой машиной, словно она из дерева.

Монах ощерился: почувствовал, что сильнее. Рано, друг!

Рудж поддел ногой табурет и отправил его в физиономию хуридита. Могучий клинок разнес табурет в щепы... и брошенный кормчим кинжал вонзился в живот противника. Как и предполагал Рудж, кольчуги на хуридите не было.

⁴ Аркинно – язык одного из народов Империи. На его диалекте говорят хуридиты.

Монах удивленно посмотрел вниз, на рукоять кинжала, открыл рот, но так ничего и не сказал, просто повалился на земляной пол.

Рудж обернулся.

Данил стоял у стены, наблюдая. Оба его противника валялись без признаков жизни.

Рудж улыбнулся и салютовал мечом. Затем вытащил кинжал из монахова брюха, добил раненого ударом в сердце, вытер кинжал и спрятал в ножны.

В горле у кормчего пересохло, но когда он взял со стола кувшин с вином, Данил сказал:

– Не стоит. Желудок испортишь. Там в углу, в бочонке, кажется, вода.

В бочонке оказалось пиво. И не такое уж плохое.

Они сволокли убитых монахов в угол и поужинали тем, что осталось от их трапезы.

– Скоро рассвет, – заметил Данил. – Ты сыт?

– Вполне. Теперь бы еще чистую постель без пауков и прочей дряни, приятную молодую хуридскую девушку...

– Кривоногую. Пузатую. С отвратительной кожей и таким же запахом, – усмехнулся светлорожденный. – Обойдешься без девушки. А вот поспать можешь. Думаю, спешить некуда. Готов поспорить – эти парни привыкли дрыхнуть до полудня. А значит, нас никто не побеспокоит. Укладывайся, друг Мореход, а я покараулю.

Рудж не заставил себя уговаривать. Сдвинул скамьи, стащил сапоги и улегся.

– Жестковато, зато сухо, – пробормотал он. – Эх, где моя подвесная коечка?

– Там же, где и все остальное, – буркнул Данил. Сгоревший корабль не давал ему покоя.

Рудж проснулся первым. Данил спал сидя, даже не спал, дремал. Караулил. Обнаженный меч – рядом, на столе. Железный человек. Рудж выглянул в окно: пустая улочка, покосившиеся заборы, дождь. Посреди улицы, в раскисшей земле –дохлая крыса.

Кормчий вышел наружу, помочился у крыльца. Бедняга-пард завозился под своим навесом – голодный. Рудж подставил ладони под струйку стекавшей с крыши воды, умылся. Когда он вошел в дом, Данил уже вложил меч в ножны.

– Все тихо? – спросил он.

– Как на кладбище. Надо парда покормить.

Данил кивнул, принялся откидывать крышки ларей, нашел мешок с сушеными грибами. Рудж тем временем обшарил пояса и кошель убитых и отправил их содержимое в свой собственный привязанный к поясу кошелек. Затем столкнул трупы в подпол и захлопнул люк.

– Пошарь здесь как следует, Мореход, – посоветовал светлорожденный. – У нас дальний путь. – И, накинув монашеский плащ с капюшоном, взял мешок с грибами и вышел за дверь.

Два хуридита появились на другом конце улицы. Данил наклонил голову, скрывая лицо. Но предосторожность оказалась излишней. Едва завидев его, местные тут же развернулись и засеменили в противоположном направлении. Глядя на их согнутые мокрые спины, светлорожденный испытал нечто вроде сострадания. Невозможно было поверить, что предки их пришли на Черный материк из Аркиса или вольного Хольда.

Некрупный, холка всего на ладонь выше плеча Данила, пард громко заурчал. Грибы учуял. Светлорожденный развязал мешок и высыпал часть грибов в кормушку. Пард набросился на еду, словно голодал неделю. Ребра так и ходили под грязной желтой шкурой. И едва грибы хрустели в его челюстях, из соседнего сарайчика слышался жалобный вой.

Данил заглянул внутрь – и обнаружил еще двух пардов: тощую, недавно окотившуюся, судя по набухшим соскам, парду и облезшего старого самца. Последний с трудом поднялся. Лапы у него дрожали, а вонял он хуже мороса⁵. Данил накормил обоих, затем осмотрел сарай и обнаружил три комплекта упряжи. В полном порядке, даже с седельными сумами, помеченными пятиконечным крестом Святого Братства монахов-воинов. Сумы Данил

⁵ Морос – зомби.

прихватил в дом.

Изыскания Руджа тоже оказались плодотворными. Вяленое мясо, лепешки, варенные в сахаре комки черного хуридского винограда, сушеные фрукты и прочая снедь, не слишком изысканная, но вполне съедобная. Главное – много. Одежда, всякая мелочь, вроде игл и веревок. И, главное, – карта!

Кормчий как раз изучал ее, когда Данил вошел в дом.

– Смотри, – сказал моряк, ткнув пальцем в засаленный пергамент. – Мы – здесь. А здесь – тракт, который ведет точно на юг. До границы миль шестьсот, если я верно понял масштаб. Это – напрямую, а так – раза в два больше. Но все равно верхами за месяц доберемся. Как там пард?

– Под седло годен, – без особого воодушевления ответил светлорожденный. – Там еще двое, но один – совсем развалина.

– Можно навьючить на него провизию, – предложил кормчий.

– Не искушай Судьбу, Мореход! – засмеялся Данил. – Мы пришли сюда пешком, а уедем в седлах и даже с картой. Пардов я накормил, давай-ка и мы позавтракаем.

Когда поели, Рудж выбрал из вороха одежды две рясы покрепче и почище остальных и пару коричневых плащей из паутинной ткани.

Они натянули все это поверх собственных курток и кольчуг.

– Ну, благородный Данил, мы с тобой точь-в-точь два здешних держиморды! – одобрительно заметил кормчий. – Теперь если кто и рискнет преградить нам дорогу, так только такие же монахи. И тогда у тебя будет шанс получить удовольствие!

– Будь спокоен, я его не упущу! – заверил Данил. – Седлаемся и в путь.

Пока ехали по деревеньке, дважды попадались навстречу местные. Но убирались с дороги быстрее, чем крысы, завидевшие охотничьего пса. Данила это не столько радовало, сколько раздражало.

– В Хольде нас давно бы взяли на клинки, – проворчал он брезгливо.

– В Хольде, благородный Данил, гостю не приходится добывать пищу силой. И, заметь, в наших гаванях не сжигают мирные суда.

– Не уверен, что это хуридиты, – мрачно произнес светлорожденный.

– А кто?

Данил не ответил.

Они выехали на тракт, скользкую от грязи грунтовую дорогу между чернотвольных хуридских деревьев с кирпичного цвета листвой, как в осеннем хольдском лесу. Но эти листья круглый год не меняли цвета. Между черными стволами тянулись к свету тощие сосенки с красными хвойными метелками на макушках.

Сытые звери бежали совсем даже неплохо.

«Маленькая выносливая животинка», – подумал о своей парде Рудж.

Высокое седло мерно поскрипывало. Кормчий не считал себя хорошим наездником, но ему нравилась верховая езда. Во всяком случае, куда приятней, чем брести по раскисшей дороге. Струйки дождя сбегали с капюшона. Изредка из серой мути впереди возникала запряженная волами телега. Но никто из встречных не осмеливался поднять глаза на «монахов». Не ровен час – разгневаются и порубят. Руджа и Данила это вполне устраивало.

Данил, сын Волода, взял в руки меч, когда ему исполнилось четыре года, а убил первого врага – в пятнадцать. Это был магхар, пробравшийся из Проклятых земель на западе Белой Тверди. В двадцать два года светлорожденный стал сотником и получил свой нагрудный знак лично из рук Стража Севера Нила Биоркита. Высокая честь. Правда, Нил, давний друг отца, сам учил Данила владеть оружием. Но ученик не посрамил учителя.

Когда на морях, которые оставались безопасными почти полвека после побоища у берегов Конга, снова появились шекки под красными парусами, Данил пошел в воины-моряки. И не в Южную эскадру, а на вольный хог. Меньше силы – больше славы. Спокойные времена, похоже, заканчивались. В Гураме Алчущие Силы прибрали к рукам Владыку владык и, похоже, подбивали его вторгнуться в Эдзам. В благословенном Конге

тоже множились люди, желавшие войны «во имя объединения Черной Тверди». Правда, Тилод Зодчий все еще крепко сжимал кормило власти, но он был стар, а единственный сын Тилода, Сантан-Освободитель, – сгинул где-то в горах Хох. Конг, Урнгур, Хурида. Урнгрия Данил видел в деле. Натасканных Биорком наемников эдзамского правителя. Говорят, стоило сотне их появиться на эдзамском берегу Зуры, и бур-чаданну на соседнем берегу немедленно сворачивали шатры. И тут же, не без злорадства, Данил вспомнил, как десять лет назад хуридские «ночные братья» набезобразничали в урнгурском открытом городе Чагуне. Тогдашний Наисвятейший отказался выдать преступников, и три тысячи всадников урнгрия смерчем пронесли по юго-западу Хуриды, вырезая всех «ночных братьев» и вообще любого, кто осмеливался поднять меч. Говорили, когда урнгрия повернули обратно, тогдашний Наисвятейший умер от счастья. И освободил место для нынешнего, тут же заверившего Урнгур в своей полной лояльности. Лояльность Хуриды! Данил усмехнулся. Отец его весь последний год занимался именно Хуридой. Главным образом пытаясь помешать возникновению союза Наисвятейшего и Алчуших. Трудно сказать, насколько удачно. Конечно, волшба в Хуриде по-прежнему была запрещена. И в день их прибытия повешенный за ноги труп колдуна украшал портовую площадь в Воркаре. Но есть же разница между деревенским колдуном и настоящим чародеем...

Справа лес сменился болотом. В черном тростнике трубно орали лягушки.

– Эй! – окликнул светлорожденного Рудж. – Побереги пардов!

Задумавшийся Данил пустил своего зверя крупной рысью.

– Когда кончится болото, устроим привал, – сказал светлорожденный.

Впереди появился всадник в коричневом плаще воина-монаха. Поднял руки в ритуальном приветствии. Северяне ответили тем же. Разминулись. Хуридит ничего не заподозрил.

Болото кончилось.

II

Прошло пять дней. За это время Данил и Рудж преодолели изрядный кусок пути. Двигались в основном по ночам, днем отсиживались в лесу. Встречавшиеся городки обходили, через деревни ехали напрямик. Парды отъелись на подножном корму – дождь выгнал из земли несметное количество грибов, вдоль болот росли кусты, усыпанные гроздьями тусклых сизых ягод. Парды пожирали их с невероятной жадностью. Рудж рискнул, попробовал – оказалось ничуть не хуже винограда. Если бы не дожди, кормчий счел бы путешествие вполне терпимым.

Спокойная жизнь кончилась в полдень шестого дня. Северяне проснулись от тревожного ворчания пардов.

Данил прислушался.

– Пеший, – негромко произнес он. – Один.

Но едва разбудивший их человек появился на поляне, светлорожденный убрал руку с меча. Сутулый старик ростом по плечо Руджу, тощий, лысый, как выяснилось, когда пришелец откинул капюшон. Остатки волос старикашка заплел в косицу и свернул на манер жителя Тайдуана, но одет по-здешнему.

Парды зарычали. Пришелец им не нравился. Но Данил не счел его опасным.

– Есть хочешь? – на аркинно спросил светлорожденный, верный обычаям.

– Благодарю... благородный воин! – ответил старичок... На хорошем хольдском.

Рудж недоверчиво оглядел пришельца от оловянного цвета косицы до коричневых сапог.

– Ты кто? – напрямик и довольно недружелюбно спросил он.

Данил никогда не позволил бы себе такой бестактности.

Но старичок ничуть не обиделся.

– Усик меня зовут, – ответил он добродушно. – Не осмеливаюсь спросить, что делают

светлорожденный Империи и его друг в хуридском лесу.

– Позволь узнать, почему ты предположил, что я – светлорожденный? – осведомился Данил.

Он уже жалел, что предложил пришельцу пищу.

– В благородном господине – кровь Асенаров! – Старичок усмехнулся, обнаружив полный рот отличных зубов. – Я видел твоего родича однажды. А если б и не видел – твоя кольчуга, меч... Вагарова работа, верно?

И, усевшись на бревно подле костра, с невероятной быстротой принялся уплетать холодную грибную похлебку собственной, извлеченной из-за голенища ложкой. Через пару минут котелок опустел.

Рудж и Данил: один – с удивлением, второй – восхищенно, – наблюдали за исчезновением собственного обеда.

Старичок докушал, с сожалением поглядел на доньшко и тщательно облизал ложку.

– Я не всегда так ем, – пояснил он. – Но когда нервничаю, мне надо кушать.

– И что же тебя, сударь, беспокоило? – поинтересовался Данил.

– У меня серьезная встреча здесь, в этом лесу, – важно сообщил старичок. – Кстати, он принадлежит Риганскому монастырю. Монахи называют его Мокрым, чернь – Могилой. Потому что пойманных тут бродяг святые братья обычно живьем закапывают в землю.

Все это было поведано доброжелательным дребезжащим тенорком. Словно дедок рассказывал о прихотях любимой внучки.

– И с кем же у тебя назначена встреча, сударь? – спросил Данил. – Уж не с монахами ли?

Усик прижмурил глаз, поглядел сначала на светлорожденного, потом на хмурого кормчего.

– С вами, благородный Данил и достойный Рудж!

И наклонил голову набок: ни дать ни взять – стервятник ург, приглядывающийся к падали.

– Ты встретился, – Данилу совсем не понравилось, что старикашка знает их имена: тут уже не прикроешься болтовней о фамильном сходстве. – Говори!

– Мне нужна твоя помощь, благородный господин! – Усик склонил голову к другому плечу и обозрел светлорожденного другим глазом.

– Мы – беглецы во враждебной стране, – сказал Данил. – Мы можем вместо помощи принести тебе смерть.

– Не беспокойся об этом. У тебя есть некая вещь, которая тебе не принадлежит. Верни ее мне, и я буду вечно тебе признателен.

– Что ты имеешь в виду? – спросил светлорожденный.

– Он имеет в виду браслет, который ты носишь на руке, – вмешался Рудж. – Я думаю, нам следует его убить!

– Уж не думаешь ли ты, морячок, что сможешь меня убить? – осведомился старичок.

– Уходи! – резко бросил Данил. – Ты ел мою пищу, и я не хочу применять силу!

– О! Мой господин чтит старинные обычаи! – Усик захихикал. – Что ж, я тоже не стану тебя убивать.

Он вскинул руку:

– Гаваом лхац...

– Ни слова, маг! – Меч светлорожденного мгновенно оказался у груди Усика. – Ни звука – или я забуду о старинных обычаях...

– ...атм! – закончил чародей.

И Данил окаменел.

– Богиня, – прошептал Рудж, коснувшись своей серьги. – Богиня, укрой нас!

Чародей захихикал, схватил светлорожденного за руку и дернул застежку браслета. Руджа он явно и в грош не ставил. Металлический щелчок – и браслет с посланием – в руке мага...

В этот момент ветер хлестнул по кронам, сорвав черные хлопья листьев. Солнечный луч ударил прямо в глаза светлорожденному,— и он очнулся. И, не раздумывая, полоснул мечом.

Чародей взвизгнул, взмахнул руками... и пропал.

Серебряный браслет лежал у ног светлорожденного. Данил поднял его и надел на запястье.

— Благодарю тебя, Богиня! — проговорил Рудж.

Голос его дрожал.

— Да,— сказал Данил.— Это было неприятно. И обед наш сожрал, паршивец! Парды-то, умницы, сразу его раскусили. Как ты разбил чары?

— Не я, Морская богиня,— Рудж коснулся серьги.— Мы, Владыки морей, хранимы от магии. По счастью, не только на море, как выяснилось. Но это тайна, Данил!

— Я понимаю,— он покачал головой.— Алчущий из Тайдуана. Ну и ну!

— Почему из Тайдуана?

— Акцент. Седлай-ка парда, Мореход. Пообедаем мы где-нибудь в другом месте. Чует мое сердце — отсюда надо убираться!

* * *

— Ушли четыре часа назад,— доложил следопыт и отшатнулся от зарывавшего на него пса.

— Придержи зверя, ты, крыса! — рявкнул на ловчего Дорманож. И следопыту: — Продолжай!

— Ушли быстро, но не поспешно. Вон туда.

— Кто-то их спугнул? — предположил брат Хар.

— Кто? — Дорманож, Брат-Хранитель Риганского монастыря, глядел на выжженное пятно посреди поляны. Вчерашнее кострище. Сегодня огня не разводили.

Брат Хар промолчал. Дорманожу это понравилось. Не знаешь — не болтай. Толковый юноша. Среди нынешних Слуг Величайшего таких совсем мало. «Богу угодно, когда дух веселится!» Но от вина и дурмана человек тупеет. А угодна ли Величайшему тупость?

— Жаль, смиренник удрал,— сокрушенно пробормотал брат Оpos, неизменный спутник и правая рука Дорманожа. Рука, слабеющая с каждым годом.

— Был бы ты повнимательней, не удрал бы,— напомнил Брат-Хранитель.

— Просто у нас скверные псы,— буркнул Оpos.— Надо было взять гурамца!

— Там следа не было, вовсе не было,— обиженно пробормотал ловчий.

— Это как же? — язвительно спросил Оpos.

— А я почему знаю? Не было, и все.

— У этих — есть,— отрезал Дорманож.— Спускай собак. Надо догнать их раньше, чем они доберутся до тракта. Возьми следопыта, брат Хар. Марш!

Следопыт вскарабкался на круп парда позади монаха и изо всех сил вцепился в луку седла. Нельзя сказать, что он был рад такой верховой езде. Ловчий спустил свору и погнал парда через кустарник. Стая синих ящериц, поднятых собаками, кинулась врассыпную. Но у людей была добыча поинтереснее. Самая интересная добыча для человека — его сородич!

Охотничий пард Дорманожа с легкостью поспевал за собаками. Брат-Хранитель припал к его холке. Он не сомневался, что еще засветло догонит чужаков. Трудность в том, чтобы взять их живыми.

* * *

Данил придержал парда, привстал на стремянах, огляделся.

— Нас преследуют,— спокойно сказал он.

— Почему ты так решил? — спросил Рудж.

И тут же услышал отдаленный лай.

– Может, просто охотники? – неуверенно предположил он.

– Нет. Я чувствую.

И пустил парда легкой рысью.

– Вот как? – Кормчий с уважением поглядел на светлорожденного.

Дар предвидения – куда большая редкость, чем, скажем, умение взглядом зажечь огонь. Большинство провидцев не предугадывало будущее, а узнавало волю богов. Что, впрочем, тоже встречалось не часто.

Данил угадал его мысли и рассмеялся.

– Это не магия, Мореход! Это чутье воина. «Если ты не замечаешь лучника раньше, чем он выстрелит, то закончишь путь со стрелой в затылке». Мангхэл-сёрк.

– Ах да, – ухмыльнулся Рудж. – Чародей же сказал, что ты Асенар, а про союз Асенаров с Малым Народом знает даже такая морская крыса, как я!

– Я Асенар только по матери. По праву я – Рус, а Мангхэл-сёрк меня учил Нил Биоркит. Знает ли, морская крыса, кто это такой? (Рудж фыркнул.) Не полному искусству, – тут же, не без сожаления уточнил светлорожденный, – но достаточно, чтобы сохранить жизнь. Я рассказывал тебе о пятнистых аффах? Ты нервничаешь, Мореход? В чем дело?

– Мне крайне интересно все, что ты говоришь, – произнес кормчий. – Но если за нами погоня, может быть, поторопимся?

– Пожалей животных, сударь. И не тревожься, я обо всем позабочусь.

Данил с полной невозмутимостью покачивался в седле. Даже что-то напевал.

По расчетам Руджа, они уже должны были вот-вот выехать на тракт. А собачий лай раздавался все ближе. Может быть – в полумиле.

Рудж часто оглядывался. Ему казалось: преследователи вот-вот появятся между деревьев.

– Что делать, если они нас догонят? – нервно спросил кормчий.

Данил перестал петь. Он заставил своего парда принять вправо, так, что тот оказался рядом со зверем Руджа.

– Взгляни, – Данил указал на землю.

Рудж недоуменно посмотрел вниз.

– Ну и что? – спросил он.

– Извини, – Данил смутился, что с ним случалось редко. – Видишь, здесь сдвинута старая листва. Это наш собственный след. Мы уже два часа рисуем узоры для тех, кто так жаждет с нами пообщаться. Если у парней нет пса-следопыта с верхним чутьем, им придется здорово попотеть. А на тракт мы выедем у них за спиной и попозже. Хотя сначала я хочу взглянуть, кто пристраивается нам на хвост.

– А если у них есть гурамский следопыт?

– Тогда будем драться. Еще пара петель – и мы ляжем. Веселей, Мореход! Разве тебе не хочется посмотреть, кто тебя так полюбил?

– Представь себе, не хочется, – честно ответил Рудж. – У меня нет склонности к мужчинам, не говоря уже о вонючих монахах.

Спустя полчаса, накрыв плащами морды пардов, северяне залегли в зарослях с подветренной стороны от собственного следа. И Данил получил возможность удовлетворить свое любопытство.

Первыми появились собаки. Белые мускулистые гончаки, молча трусившие по следу. Затем – всадники. Первый – рослый мужчина на желтом охотничьем парде с явно примесью крови хасца⁶. Данил хорошо рассмотрел лицо всадника – безбородое, с чеканным профилем, – и решил, что этот человек не из тех, кому приказывают. Тем более что вооружение всадника – явно конгайского происхождения. И дорогое. Если бы не серый плащ

⁶ Хасцы – порода пардов, считающаяся самой быстрой.

с пятиконечным крестом Братства, светлорожденный мог бы усомниться, что перед ним – хуридит.

Рядом с монахом, держась за стремя, бежал человек в зеленой одежде простолюдина. По его повадке Данил понял, что «зеленый» – следопыт. Причем псам он не очень-то доверяет.

Данил и сам не стал бы им доверять. Гончак – не гурамец с верхним чутьем.

Следом за первым выехали еще два монаха. Оба – в коричневых плащах и тоже в конгайских доспехах. Но похуже. Одного из них светлорожденный сразу вычеркнул из числа противников. Старый, толстый, невнимательный. Четвертый всадник не принадлежал к Братству, но был вооружен. Луком и пикой. Итак, четверо – против двоих. Следопыта можно в расчет не принимать. Если Данилу удастся сразу свалить первого монаха, с остальными проблем не будет. Но первый всадник выглядел достаточно серьезным противником. Эх, будь с Данилом не славный кормчий, а кто-нибудь из северян-побратимов, они через полчаса сменили бы своих заморышей на порядочных пардов! Но сейчас риск несоразмерен. У монахов – арбалеты. Да и псы ползут в драку. Жаль, но прямо сейчас сменить пардов не удастся.

Вскоре фигуры всадников затерялись среди деревьев. Только белые тела гончих еще долго мелькали между черных стволов.

– Не заметили, – облегченно проговорил кормчий. – Теперь – на дорогу?

– Нет, – покачал головой Данил. – Мы поедем за ними. Так... безопасней.

Он pokrивил душой. Не хотел заранее пугать друга. Но очевидно же, что хорошего парда в Хуриде можно раздобыть, только выдернув из-под зада монаха. А хорошие парды – половина успеха.

Как и надеялся Данил, хуридиты след не бросили. Распутывали петли до темноты, а потом встали лагерем. Северяне расположились в ложинке, с подветренной стороны. С помощью кормчего Данил соорудил два наклонных навеса из веток. Между навесами установил пару сухих стволов, надколов их клиньями, а щели набив лохмами черного мха. При здешней сырости такая штукавина – получше костра.

– А если хуридские псы учуют дым? – спросил Рудж.

– Не учуют. А вот кугурр или хуруг – наверняка. Этой ночью нам хватит забот и без здешних хищников. Хорошие парды у монахов, сударь. Думаю, мы будем на них смотреться лучше, чем братья-монахи.

– Увести пардов? – изумился Рудж. – Боевых пардов?

– Охотничьих, а не боевых, – уточнил светлорожденный. – Я, друг Мореход, весь последний год службы отслеживал парней, промышлявших по этой части. И кое-чему научился.

Воровской «арсенал» оказался невелик. Сумка с вяленным мясом, несколько арканов. Напоследок, задрав парде хвост, Данил поелозил под ним холщовыми рукавицами. Парда была возмущена.

– Пойдешь со мной? – спросил светлорожденный.

– А ты рассчитывал повеселиться без меня? – удивился Рудж.

– А вдруг ты, сударь, не желаешь заниматься столь предосудительным делом?

– Угу. А как насчет кодекса воина?

Данил засмеялся.

– Все в порядке. На поединок меня никто не вызывал, если только в Хуриде не считается вызовом травля собаками. А раз так – это война. И все, что в мирное время называется украденным, сейчас – трофей.

– Ну ты законник, – проворчал Рудж. – Будешь платить мне откупное, если хуридский пард отхватит мне руку?

– Если правую – да. Без левой ты вполне сможешь держать кормило. Главное не откуси язык, когда будешь скакать без седла.

– Без седла? – Перспектива кормчему не понравилась. Но он, верный себе, сострил: – Если ты, благородный Данил, отобьешь яйца о пардов хребет, останешься без наследника. Тогда усыновишь меня, идет?

– Обойдешься. Я лучше поймаю того тайского мага и пусть делает мне новые. А вот с тобой как?

– Я – моряк! – гордо ответил Рудж. – У меня есть запасные.

– Спят, как младенцы, – прошептал Рудж. – Даже не выставили часового.

– Они – дома, – отозвался светлорожденный. – И у них собаки.

– Если здешних псов кормят так же, как кормили наших пардов, они сожрут нас живьем, – пробормотал Рудж, разглядывая поджарых, ребра наперечет, собак, устроившихся поближе к костру.

– Не здешние, – поправил Данил. – А настоящие гурамские гончаки. – У меня дома есть пара. У них хороший голос, быстрые ноги, неплохой слух, но чутье – так себе. Видишь пардов?

– Да.

– На, – Данил сунул кормчему рукавицу. – Ткнешь в нос. Сейчас я отвлеку собак. У тебя будет минут пять. Если ветер не переменится. А переменится – беги. Я тебя найду.

И растаял в темноте.

– Вот так всегда, – проворчал Рудж. – Самое противное всегда достается мне.

И двинулся в обход поляны.

Данил отбежал от хуридского лагеря шагов на пятьдесят, выбрал дерево потолще и издал негромкий кашляющий звук. Он не знал, водятся ли в Хуриде рогатые прыгуны, но его собственные псы с ума сходили, учуяв или услышав эту ящерицу. Светлорожденный еще раз повторил звук и резко оборвал его, прижав ладонь ко рту.

Данил порадовался бы, увидев, как встали торчком подрезанные уши гончих. Люди, естественно, ничего не услышали. Но когда оба зверя разом вскочили на ноги и зарычали, Дорманож мгновенно проснулся и пнул ловчего. А пока ловчий соображал, что к чему, псы сорвались с места и ринулись в темноту.

Дорманож взялся за рукоять меча и, напрягая зрение, вглядывался туда, откуда доносился лай гончих. Но не видел ничего.

– Они что, взбесились? – спросил проснувшийся брат Хар.

– Учужали кого или услышали, – пояснил ловчий. – Зверя какого, может, хуруга. Не любят они хуруга, ваша святость. Только вдруг он их зажрет?

– Иди за ними, – скомандовал Дорманож.

– Господин!

– Ты оглох? – Брат-Хранитель холодно посмотрел на ловчего.

И тот не посмел возражать: боялся Дорманожа больше, чем дюжины хуругов. Взяв пику, – от лука в такой темнотище пользы никакой, – ловчий побежал вслед за собаками.

– А если это действительно хуруг? – спросил брат Хар.

– Пусть тогда жрет этого дурня, а не псов, – буркнул брат Оpos, страшно недовольный тем, что его разбудили. – Почему он собак не привязал?

– Кто же в лесу собак привязывает? – удивился брат Хар. – Глупость.

– Непочтителен ты, – обиделся брат Оpos. – А знаешь, что гончие эти целой деревни смердов сто́ят, знаешь?

– Тихо, – перебил Дорманож. – Догнали.

Лай сменился рычанием. Затем наступила тишина.

– Догнали! – проворчал брат Оpos. – Прощай наши собачки!

– Облачайтесь! – скомандовал Дорманож. – Это не зверь. Зверь не управился бы так быстро.

Увидев белые тени гончих, Данил шагнул за ствол и еще раз кашлянул, подражая

рогатому прыгуну. И буквально через мгновение гончая пронеслась мимо, ловко развернулась – и увидела человека.

Меч сверкнул в воздухе и плашмя опустился на голову пса. Один есть. Вторая уже не замешкалась – с набега, с рычанием прыгнула на северянина. Ее учили брать не только зверя. Но есть разница между простолюдином и воином. И разница эта вспыхнула снопом искр в собачьей голове.

Данил мысленно похвалил себя. Оба гончака живы (жаль убивать таких прекрасных животных!), но очухаются не скоро.

Звук шагов со стороны лагеря. Светлорожденный прижался к стволу. Спустя полминуты он разглядел силуэт человека. Тот шел прямо к северянину. Данил не сразу сообразил, что хуридит просто идет за собаками. Светлорожденный бесшумно переместился вправо. Человек миновал его, не заметив. И оглушенного пса он тоже не заметил, хотя сам Данил прекрасно видел белый собачий бок. От хуридита несло страхом. Хорошо. Ночью страх превращает во врага любую тень. И превращает в тень настоящего врага. Второго пса хуридит заметил. Потому что споткнулся об него. Вскрикнув, ловчий тут же осекся и завертел головой. Затем присел и ощупал тело собаки. Но тут он почувствовал прикосновение металла к шее – и обмочился от страха.

– Кричи, – негромко произнес Данил. – Кричи – или умрешь.

– Снарядить арбалеты, – распорядился Дорманож.

– Пардов берем? – спросил брат Хар.

– Нет.

– Черные повязки? – понизив голос, спросил Опол.

– В лесу? – язвительно бросил Дорманож.

– Кто бы ни был – его следует проучить! – заявил брат Хар. – Мы – воинствующие монахи! И это наш лес!

– Э, кричал кто-кто? – перебил его Опол.

– Наш ловчий, – сказал Брат-Хранитель. – Хар, затуши костер.

Ловчий попытался крикнуть, но сдавленное ужасом горло только булькнуло. Данил убрал меч.

– Делай, что скажу, – и останешься в живых. Понял?

Хуридит кивнул.

– Брось пику.

Ловчий отшвырнул оружие.

– Теперь зови остальных.

– Господин... – хрюкнул хуридит. – Я...

– Кричи. – Меч снова коснулся шеи ловчего.

– Ваша святость! – хрипло выкрикнул тот.

– Громче!

– Ваша святость! – истошно завопил ловчий. – Ваша святость! Скорей сюды! Тута собаки побиты! Ваша святость!

Услышав второй, отчетливый, вопль ловчего, брат Хар бросился на крик.

– Стоять! – рявкнул Дорманож. – Костер гаси!

– Ваша святость! Скорей! – донеслось из чащи.

Хар свирепо растоптал последние угольки. Теперь только свет молодой луны разгонял темноту.

– Останешься здесь, – приказал Брат-Хранитель следопыту. – Позовем – откликнешься. Хар, Опол, разойдитесь на тридцать шагов и обогните крикуна.

– Ловушка? – спросил брат Опол.

Ловчий продолжал надрываться.

– Возможно. Вперед!

Сам Брат-Хранитель выждал несколько минут, а затем двинулся прямо на голос. Страх он не испытывал. Хар прав: воинствующему монаху дюжина разбойников – тьфу! Но есть еще вчерашний старикашка и день безуспешного преследования неизвестно кого, – нет, Дорманожу все это определенно не нравилось.

Трое хуридитов двинулись в лес. Один остался. Рудж понял: пора. Успокаивая себя тем, что охотничьи парды не бросаются на людей без повода, кормчий двинулся к цели. Парды не спали. При приближении Руджа звери зарычали. Один потянулся вперед, насколько позволяла привязь, навис над кормчим.

– Спокойно, спокойно, малыш, – забормотал Рудж и поспешно сунул парду рукавицу.

Зверь ткнулся носом и заурчал. Жесткий язык с шорохом прошелся по холстине. Еще один пард подошел сбоку, пихнул, фыркнул в ухо, потянулся к рукавице. Первый щелкнул зубами: не лезь!

Осмелевший Рудж похлопал парда по спине, и – удача! – рука его наткнулась на луку седла.

И второй – тоже оседлан!

Кормчий набросил ремень на шею второго парда, перерезал привязь и прыгнул на спину первого зверя. Наклонился, нащупывая вторую привязь... услышал щелчок тетивы и тупой удар попавшей в цель стрелы. Пард завизжал, взвился в высоком прыжке. Кормчий полетел вниз, а пард с жалобным воем умчался прочь. Прежде, чем оглушенный кормчий пришел в себя, стрелявший прыгнул на него и ударил ножом в грудь.

Светлорожденный увидел Дорманожа шагов за двадцать. Брат-Хранитель северянина не заметил, поскольку тот сливался со стволом. И дыхания его хуридит тоже не услышал: при приближении монаха Данил перестал дышать. Но одну ошибку светлорожденный совершил. Воспитание не позволило Данилу убить хуридита внезапным ударом. Кроме того, Дорманож оставил шлем на поляне, и в темноте Данил принял монаха-воина за слугу. И, коснувшись клинком его шеи, скомандовал:

– Стой!

Светлорожденный понял свою ошибку, когда его меч звякнул о металл шейного выступа кирасы.

Дорманож отшиб оружие северянина латной рукавицей и рубанул собственным мечом. Данил успел защититься боевым браслетом, но левая рука его онемела – так силен оказался удар. Дорманож, выхватив кривой кинжал, попытался вспороть северянину живот. Данил отпрыгнул и, выигрывая время, веером раскрутил клинок. Затем – выпад, восходящее движение и резкий мах клинком вниз, к колену. Дорманож успел убрать ногу.

«Тысяча демонов! – изумился Данил. – Какой боец! Откуда он взялся?»

Точно такой же вопрос задал себе и Дорманож.

В темноте Данил не мог определить возраст противника, но по тому, как тот дышал, предположил: не так уж молод.

Вниз-поворот-прямой укол-скользящий-отвод-прыжок с режущим слева. Выкованный вагарами клинок пел негромкую песню и весело звенел, встречаясь с конгской сталью.

Данил поворотом кисти отвел встречный выпад, свободной рукой поймал запястье хуридита, резко повернул. Монах, вскрикнув, упал на колено... и ударил светлорожденного кинжалом, целясь в пах. Данил, не успевая парировать, выпустил руку противника, упал на спину, перекатился и встал на ноги. Кинжал хуридита распорол его штанину. По счастью, только ее. Но Данил понял: хуридита надо класть сейчас. Еще одна ошибка может оказаться необратимой. Светлорожденный отступил – и хуридит, разумеется, ринулся вперед. Шаг в сторону, меч Данила упал на траву, пальцы сомкнулись на правом запястье Дорманожа, поворот, рывок... Ноги хуридита оторвались от земли – миг – и он зарылся головой в мокрую листву. Светлорожденный вышиб у него меч (кинжал монах выронил) и придавил к

земле. Теперь жизнь хуридита принадлежала Данилу.

Рудж услышал скрежет стали о сталь, ощутил боль в груди. Враг, прижав кормчего коленом к земле, долбил ножом, пытаясь продырявить кольчугу. Похоже, он не соображал, что делает, иначе уже давно перерезал бы северянину горло. Боль изгнала туман из головы кормчего, и Рудж врезал противнику коленом между ног. Попал! Кинжал в последний раз царапнул по кольчуге – и хуридит повалился на бок. Рудж поднялся, зашипев от боли в ушибленной спине. Вынул меч... Никто на него не нападал. Пардов схватка людей не заинтересовала. Они обнюхивали сброшенную кормчим рукавицу.

Рудж возблагодарил Повелителя Судеб, зацепил ремень, болтавшийся на шее одного парда, за седельную пружину второго и вскарабкался в седло. Пард рывкнул, щелкнул зубами, но получил по носу – и успокоился. Рудж хлопнул его между ушей: пошел, приятель. Оставались еще два парда, но кормчий решил: им с Данилом хватит и двух. Светлорожденный, конечно, забрал бы всех, но моряк не знал правил сухопутной войны, одно из которых гласило: ничего не оставляй врагу.

– Кто ты и почему преследуешь нас? – на аркинно спросил Данил.

– А ты, имперец, что ты делаешь на землях Братства? – задыхаясь (светлорожденный крепко приложил его оземь), проговорил Дорманож.

Дерзость спасла Брату-Хранителю жизнь. Перерезать горло столь умелому и отважному воину? Все равно что выпить залпом тридцатилетнее вино. Светлорожденный охотно вернул бы хуридиту меч и продолжил поединок. Но это удовольствие придется отложить. В конце концов, он затеял игру не ради истребления монахов, а о пардах Рудж наверняка уже позаботился. Один удар кулаком – и монах обмяк.

Лучше бы Данил его убил. Но светлорожденный не знал, кому оставляет жизнь. И он не был бы Данилом Русом, если бы поступил иначе.

На полпути к лагерю северянин наткнулся еще на одного монаха. Этот оказался попроще. Первым же выпадом светлорожденный проткнул хуридиту икру, надолго лишив возможности бегать.

В лагере хуридитов Данил обнаружил следопыта – скулящего на четвереньках – и пару оставленных Руджем пардов.

Светлорожденный посвистел, сунул каждому по куску вяленого мяса – и они поладили.

Итак, набег завершился успехом. В одном только светлорожденный сильно сомневался: найдет ли его друг дорогу к их собственной стоянке? Впрочем, последнее не так уж важно. Данил отыщет его сам.

Светлорожденный в очередной раз оказался прав. Отъехав от лагеря монахов на порядочное расстояние, Рудж понял, что понятия не имеет, куда держать путь. Поэтому поступил просто: расседлал пардов, а когда звери улеглись, втиснулся между ними и тут же заснул.

Разбудил его Данил. Он прибыл со всей их поклажей и пардами. Ругать кормчего за беспечность светлорожденный не стал: бесполезно.

Трех пардов, взятых в деревне, и одного из похищенных ночью – отпустили. Два под седлом и один выючный – вполне достаточно для путешествия в несколько сотен миль. В отличном настроении друзья отправились в путь. А вот для Дорманожа и его подначальных утро оказалось куда менее приятным.

III

Отпущенный Данилом пард вернулся к прежним хозяевам. И хвала Величайшему, иначе пришлось бы нести брата Хара на руках. Дорманож собственноручно, с подобающими молитвами, зашил рану, однако встать на проколотую ногу брат Хар не мог. Что-то важное

перерезал в ногу проклятый имперский меч. В общем, взгромоздили бедного Хара на спину парда и тронулись. Прошли с милю. И решили дальше не идти. Следопыт скулил, что яйца распухли, ловчий дважды блевать ходил, да и самого Брата-Хранителя крепко отдал имперец. Ах, как он сражался! Чудо, что всех не прикончил. Воистину, чудо!

Только собаки чувствовали себя прекрасно. Однако на охотничьих псах не поедешь. Это не упряжные.

– Оpos,– скомандовал Дорманож.– Садись в седло и давай на тракт. Сколько до него?

– Миль шесть,– ответил следопыт.– Или пять.

– За час обернешься. А ты проводишь,– бросил он следопыту.

Тот заскулил было, но под тяжелым взглядом Брата-Хранителя сник. Дорманожу только повод дай – враз без передних зубов останешься.

Оpos взгромоздился в седло, несчастный следопыт взялся за стремя – и отправились.

Вернулись, конечно, не через час, но до полудня. С пардами, взятыми именем Братства у проезжих купчишек. На тракте смахнули с пары возов купеческое барахло и с удобством доехали до монастыря. Засветло.

Риганское обиталище Братства – самое крупное в Хуриде. И самое значительное. Земель – за полмесяца верхом не объедешь. Одних рабов, бывало, до тридцати тысяч числилось. В лучшие годы. А сколько нынче людишек – никто не знал. Теперь подать по деревням собирали, а не по головам.

Сам монастырь невелик. Но крепок. Стены в тридцать локтей, башни, ворота, железом окованные. Твердыня веры.

Дорманож занимал в обиталище дом, лишь немногим уступавший дому Отца-Настоятеля. Сам строил. На собственные средства. А прежний дом – снес. Слева от Дорманожевых хором – Настоятелевы. Эти чуток повыше, ибо по уставу положено, чтоб над ними только храм возвышался. Справа от Дорманожа – казармы воинствующих монахов. С фасада – малое ристалище. Единственное открытое место в монастыре.

Жил Дорманож с удобствами. После одиннадцати лет, проведенных в столичном дворце Братства, и еще трех – во дворце Наисвятейшего, Дорманож привык к роскоши. Правилами, впрочем, роскошь не возбраняется. Если средства есть.

Хранительство в Ригане для Дорманожа – опала. Кабы не интриги – быть бы ему в числе Отцов-Управителей. Но опала – не казнь. Все еще может перемениться.

После вечерней службы Дорманож отправился к Отцу-Настоятелю. Тот весь истомился – так хотелось узнать, что же произошло. Но посылать за Дорманожем, чтоб явился с отчетом,– не стал. Сам придет. Отношения у Брата-Хранителя и Отца-Настоятеля – трудные. А ладить надо. Для общей пользы.

Расположившись с удобством на ложах, предназначенных для глубокомыслия, приступили к делу. То есть Дорманож рассказывал, а Отец-Настоятель слушал, запивая неприятные вести черным сладким вином.

Начал же Брат-Хранитель с того, что встретили они человека в облачении странствующего монаха. И сказал им тот человек, что бродят в Риганском лесу люди нехорошие. И в доказательство своих слов показал стоянку. Пока же Дорманож с Харом, спешившись, осматривали следы, монах пропал. И брат Оpos, коему поручено было за смиренником приглядывать, только руками разводил. Монах пропал, даже следа не оставив, но след чужаков – остался. А посему решил Дорманож пренебречь охотничьим весельем ради долга и пустил собак по человеческому следу...

– Нехорошо вышло,– дослушав, пробормотал Отец-Настоятель.– Что будешь делать, Брат-Хранитель?

– Прошу твоего совета,– с деланным смирением проговорил Дорманож.

Настоятель знал – смирение фальшивое. И Дорманож знал, что Настоятель знает. Однако же ладить надо.

– Молиться следует,– поучающе изрек Отец-Настоятель.– Величайшему молиться. И

святому Дихгиму, покровителю Риганского обиталища. Уверен ли ты, что не простые то разбойники, а проклятые имперцы?

Дорманож пожал плечами.

– Можно выяснить,– сказал он.– Помолившись.

Иначе говоря, послать к «лесным братьям» человека. И спросить. Но прямо об этом не скажешь. Что «лесные», что «ночные братья», иначе именовавшиеся «черными повязками», перед Наисвятейшим – преступники. Но помнил Дорманож, и Отец-Настоятель тоже помнил: те из облеченных властью, кто вознамеривался с этими преступниками покончить,– кончали плохо. А кто с разбойниками ладил – извлекал немалую пользу. Для Братства. И для себя. Тем более, и овцы послушней, ежели дикие псы поблизости.

Помолчали ради солидности. Затем Отец-Настоятель сообщил, что должен подготовиться к святой службе. А потому Брат-Хранитель может удалиться. Что Дорманож и сделал.

Репутация Дорманожа требовала возмездия. Да и как ревностный представитель Братства он должен отыскать и покарать имперских шпионов. В первую очередь – отыскать. Брат-Хранитель потянулся к гонгу... и почувствовал: кто-то есть за спиной. Он резко обернулся, готовый излить гнев на бестолкового раба... Но увидел не раба, а незнакомого щедедушного человека. Человек лежал, развалившись на любимом ложе Брата-Хранителя.

От подобной наглости Дорманож потерял дар речи.

– Пустое,– усмехнулся человек.– Не гневись – от злобы кровь портится.

И по скрипучему голосу Брат-Хранитель признал в нем вчерашнего монаха.

Незванный гость щелкнул перстами – и прямо из воздуха возникла серебряная курильница с гибкой трубкой. В покоях потянуло дурманным дымком.

– Не желаешь, святой брат? – осведомился маг.

– Нет!

Маг, раздери его демоны! По закону Наисвятейшего за колдовство полагалась немедленная смерть – посредством вздергивания за ноги над монастырскими воротами. Проклятого следовало оставить висеть, пока душа его – вместе с чарами – не истечет в землю. Однако дураку, который пожелал бы проделать подобное с м а г о м, следовало только посочувствовать. Дорманож дураком не был. К тому же краем уха он слышал: у Отцов-Управителей в последние годы даже дела какие-то завелись с тайдуанскими Алчущими Силы.

– Значит, не хочешь,– чародей выпустил струйку пряного дыма.– Зря. Хур освобождает дух постижения.

Дорманож снял со стены меч в ножнах. Пристегнул к поясу. Маг не препятствовал.

– Тебе не место здесь,– проворчал Брат-Хранитель.

Чародей ухмыльнулся. На редкость гнусная рожа.

– Хочешь знать, где твои враги?

Дорманож молчал. Сам скажет, иначе не спрашивал бы.

– Хочешь знать, откуда взялись в Риганском лесу имперцы?

– Говори,– буркнул Брат-Хранитель.

Тройное проклятие! Ему стало неудобно в собственных покоях.

– Слышал ли ты о корабле, что сгорел недавно в Воркарской гавани?

– Да.

– Я его сжег! – с видимым удовольствием сообщил чародей.

– Зачем?

Незванный гость проигнорировал вопрос.

– Те двое,– сказал он.– Удрали с того корабля. Они тебе понравились?

– Дерутся хорошо,– признал Дорманож.– По крайней мере, один из них.

– Еще бы! Ты скрестил клинок с потомком Асенаров. Гордись!

Дорманож чуть шевельнул плечами. В имперских родословных он не разбирался.

– Когда я его поймаю, вздерну его на три локтя выше, чем обычного бродягу.

Понравится твоему благородному такой почет?

– Он не мой, – покачал головой чародей. – Делай с ним, что пожелаешь. Но есть одна вещь, которая принадлежит мне. Я помогу тебе, святой брат, а ты, когда схватишь северянина, отдашь мне эту вещь.

– Если не сочту ее полезной для Братства! – отрезал Дорманож.

– Братству будет очень полезно, если эта вещь не попадет в Империю, – с нажимом произнес маг.

– Что за вещь?

– Тебе, святой брат, о том знать не обязательно. Схвати имперца – и я приду за ней.

– Если не опоздаешь!

– Не беспокойся. Я не опоздаю. Хуже будет, если опоздаешь ты.

– Где они?

– На пути в Кариомер. Через четыре дня будут там.

– Я возьму их. И спрошу, какого демона им надо в Кариомере.

– В Кариомере – никакого. Они идут в Конг. Бегут в Конг.

Дорманож удивился.

– Сотни миль по нашей земле? Да их задержит первая же застава.

– Кое-кто уже пытался их задержать, – маг засмеялся – будто сухое зерно просыпалось. – Они едут в плащах Святого Братства на твоих собственных пардах, а кошельки их полны денег. Только ты сумеешь их задержать. И только с моей помощью. И еще: Наисвятейшему непременно доложат, кто схватил имперских шпионов. Ты все еще хочешь войти в число Отцов-Управителей?

После удачного похищения северяне больше не сворачивали в лес. Данил посчитал, что скорость сейчас важнее скрытности. Светлорожденный не обнаружил в Хуриде зеркальной связи, следовательно, если поспешить, можно опередить известия о себе. На хороших пардах по дороге не так уж сложно делать миль по пятьдесят в день. Парды же сослужили им еще одну службу: показывали встречным монахам, что всадники – немалого ранга, раз путешествуют на таких прекрасных животных. Однако то же самое, что на дороге обходится легко, может пройти вовсе не так гладко там, где придется остановиться на ночлег. Рудж, как ни хотелось ему спать в постели, а не в сырой чаще, настаивал на ночевке в лесу. Данил воспротивился. Пора, наконец, познакомиться с хуридитами поближе. И желательно без помощи оружия.

До ближайшего городишки, как сообщал дорожный указатель, оставалась всего миля.

Указатель сообщал также, что в городке шесть сотен облагаемых податью домов, а въездная пошлина составляет двойной медный курш⁷ с человека и шесть – со всадника.

Через четверть часа друзья подъехали к воротам – паре деревянных створов в пять локтей высотой. Данил усмехнулся: городские ворота! За пару минут топором вышибить можно! Лучше уж тогда вообще без ворот. Приличней. Он пропустил Руджу вперед, а кормчий извлек из кошелька серебряную монетку. И едва не совершил серьезную ошибку. Хорошо хоть ему хватило ума бросить монету на землю. Вручи он ее солдату – не избежать неприятностей.

Стражник же, заметив – монах что-то обронил, нагнулся и обнаружил серебро. Ему и в голову не пришло, что монах платит пошлину. Где это видано в Хуриде, чтобы воинствующий монах за что-то платил? Солдат не прочь был бы прикарманить деньги, но вдруг монах проверяет его честность? Поколебавшись не больше мгновения, стражник бросился вслед за всадником.

– Святой отец! Святой отец! – завопил он.

У Руджа душа ушла в пятки. Но он помнил: за ним едет Данил. Поэтому кормчий не

⁷ Медный курш – монета, которая определяет стоимость дневного содержания одного взрослого раба.

пустил парда вскачь.

Солдат догнал его и протянул монету.

– Вы обронили, священный,– проговорил он, тяжело дыша.

Рудж молча принял монету.

– Должно быть, важные шишки,– сказал первый стражник второму, когда всадники отъехали достаточно далеко.

– А то! – согласился второй.– Пошли сыграем разок. Вишь, солнце садится, скоро на боковую.

Спустя два дня оба получили по двадцать палок за потерю бдительности. Но кто же знал, что под плащами Братства скрываются безбожники-имперцы?

– Плащи,– сказал Данил.

Отъехав в тень, оба скинули плащи с пятиконечными крестами Святого Братства и заменили их зелеными накидками, которые запасливый Рудж прихватил из дома убитых монахов. Затем Данил внимательно осмотрел пардов и упряжь. Обнаружив на седельных сумках знаки Братства, светлорожденный соскоблил их, а соскобы натер землей, чтоб незаметно было.

Улочка вывела на рыночную площадь. Торговля почти закончилась, и всадниками никто не заинтересовался.

– Трактир,– Рудж указал на жестяную вывеску с изображением толстяка, прихлебывающего из кружки.

Данил поглядел, скривил губы, однако направил парда в указанном направлении. Выбора все равно не было.

В грязи перед раскрытыми воротами расположилось с полдюжины калек-попрошак. Иногда Руджу казалось – таких в Хуриде больше, чем здоровых. Как будто кто-то специально уродовал людей и рассаживал вдоль дорог, словно чудовищные поганки. На всадников нищие взирали с полным безразличием. Рудж украдкой бросил на колени одного, слепого и без обеих ног, монету, возвращенную стражником.

Въехали в ворота. Прямо за ними, прислонившись к столбам, дремали два здоровяка с дубинами. Вернее, делали вид, что дремлют. Данил заметил внимательный взгляд, брошенный на него из-под сдвинутой на самые брови черной повязки.

– Сюда, сюда, господа путники! – К северянам, размахивая руками, бежал человек.

– Еда и ночлег,– сказал Рудж, стараясь выговаривать слова на хуридский манер.

– Все, что пожелаете! Пожалуйте сюда, пардушек ваших устроим. Ой хороши у вас пардушки.

– Хороши! – с нажимом произнес Рудж.

– Не извольте беспокоиться,– мгновенно поняв намек, отозвался хуридит.– У нас не воруют. Оплачено.

Пард Руджа фыркнул. На земле лежал человек. Голова его была в крови, но это не беспокоило ни их провожатого, ни парня с дубиной у ворот в стойла, в такой же черной головной повязке, как и на привратниках.

Покрытый жирной копотью потолок, до которого можно дотянуться рукой. Дюжина столов, на каждом – оплывающая салом свеча. Землистого цвета лица и кислый запах скверного пива.

Данил шагнул к ближайшему столу, и сидевшие за ним поспешно подвинулись.

Хозяин заведения уже спешил к ним. Наверняка ему сообщили о новых гостях.

– Хорошего вина и хорошего мяса,– распорядился Рудж.

– Сей момент, мой господин! Изволите остаться на ночь?

– Да.

– Господам приготовят лучшие комнаты!

– Комнату,– уточнил Данил.– Одну. И две постели.

– Как угодно, как угодно!

– Как называется этот городишко? – спросил Рудж у соседа по столу, когда хозяин отошел.

– Ширип, – пробормотал хуридит и еще больше отодвинулся и надолго припал к кружке.

То, что он пил, цветом и запахом напоминало о сточных канавах.

Ужин, который принесли северянам, оказался лучше, чем можно было ожидать. А вино – хуже.

Хозяин вернулся в сопровождении угрюмого подростка.

– Покажет вам комнату, – пояснил он. – С вас серебряк с четвертью, добрые господа. Плата, извините, вперед.

А когда Рудж рассчитался, добавил:

– Завтрак – бесплатно. Но если господа желают что-нибудь еще?

– Горячей воды и два таза! – заявил кормчий.

– Не понял, добрый господин?

– Помыться.

– А... Он все сделает, – кивок на подростка. – Если что еще, только скажите!

– Надо же, – мимоходом бросил хозяин парню с черной повязкой при входе. – Монах ныне пошел: помыться желают. Ну хоть деньги платят.

– Вот, брат Мореход, никого-то мы и не заинтересовали, – сказал Данил, когда они уже лежали в постелях.

– Утром видно будет, – кормчий покосился на дверной засов.

Засов был солидный.

Впрочем, и ночью ни их, ни засов никто не потревожил.

Утром северяне позавтракали (за счет заведения), получили своих пардов, накормленных и вычищенных, и беспрепятственно покинули город, не забыв, впрочем, перед воротами надеть монашеские плащи. Оба полагали, что дела обстоят неплохо. Если не считать зарядившего с самого утра дождя.

* * *

В то утро, когда северяне покинули Ширип, Брат-Хранитель Дорманож выехал из ворот Риганского обиталища. Выехал не один – с четырнадцатью верховыми воинствующими монахами и тремя полусотнями солдат-пехотинцев. Подготовить их к походу в столь короткий срок – настоящий подвиг. Но не меньший подвиг – за четыре дня добраться до Кариомера. Впрочем, пойдут налегке – для поклажи Дорманож выпросил у Отца-Настоятеля три собачьи упряжки.

До полудня шли бодро, потом поскучнее. Но ничего. Если Братство поднимает человека из навоза, дает ему в руки копьё и делает сторожевым псом, он должен в поте лица своего отрабатывать долг перед Наисвятейшим.

Дорманож развернул парда и проехался от начала к хвосту колонны. Морозящий дождик сеткой висел в воздухе. Солдатские сапоги скользили по подмокшей глине. Если так пойдет дальше, дорогу развезет и Дорманожу придется оставить пехоту и ехать вперед с одними всадниками.

Брат-Хранитель приглядывался к солдатам: не хромают ли кто, натерши ноги? Если обнаружится такой – будет примерно наказан. И сам, и десятник. Ибо тело солдата есть имущество Святого Братства, и кто с небрежением к нему относится – преступник.

Дорманож двинулся к голове колонны, миновал повозки. Его пард презрительно фыркнул. Известно, парды почему-то недолгобливают упряжных псов. Хотя и не трогают. А вот упряжные на пардов вовсе внимания не обращают, хотя иные тяжеловозы – покрупнее среднего парда. Дорманож слышал: бур-чаданну, у которых пардов маловато, пытались использовать упряжных под седло, да ничего не вышло. Даже боевые псы туповаты, а уж

упряжные и вовсе ничего не соображают. Не умнее волов.

Воинствующие монахи ехали впереди. Болтали весело и громко. И не о Величайшем, как полагалось бы, а о вещах безусловно низких.

Измельчали ныне святые братья, подумал Дорманож. Не телом – разумом измельчали. Может, еще и от того, что для рождения их подбирают Отцы-Покровители женщин, что более блещут красой тела, а не силой ума? Но есть и исключения, хвала Величайшему! Например, брат Хар. Мужественный юноша. Нелегко ему в седле с такой раной, однако ж в повозку не просится. Демоны разорви этих унгрия. Вовсе перестали торговать с Хуридой, и чудодейственная смола теперь достается разве Отцам-Управителям. А на что она им, по пять лет за меч не бравшимся? Конечно, у Дорманожа есть небольшой запас. Но не так много, чтобы тратить его на других.

Мильный столб. «36». Совсем недурно. С утра – двенадцать миль, несмотря на погоду. Разумеется, Дорманожу совсем не обязательно столько солдат, чтобы поймать двух имперцев. Тем более что в Кариомере и своих ловцов хватает. Но почему бы не подразнить святейшего Круна, Отца-Наставника этого славного города? Кариомер – жирное местечко. Торговый город. Купчишек больше, чем крыс в монастырских подвалах. Прежний Наисвятейший менял Отцов-Наставников каждые три года. Торгашей следует держать в строгости, а привыкший к золотому дождичку Отец-Наставник – слишком ласковый пастырь.

Дорманож поравнялся с братом Опосом. Толстяк ухитрился спать даже в высоком седле, даже под дождем. Большое искусство.

Брат-Хранитель толкнул его хлыстом. Опос тут же проснулся и преданно воззрился на Дорманожа.

– Опос, что ты думаешь о купечестве?

– Вешать, – не раздумывая, ответил монах.

– А торговать кто будет?

Опос задумался. И впрямь: не святым же братьям сим постыдным делом заниматься? Воинствующий монах не торгует – он берет.

Пожалуй, Дорманож сохранит имперцу жизнь. На какое-то время. Чтобы расширить знания. Брат-Хранитель никогда не покидал Хуриды. И был не прочь выяснить, почему погрязшие в грехах северяне не спешат припасть к стопам Наисвятейшего. Разве Истина не очевидна всякому разумному человеку?

* * *

Серая кисея капле повисла в воздухе. За ней прятался противоположный берег, по всей вероятности, тоже заболоченный и обросший щеткой черного тростника. Вымокшие парды выглядели тощими и несчастными. И всадники смотрелись немногим лучше. Поэтому, когда впереди замаячили какие-то строения, и люди, и животные воспряли духом. Лапы пардов побыстрее зашлепали по черной жиже, в которую превратилась дорога, и вскоре всадники въехали в поселок. Вдоль дороги сушились, вернее мокли, развешенные на шестах сети. Перевернутые вверх днищами лодки напоминали выброшенных на берег рыб. Чуть позже северяне проехали мимо пристани с одиноким корабликом, чья мачта напоминала обгоревшее дерево. Впрочем, в иллюминаторе кормовой надстройки желтел огонек, и благодаря ему кораблик казался в большей степени человеческим жильем, чем темные низкие хижинки вдоль дороги.

Однако у самой пристани располагалось нечто более солидное, чем ветхие домишки рыбаков: высокий часток с двустворчатыми воротами.

Не сговариваясь, северяне повернули пардов. Данил постучал в ворота, а когда никто не откликнулся, – толкнул посильнее, и створки разошлись.

Двор был пуст. По широким, словно озера, лужам барабанил дождь. Полдужины строений: одно покрупней, вероятно – жилой дом, остальные помельче. К дому от ворот вела

вымощенная булыжниками дорожка.

На сей раз дверь оказалась на запоре. На стук выглянул парень с дубиной. Узрев монашеские плащи, парень заметно струхнул, но сделал что-то вроде приглашающего жеста.

Данил спрыгнул наземь.

– Парды, – сказал он.

Парень кивнул, отставил дубину и двинулся к ближайшей сараюшке. На дождь и грязь ему было наплевать: шлепал босиком прямо по лужам.

Сараюшка оказалась хлевом. Три коровы, дюжина овец. Но – тепло и сухо.

Пока северяне освобождали животных от упряжи, парень, так же молча, засыпал в кормушки толченых грибов пополам с зерном. Затем отпер большой ларь и показал на упряжь и сумки: сюда. Когда все было спрятано, запер ларь, а ключ отдал Данилу. Затем отвел северян в дом.

О, это было нечто!

Свет. Тепло. Сухость. И – запах. О, этот запах, от которого рот Руджа непроизвольно наполнился слюной. Уха. Жирная, наваристая, пряная. Как в лучших корчмах Тура Аркисского.

– Славное местечко, – пробормотал Данил. – Не ожидал.

– Эй, глянь, – кормчий кивком головы указал на стол у камина.

Данил изучил сидящую там компанию, ничего особо подозрительного не обнаружил и вопросительно посмотрел на Руджа.

– Женщины! – Кормчий поднял указательный палец.

А ведь верно! Две женщины в шелковых платьях. С перстнями на пальцах и сережками в ушах. Довольно привлекательные. Первые женщины, которых они увидели за время путешествия. Если не считать заморенных баб в деревеньках.

– Что угодно господам? – Хозяин, круглолицый, услужливый, в подпоясанной красным шарфом куртке, возник перед северянами.

Данил приподнял бровь, но смолчал. Если хозяин не пожелал видеть в них монахов (а ведь плащи их висят здесь же, на стене), значит, заподозрил подделку. И деликатно дал об этом знать.

– Ухи, – сказал Рудж. – Да побольше. Вкус у нее не хуже, чем запах?

– Лучше, – с улыбкой произнес хуридит. – Пива?

– Вина, – ответил Данил. – Светлого. И без воды.

– Вода там, снаружи, – хозяин кивнул в сторону окна. – Вино подогреть?

– Нет.

Хозяин не солгал. Уха оказалась чудесной, а вино – настоящим тайским. Если закрыть глаза – можно представить, что они – дома.

Огонь весело потрескивал. Одна из женщин запела, и голос у нее был приятный.

Данил, сытый и благодушный, оглядывал народ в трапезной. Своеобразный народ. Четверо мужчин, те, что с женщинами, неплохо одетые и порядочно выпившие. Еще трое, за другим столом, – играющие в кости. Эти одеты похуже, но зато при оружии. Занятно.

Руджа волновали другие вещи.

– Почему бы нам не познакомиться с этой певуньей? – изрек он. – И с ее подружкой?

– Они не одни, – сухо ответил Данил.

– Но мы – лучше.

– Не увлекайся вином, – посоветовал светлорожденный.

– А разве я не прав?

– Разумнее – потерпеть до Конга.

– Но мы были в плавании почти месяц! – воскликнул кормчий. – Такое долгое воздержание вредно для здоровья и неуютно богам!

– А оказаться подвешенным за ноги – полезно для здоровья? – спросил Данил.

– Друг мой! Я предпочитаю менее изысканные позы. – И, повысив голос: – Готов поспорить на золотой – дамы не откажутся пересесть за наш стол!

– Рудж, – попросил светлорожденный. – Давай отложим, а?

– Я только спрошу! – Кормчий поднялся.

И тут же рядом с ним возник хозяин.

– Если достойные господа пожелают божественной пыльцы, то им довольно только сказать.

– Пыльцы? – заинтересовался Рудж.

– Господа не желают, – отрезал Данил. – А скажи мне, дружок, кто эти люди? Троица, игравшая в кости, совершенно внаглую разглядывала северян.

– Эти? – Хуридит мельком взглянул в указанном направлении. – Моряки, как и вы, почтенные.

– А с чего ты взял, что мы – моряки?

Хозяин указал на золотую серьгу кормчего.

Так, один вопрос снят.

– Еще вина?

– Да, – согласился Данил, чтобы отправить хозяина.

– О какой пыльце он говорил? – спросил Рудж.

– Наркота, – на морском жаргоне ответил светлорожденный. – Сядь. Перестань глазеть на женщин, а обрати внимание на игроков в кости.

Кормчий выполнил оба указания.

– Рожи мерзкие, – заявил он. – Особенно у того верзилы. Если это моряки, то сдается мне, паруса у них – красные.

Сказано было довольно громко.

Верзила, о котором шла речь, встряхнул зажатые в кулаке костями, затем в упор поглядел на Руджу. Кормчий ответил таким же вызывающим взглядом.

Кулак разжался, кости покатались по столу, и другой игрок накрыл их ладонью. Верзила встал. Неторопливо снял верхнюю куртку. Под ней обнаружился панцирь из крупных плоских колец.

Рудж тоже поднялся. Оба поняли друг друга без слов.

Хуридит шагнул в сторону и взял прислоненную к стене пику.

Рудж вынул меч. Он не слишком беспокоился. Пика хороша в тесном строю, полагал он. В поединке меч куда предпочтительней. Он даже позволил себе усмехнуться...

И еще усмехался, когда хуридит, широко размахнувшись, метнул в него пику.

Рудж дернулся, уходя в сторону и одновременно попытавшись отразить пику клинком. Оба движения оказались не слишком удачными. Меч лишь чиркнул по древку, а наконечник угодил прямо в грудь кормчего. Руджа отбросило назад (меч он выронил), спиной на стол, за которым он только что сидел. Кормчий тупо уставился на собственную грудь. Ощущение такое, будто его пропороло насквозь.

Однако панцирь выдержал. Рудж бросил взгляд на верзилу: тот тоже был обескуражен. Наконечник пики выгнулся под прямым углом к древку. Доброе в Хуриде железо, однако. Впрочем, не будь на моряке многослойной паутинной куртки и хорошей кольчуги – грудная клетка его хрустнула бы, как раковина под башмаком. Хотя, если судить по ощущениям, не стоило утверждать, что все ребра уцелели.

Хуридит опомнился первым. Прыгнув вперед, он схватил погнутое оружие и замахнулся, словно секирой.

Рудж бросил отчаянный взгляд на светлорожденного, но тот сидел с невозмутимым видом.

Все, что мог кормчий, – скатиться со стола на пол и взвыть, когда падение взорвалось болью в груди.

Согнутый наконечник с хрустом воткнулся в столешницу и застрял. Хуридит, рыча от ярости, рванул пику на себя... и наконечник отломился. В руках у верзилы теперь оказалась простая дубина. Правда, с железным обручем на одном из концов. С устрашающим воплем хуридит устремился к Руджу. Тот крысой юркнул под соседний стол. Хуридит,

наклонившись, попытался достать его палкой, но стол был длинный, а Рудж вынырнул из-под противоположного конца. Верзила бросился в обход, и кормчий повторил свой замечательный маневр. Рудж не думал о том, достойно ли себя ведет, он просто хотел уцелеть.

Верзила еще раз обогнул стол, а кормчий проделал тот же путь, но на четвереньках.

Хуридит выругался. Рудж промолчал. Ему было больно говорить.

«Что же Данил? – с возмущением подумал он. – Меня же убьют!»

– Вылезай, вонючая крыса! – потребовал хуридит.

«Сейчас тебе!» – подумал Рудж. И тут увидел свой меч, преспокойно лежащий у ножки соседнего стола.

Рывок – в глазах потемнело от боли, нырок под соседний стол – верзила рванулся следом... и захрипел, закашлялся, выдохнув красные брызги.

Добрый клинок, как и рассчитывал Рудж, продырявил хуридскую кольчугу.

Кормчий выбрался из-под стола, а его противник простоял еще мгновение, а затем с грохотом рухнул на пол. Рудж с трудом переводил дыхание.

Двое приятелей громилы вскочили. Но рядом с кормчим уже стоял Данил.

– Теперь я, – сказал он. – Ты не возражаешь?

У Руджа осталось сил как раз на то, чтобы один раз кивнуть.

Вагарский клинок светлорожденного вылетел из ножен и закружился в «двойном веере».

Боевой пыл его противников угас в считанные мгновения. Двое игроков попятились, а потом опрометью бросились к выходу, сбив с ног парня, встретившего северян во дворе. Одна из женщин, та что пела, оглушительно свистнула. Похоже, немногочисленной публике представление пришлось по душе.

Хозяин заведения осторожно прикоснулся к светлорожденному.

– Господа моряки не заплатили, – заметил он.

Определенно, этот человек нравился Данилу.

– Возьми у того, кто не сбежал, – великодушно сказал светлорожденный.

– Ну уж нет! – возмутился Рудж. – Сначала это сделаю я!

И проворно обшарил убитого.

Хозяин с невозмутимым видом принес кувшин вина и поставил перед Данилом.

– Почему ты не вмешался? – спросил кормчий своего друга, раскладывая столбиками монеты: убитый оказался далеко не бедным.

– Я? – с искренним удивлением произнес светлорожденный. – Но ведь это твой поединок. Разве я мог тебя оскорбить вмешательством?

– В следующий раз, мой благородный друг, если увидишь, что меня намереваются прикончить, не стесняйся, прошу тебя! Вмешивайся! – Ирония кормчего ускользнула от Данила: он слишком серьезно относился к таким вещам.

– А если кто-нибудь вознамерится убить тебя, – продолжал моряк, – позволь и мне оказать тебе помощь. Мне будет грустно одному в этой поганой стране.

– Не думаю, что в Хуриде найдется кто-то, способный победить Данила Руса, – без всякого самодовольства отозвался светлорожденный. – Но о твоей просьбе я не забуду.

В одном из кошельков убитого обнаружили драгоценности. Явно женские и, судя по качеству и размерам, принадлежавшие нескольким женщинам.

– Сдается мне, я догадываюсь, чем промышлял этот парень, – проворчал Рудж. – Эй, хозяин, трех серебряных хватит?

– Шесть, – невозмутимо ответил тот. – Мне придется заплатить налог на убийство.

Держался он так, словно покойники – обычный десерт к его кушаньям.

Данил выдернул из стола отломанный наконечник, хмыкнул пренебрежительно.

– Хвала кузнецу, который его ковал, – сказал Рудж.

– Выгребные ямы чистить такому кузнецу! Победу должна приносить крепость рук.

– Мой благородный друг, будь на нем моя кольчуга, а у меня – его пика, ты выехал бы

завтра в одиночестве. У меня и так синяк размером с хорошее блюдо.

- Да, ты прав,– лицо светлорожденного стало озабоченным.– Надо тебя осмотреть.
- Чепуха! Заживет. Кости, вроде, целы.
- Вот это и следует проверить.

Ребра кормчего действительно оказались целыми. На ушиб же Данил положил успокаивающую мазь. Так что Рудж, оказавшись в постели, не ворочался от боли. А сразу уснул.

Однако выспаться ему не удалось.

Незадолго до рассвета кто-то осторожно постучал в дверь. Хозяин.

– Хочу рекомендовать господам покинуть мой дом как можно быстрее и как можно тише.

– Неприятности из-за того убитого? – Данил положил меч и принялся натягивать сапоги.

– Нет. Прибыли солдаты Братства. С ними – особый гонец Наисвятейшего. Ищут двух безбожников-имперцев.

– И что же? – Данил взял меч, выполнил несколько движений.

– Откуда возьмутся имперцы в центре Хуриды? – Хозяин тонко усмехнулся.– Но мне показалось, вы торопитесь?

– Да,– кивнул Данил.– Мы действительно торопимся.

– Тогда собирайтесь. Я пришлю своего племянника, чтоб проводил вас. Он не станет приставать к вам с расспросами. Монахи отрезали ему язык.

Данил пристально посмотрел на хозяина. Кажется, он начал понимать этого человека.

IV

Дождь кончился. Но на пучках темно-красных хвоинок поблескивала вода, и стоило Руджу задеть низкую ветку, как его тут же осыпало брызгами. Но земля в лесу была суше, чем на дороге.

– Если все пойдет гладко, через десять дней будем уже в горах,– сказал Данил.– Жаль, что мы так мало узнали об этой стране.

– А мне вот нисколько не жаль,– отозвался Рудж.– Глаза б мои ее не видели. Но если хочешь расширить свой кругозор – поймай какого-нибудь монаха и прищепи ему яйца.

– А это мысль! – Данил поравнялся с кормчим и хлопнул его по спине.

Рудж поморщился: ребра еще побаливали.

– Ближе к вечеру выберемся на дорогу,– решил Данил.– Глядишь, и подвернется подходящий «язык».

– Вижу, тебе хочется подраться,– заметил моряк.

– Не без того. А ты можешь предложить другие развлечения? – усмехнулся светлорожденный.

Некоторое время ехали молча, потом Рудж спросил:

– Ты не знаешь, как это началось?

– Что?

– Хурида. Это самое «Святое Братство».

Данил удивленно взглянул на кормчего:

– А ты не знаешь? Нам в школе год вбивали в голову «Отпадение провинций».

– Мы учились в разных школах, светлорожденный Данил Рус! – сказал Рудж и засмеялся.

– О да! Карты ветров повеселей, чем «Основы налогообложения»! – Данил тоже рассмеялся.

– Это точно. И все-таки – как оно вышло, с Хуридой?

– С начала?

– Ну конечно! Я же простой мореход, не забыл?

– И усы у тебя рыжие,– усмехнулся светлорожденный.– Ладно, внимай, невежда.

Жил в Воркаре чародей по имени Туск. Мелкий чародей, даже не маг, обычный колдун. «Приворожу, погадаю, излечу от дурного глаза». В любом порту таких – на медяк мешок. Но некоторые – попроворней. И вот в году шестьсот шестьдесят девятом от воцарения Вэрда объявляет себя наш Туск пророком «Истинной веры», создает Братство Святых Послушников и провозглашает, что не позднее зимнего солнцестояния для всех инаковерующих наступят скверные времена.

Ничего нового в этом не было. «Пророков» таких тоже хватало во все века. И приверженцев новой веры нашлось не больше десятка. Но...– Данил сделал многозначительную паузу.– Но не прошло и месяца – умер император Хартдар, Хёстав-Братоубийца зарезал наследника Глорда, и началась Смута!

– Ну точно! – воскликнул Рудж.– То-то мне год показался знакомым!

– Я продолжу? – спросил Данил, пряча улыбку.

– Извини.

– Итак, началась Смута. И очень многие жители провинций отправились на север – защищать справедливость или, наоборот, поддержать Хёстава: все же тот был законным сыном императора. И среди этих многих оказались все хуридские маги, как Алчушие, так и Братья Света. Однако ж еще больше хуридитов никуда не поехали. Зато вспомнили, что некий Туск пророчил нехорошие времена. Спустя полгода, когда в Хольде и Аркисе земля порыжела от крови, этот самый Туск, Первый «Наисвятейший», провозгласил Хуриду Землей Истинной Веры, воинов Хуриды, тех, кто примкнул к его учению,– воителями-монахами во славу Величайшего. И объявил, что им принадлежит всё в Хуриде – золото, земли, женщины; а он, Наисвятейший, велит им наслаждаться жизнью и дарами ее. Но прежде – очистить Землю Истинной Веры от неверующих.

И очистили,– заключил Данил.– Уже пятый век идет, как очистили...

Часа в четыре пополудни выехали на тракт. До самой темноты никто не попался навстречу. Лишь на закате северяне нагнали караван из двух дюжин повозок.

Погонщики, завидев коричневые плащи, торопливо съезжали к обочине.

Колеса нагруженных возов утопали в грязи, но могучие горбатые вола тянули их вперед, хоть и не быстро, но без видимого напряжения.

Северяне поравнялись с головой каравана. Впереди вышагивал коренастый хуридит в кожаной шапке. Под курткой коренастого наметанный глаз Данила тут же определил кольчугу. Хуридит шел пешком, хотя пард, которого вели в поводу, принадлежал, вне всякого сомнения, именно ему.

– Приветствие,– старательно копируя здешний выговор, произнес Рудж.– Далеко ли до города, человек?

Хуридит остановился, задрал голову, пытаясь разглядеть кормчего. Но сумерки и тень наброшенного капюшона препятствовали этому.

Четверо парней спрыгнули с первой телеги и подошли поближе. Настоящего оружия у них не было – только дубины. Но выглядели ребята решительно.

– Хвала Величайшему,– отозвался купец.– До города, говоришь? Да миль пять осталось.

И знаком отправил парней обратно на телегу.

– Ну-ка, Бурс, подсади меня,– приказал он слуге.

Тот подставил сложенные руки, и купец вскарабкался в седло.

Данил тотчас поравнялся с ним и пристроился слева. Нельзя сказать, что хуридиту это понравилось.

– Хорошо, дождь кончился,– проговорил кормчий, чтобы завязать разговор.

– Да, хорошо, хвала Величайшему,– на лице купца появилось озадаченное выражение.

– А что, святые отцы направляются в Кариомер или дальше? – спросил хуридит.

– Дальше.

– А позволено мне спросить, из какого обиталища едут слуги Наисвятейшего?

– Из Воркарского, – буркнул Данил.

Он чуял: купец ведет себя не так, как следует. Почему?

– Из Воркарского? – Хуридит издал короткий смешок. – Должно быть, святой отец запомнил: в Воркаре нет обиталища, ибо тамошних своих слуг Наисвятейший держит при дворце.

– Мой брат оговорился, – вмешался Рудж. – Мы выехали из Воркара!

– Да, да, я понимаю, – купец заставил парда двигаться быстрее, а когда три всадника обогнали караван на полсотни шагов, негромко сказал по-хольски: – Ни один воинствующий монах не опустится до того, чтобы отвечать торговцу.

– Честь твоей проницательности, – проговорил Данил. – Да, мы с севера.

– Невелика честь, – хмыкнул хуридит. – Приметы мне зачитывали уже на трех заставах. Наисвятейший желает с вами пообщаться.

– И во сколько оценили наши головы? – поинтересовался Рудж.

– Что? Оценили? – Купец расхохотался. – Я бывал в Империи, – сказал он чуть позже. – И в Благословенном Конге тоже бывал. И кое-что знаю о Мире. Но вы, достойные, ничего не знаете о Хуриде. У нас не назначают наград за поимку преступников. Радость Наисвятейшего – вполне достойная награда для его рабов. Зато у нас есть награда для тех, кто не помогает поискам Братства.

– И какая же?

– Есть много способов отправить человека в Нижний мир, – усмехнулся купец.

– И ты не боишься?

– Боюсь, – кивнул хуридит. – Но того, что ночь – на носу, а до города еще часа два пути, я боюсь побольше, чем кары за общение с вами.

– Так серьезно? – спросил кормчий.

– Мой отец был убит разбойниками в полумиле от городских ворот. Моего деда убили монахи как раз на этой дороге, только тремя милями ближе к Кариомеру. Говорят, убили по ошибке. Вот только при покойнике почему-то не оказалось ни гроша. Вы, достойные, не представляете, каково это – быть купцом в Хуриде.

– А пиратом? – подколот Рудж.

Хуридит хмыкнул:

– Моего прадеда поджарили омбамту, – сообщил он. – А вот второй прадед ходил под красными парусами и был поджарен конгайским сторожевиком. И все же поверьте мне: пирату и честному мореходу куда безопаснее, чем купцу на этой славной дороге. Я богат, достойные, но только потому, что моя подружка Смерть трижды в день целует меня в затылок. Да, я боюсь. Но разве это оправдание для того, чтобы отступить?

– У тебя сердце воина, – одобрительно произнес светлорожденный. – Как твое имя?

– Отец назвал меня Гривуш. В честь моего деда.

– Данил Рус.

– О! Неужели из тех самых Русов?

– Из тех.

– Большая честь! – Купец стянул шапку, мотнул головой, что, вероятно, обозначало поклон, и вернул головной убор на место. – А спутник твой, благородный Данил, также из светлорожденных?

– Увы! – вздохнул кормчий. – Во мне ни капли серебряной крови. Но имя у меня есть. Отец назвал меня Рудж. В честь одного городишки в Гураре, где они с приятелями неплохо повеселились.

Гривуш рассмеялся.

– Я рад вам, – сказал он. – И особенно вашим мечам.

– У тебя есть основания для особого беспокойства? – спросил Данил.

– У меня хороший товар. И всего шестеро охранников. Больше нанять не удалось, и это

тоже дурной признак. Тем более мы задержались из-за раскисшей дороги.

– Если бы я был разбойником,– сказал светлорожденный,– я устроил бы засаду перед самым городом.

– Почему? – спросил Рудж.

– Чем ближе к дому, тем человек беспечней.

– Верно,– согласился Гривуш.– Моего отца убили...

– Ты уже говорил,– перебил кормчий.– Может, нам лучше переждать где-нибудь в лесу?

– Зачем? – удивился Данил.– Если почтенный Гривуш прав и его ждут, нас-то они не ждут. Верно?

– Уверяю тебя, этим ургам без разницы, что твоя благородная кровь, что моя! – заявил хуридит.

– Разница есть,– спокойно произнес Данил.– И они ее заметят, можешь не сомневаться. А сейчас с твоего позволения я поеду вперед. Телеги слишком шумят.

Данил пустил парда рысью и исчез в темноте.

– Не думай, Рудж, что мы так уж беззащитны,– сказал купец.– У меня припрятано несколько луков. И топоры, которыми мои парни рубят дрова, на оч-чень длинных топорщах.

Рудж промолчал. Ему совсем не хотелось рисковать жизнью, защищая товары почтенного Гривуша.

– Если все обойдется,– продолжал тем временем хуридит.– Я укрою вас в своем доме. Вкусная еда, чистая постель, большая ванна с горячей водой!

– Ты не шутишь? – заинтересовался Рудж.– В а н– н а? Твой дом здесь, в Хуриде?

– А ты полагаешь, что на хуридское золото нельзя купить тайский шелк? – ухмыльнулся купец.

Темный силуэт всадника словно материализовался из мрака.

– Это я,– раздался голос светлорожденного.– Ты прав, почтенный, засада.

– Много? – обеспокоенно спросил купец.

– Не знаю. Слышал, как они возятся на деревьях.

– На деревьях?

– Совсем не глупый ход. Склонен думать, у них арбалеты. Бросят на дорогу пару факелов – и цели как на ладони.

– И что же делать? – спросил Гривуш, «передав командование» светлорожденному.– У меня арбалетов нет. Только три лука.

– Лук – еще лучше,– отозвался Данил.

– Это почему? – удивился Рудж.

– Потому что пока ты один раз нажмешь на спусковой крючок арбалета, я выпущу из лука самое меньшее три стрелы. Доставай-ка свои луки, почтенный. И предупреди своих.

– Может, остановимся?

– Не стоит. Вдруг эти охотники отрядили наблюдателя.

Оглядев предложенный лук, Данил только хмыкнул:

– Почему бы вам не сделать его еще короче, размером с рогатку?

– Мне жаль, благородный Данил, но в Хуриде оружие разрешено только солдатам Святого Братства. Большой лук труднее спрятать. Этот не годится?

– Сойдет,– Данил пристегнул к поясу колчан.– Двигайтесь как обычно,– распорядился он.

– А ты? – спросил Рудж.

– А я пойду поохочусь.

– Один? – удивился Гривуш.– Их же там наверняка не меньше дюжины.

– Больше,– сказал светлорожденный.– Я начну, когда вы окажетесь поблизости. Рудж, позаботься о моем парде.

Данил спрыгнул на землю и растворился в темноте.

– Бесстрашный человек, – Гривуш покачал головой. – Пойду предупрежу парней.

Караван перестроился. Теперь возы ехали в два ряда, ширина дороги позволяла, а люди – посередине. На возах лежали пропитанные маслом факелы.

Перед Руджем шел парень с длинной дубиной. Он отчаянно потел, судя по запаху. Позади – Гривуш. Кормчий держал меч наготове. От лука он отказался – не стрелок, тем более в темноте. Небо заплывало тучами: ни звезд, ни луны. Собственной руки не разглядеть. Копыта волов с хлопаньем месили грязь, поскрипывали колеса. Лес молчал.

Короткий вскрик, хруст ломающихся веток – и глухой удар о землю.

Данил угадал точно: караван почти поравнялся с засадой. Предупрежденные возницы остановили волов. На какое-то время – напряженная тишина. Затем щелчок тетивы (даже Рудж услышал), и еще один «плод» свалился на землю.

И началось.

Лес ожил. Сообразив, что происходит нечто незапланированное, разбойники посыпались со своих насестов. Кто-то захлебнулся предсмертным воплем, кто-то завопил просто так. В чаще вспыхнули и заметались огни. Чей-то голос, надсаживаясь, призывал: «Ко мне!» Кто-то у самой дороги истошно заорал: «Вот он! Вот он!» И, надо полагать, не ошибся, потому что тут же забулькал, захлебываясь кровью.

О караване словно забыли. За спиной Руджа высекли искру. Вспыхнул факел и, посланный сильной рукой, разбрасывая искры, взлетел вверх и застрял в ветвях, осветив кусок леса справа от дороги. Тут же прямо на телегу рядом с Руджем спрыгнул здоровенный мужик с копьём и нацелился проделать в северянине совершенно не нужную дырку. Кормчий не стал его отговаривать, а попросту полоснул хуридата по ногам, когда же тот свалился с телеги – добил, проколов горло.

Тем временем еще один разбойник напал на потеющего парня. Тот взмахнул дубиной, разбойник поднырнул, и, спасаясь от его меча, парень вспрыгнул на телегу. Нападавший едва не повторил трюк, который только что проделал Рудж, но кормчий испортил ему удовольствие, рубанув по руке. Потеющий парень dokonчил дело, размозжив разбойнику физиономию. Рядом, шумно выдохнув, опустил топор Гривуш. Брызги крови испачкали щеку кормчего. Еще один факел взлетел вверх, но не удержался в ветвях, упал в придорожный кустарник. Оттуда выскочил разбойник с изготовленным арбалетом, поскользнулся в грязи, плюхнулся на задницу. Один из охранников Гривуша бросился вперед и разбил арбалетчику голову. А мигом позже сам упал со стрелой в шее.

Кусты вспыхнули. Сразу стало очень светло. Гривуш отложил топор и взялся за лук. Рудж и потеющий парень, вооружившись мечом убитого разбойника, присев за телегами, вглядывались в чащу...

Но вместо разбойников между деревьями показался Данил, волочащий безжизненное тело.

– Знакомая одежда? – спросил он, прислонив труп к тележному колесу.

Убитый был монахом. И не из последних, судя по качеству доспехов. Впрочем, доспехи не помогли – стрела вошла в глаз.

– Можешь предъявить счет Святому Братству, купец, – сказал Данил.

– Шутишь? У меня слишком плотное телосложение, чтобы висеть вниз головой. За убийство монаха мы все отправимся на виселицу.

– Но разве он не пытался тебя ограбить?

– Это Хурида, мой господин. В Хуриде все принадлежит Наисвятейшему. А значит, любой монах может взять все, что пожелает. Как свою собственность.

– Интересные законы!

– Забери его пояс, а мои люди снимут доспехи. Остальным займутся крысы. Надеюсь, они не побрезгуют сородичем.

– Как мне хочется прогуляться по вашей славной стране со стальной щеткой, – проворчал Данил. – Рудж, не сочти за труд, обыщи его. А я помогу этому парню.

Один из людей Гривуша безуспешно пытался выдернуть застрявшую в плече стрелу.

У Данила эта операция заняла чуть больше минуты. И еще пара минут потребовалась, чтобы промыть рану вином и перевязать. Чувствовался большой опыт.

– Ты прямо лекарь,– одобрительно проговорил Гривуш.

Один из его людей погиб, двое были легко ранены. Дешево отделались, одним словом. И купец знал, кого за это благодарить.

Рудж при свете факела разглядывал бумагу, извлеченную из-за пазухи убитого монаха.

– Гривуш,– позвал он.– Ознакомься.

– «Податель сего взывает средства для нужд Наисвятейшего»,– прочел вслух купец.– Погляди, у него еще должен быть перстень...

– Точно!

Кормчий стянул с указательного пальца убитого золотой перстень. На печатке его были выгравированы пятиконечный крест, чаша и корона.

– Взыматель Наисвятейшего,– Гривуш покачал головой.

– Что с этим делать?

– Я бы его выкинул. Но... В определенных обстоятельствах такая вещь может оказаться полезной.

– То есть, если я суну его в нос какому-нибудь монаху, тот слижет пыль с моих сапог? – спросил Рудж.

– Что-то вроде этого. Если не распознает в тебе самозванца.

– Дай-ка его сюда,– Данил отобрал перстень и надел на палец.– Что еще нашел?

– Вот,– Рудж встряхнул кошель.– Для Наисвятейшего маловато, а нам хватит.

Возницы, попрятавшиеся под телеги в начале схватки, вылезли, соскребли с себя грязь и вместе с охранниками, раздев убитых, оттащили подальше в лес. Так же поступили и с монахом. В голом виде Отец– Взыматель ничем не отличался от простого земледельца. Разве что поупитанней.

– Ты спас мою старую шкуру, благородный Данил,– сказал купец.– Все мое – твое.

Всего лишь формула благодарности, но светлорожденный почувствовал себя польщенным.

– Я думаю, нам не стоит въезжать в город,– сказал он.– Раз мы в розыске.

– Оставь! Содержимое моих телег волнует стражу куда больше, чем пара фальшивых охранников. А уж пара настоящих золотых монет совершит настоящее чудо. Вот увидишь!

Так и вышло.

V

Данил распахнул окно... и тут же закрыл его. Окно выходило на перекресток. В центр перекрестка был вкопан столб с перекладиной. А на перекладине – подвешенный за ноги труп. И вонял он, как положено трупу. Под столбом маялся стражник. От нечего делать он гонял копьём голодных ургов. Падальщики возмущенно орали, распахивая зубастые пасти. Звуки под стать запаху.

Если не считать вида из окна, дом у купца Гривуша оказался вполне приличным. Даже по имперским меркам. Вчера, когда перед северянами распахнулась окованная железом дверь, Данил получил возможность убедиться: тайский шелк действительно можно купить на хуридское золото. Именно этим расписным шелком были задрапированы стены гостиной. После серых и черных красок Хуриды – настоящий праздник для глаз. Однако светлорожденный не мог не оценить и оборонительных достоинств дома. Двери вели в узкую прихожую, каковая заканчивалась крутой лестницей. Лестницу в случае нападения могли бы удерживать два-три человека. А окно, которое только что закрыл Данил, было забрано изящной, но достаточно прочной решеткой. Как и все окна в доме. Маленькая крепость. Не хватало только колодца в подполе. Впрочем, почему бы не быть и колодцу?

Стук в дверь.

– Хозяин приглашает господина к завтраку!

– Иду,– отозвался светлорожденный.

Облицованные мрамором колонны, гурамские ковры на стенах, алебастровые светильники.

«Ничуть не хуже, чем в нашем глорианском доме»,– подумал Данил.

Рудж уже был здесь. И Гривуш.

– Доброе утро, благородный Данил. Как спалось?

– Превосходно.

Легкие шаги за спиной. Данил обернулся...

В нескольких шагах от него стояла девушка.

Бежевое длинное платье с глубоким вырезом, полностью открывающим плечи. Серебряный кольчатый пояс обнимает талию. На плечах – накидка из нежной тайской шерсти, серая, с узором из черных жемчужин поверху, а с внутренней стороны подложенная алым шелком. Волосы собраны кольцом на затылке и черной волной струятся до пояса, посверкивая вплетенными серебряными нитями. Сережки в мочках маленьких ушек, пятиконечный крест, выложенный бриллиантами,– чуть ниже ключиц. Матовая кожа, черные, ясные, доверчивые глаза...

– Моя дочь Ниминоа!

– Данил Рус!

– Рудж!

Маленькие ножки в замшевых туфельках бесшумно ступали по ковру. Девушка опустилась на стул, поправила кружевную оторочку рукавов, чья белизна подчеркивала смуглость узких кистей.

Северяне обменялись восхищенными взглядами.

– Прошу к столу, господа!

– Клянусь устами Богини, в ней кровь Конга,– прошептал Рудж.

– Ты прав, достойный,– Гривуш услышал сказанное кормчим.– Ее мать была рождена в благословенном Конге. Она ушла в Нижний мир семь лет назад, во время поветрия.

– Да будет милостива к ней Кала,– разом отозвались оба северянина.

Гости заняли места за столом. Рудж – рядом с Ниминоа, Данилу же Гривуш предложил почетное место во главе стола, а сам сел по правую руку светлорожденного.

Слуги внесли кушанья.

– Распечатай, благородный Данил! – Гривуш протянул светлорожденному обтертую от пыли бутылку.

«996», было выдавлено на белой смоле, которой залили горлышко. 996 год по воцарении Вэрда Смелого. Сорок семь лет печати и тому, что под ней.

– Черное орзлейское,– сказал Гривуш.– Надеюсь, тебе понравится. Это лучшее, что у меня есть.

– Никогда не думал, что столь чудесный цветок способен вырасти под здешним мертвым небом,– произнес Рудж, наклонясь к Ниминоа.

– Достойный хочет сказать, что я красива? – Легкая улыбка тронула губы девушки.

– О нет! – Рудж покачал головой.– Я хочу сказать, что ты прекрасна!

– Неужели лучше, чем девушки севера?

– Тебе нет равных! Эти пальчики,– кормчий коснулся руки Ниминоа,– могли бы принадлежать богине. А твои глаза глубже морских глубин!

– У тебя изысканный слог, достойный Рудж,– рассеянно ответила девушка и посмотрела на Данила.

Но светлорожденный не заметил ее взгляда, он разговаривал с Гривушем.

Ниминоа не догадывалась, что говорят о ней.

– Как тебе удалось сохранить подобное чудо? – спросил Данил.

– Чудом. Особенно когда я разорялся. К счастью, в последний раз это случилось шесть лет назад, и по закону Ними считалась слишком юной для гаремов Братства. Вряд ли это спасло бы ее, но у меня остались друзья, заплатившие отступное Отцу-Наставнику. А

Отец-Наставник Крун, по счастью, любит золото больше, чем девочек.

– Счастье, что у тебя есть друзья, – отозвался Данил.

– О да. Мы, хуридские купцы, держимся друг за друга. Иначе не уцелеть. Братство забирает половину дохода, Наисвятейший – пятую часть, а «черные повязки» – треть оставшегося. Но, к счастью, вместо двухсот золотых в казну Братства я могу ограничиться двадцатью, если еще двадцать отдам лично Отцу-Наставнику.

– Ты упомянул «черных повязок», кто это? Городские бандиты?

– Можно сказать и так. Я плачу им, а они не грабят мои лавки. И следят, чтобы не ограбили другие.

– Но есть же стража!

– Стража? – Купец засмеялся. – Страже на меня наплевать, а святые братья, как ты мог убедиться, отлично ладят с разбойниками. Если кто и делает что-то за мои деньги, то это «черные повязки». Да еще люди, которых нанимаю я сам.

– А ты не думал, почтенный, что в Империи тебе легче было бы заниматься делами?

– Думал, – кивнул купец. – Более того, у меня немалые пай в ваших компаниях. Но, понимаешь, благородный Данил... я привык к моей стране. Здесь скверно, страшно... но один золотой может через месяц принести три. Разве так бывает у вас, на севере? Хотя, может, года через три, если буду жив, я и переберусь к вам. Из-за моей девочки.

Собеседники посмотрели на Ниминоа. Рудж что-то сказал, девушка рассмеялась.

– Она красива и обучена хорошим манерам, – сказал Гривуш. – Твой друг не женат?

Данил покачал головой.

– Может, он возьмет ее замуж? Я дал бы очень хорошее приданое.

– Такой девушке не нужно золото, чтобы выйти замуж!

Гривуш, удивленный горячностью гостя, внимательно посмотрел тому в глаза. Но Данил уже взял себя в руки и ответил вежливой улыбкой.

– Я понимаю, что для человека твоего круга она – неподходящая партия, с приданным или без него. Но Рудж – человек не столь благородной крови. А то что он – твой друг, говорит о его высоких достоинствах, не так ли? Этот брак выгоден для обоих.

– Поэтому ты привел нас в свой дом?

– Не только, – купец усмехнулся. – Я твой вечный должник. Скажи – и этот дом будет принадлежать тебе.

– Ты полагаешь, мне нужен дом в Хуриде? – засмеялся Данил. – Но как бы то ни было, принимая нас, ты здорово рискуешь.

– Как всегда, – спокойно ответил купец.

Данил еще раз посмотрел на кормчего и девушку, красивых, веселых... легких!

– Достойный Рудж слишком налегает на орэлейское, – с усмешкой произнес Гривуш.

Кормчий, угадав, что говорят о нем, повернулся, помахал рукой... и смахнул на пол алебастровый светильник!

Белый шар разлетелся вдребезги, масло разлилось по ковру и вспыхнуло. Рудж оцепенело уставился на огонь. Зато Данил отреагировал с обычной стремительностью. Сорвал со стены ковер и набросил на взметнувшееся пламя. Жаль, конечно, гурамскую роскошь, но пожар страшнее. Удивительно, но померещилось светлорожденному, будто бы пламя угасло чуть раньше, чем он накрыл его. Вот что значит старое вино.

– Хвала богам, обошлось, – произнес он.

Гривуш, бледный как бумага, только шевельнул губами. Испугался, бедняга: пожар был почти неминуем.

А вот Ниминоа... Она тоже испугалась... Но как-то иначе. Светлорожденный заглянул в ее глаза – и увидел тайну. Словно ниточка протянулась между Данилом и девушкой...

– Великая богиня! – прохрипел кормчий. – Я уж думал... как наш «Баловень»!

Ниминоа погладила его по руке. Ласково. А взгляд – к Данилу. «Ты догадался?»

О чем?

* * *

Дорманож прибыл в Кариомер в полдень следующего дня. Он не сумел бы добраться так быстро, если бы не позаимствовал двенадцать дюжин пардов в Мирсорском монастыре. Нельзя сказать, что там этому обрадовались.

Нельзя сказать, что Дорманожу обрадовались и в Кариомере.

Отец-Наставник, разумеется, при встрече выразил полное удовольствие. На словах. Выражение же толстой его физиономии было довольно кислым. Дорманожа Крун помнил еще по столице и хорошего не ждал. Очень вероятно, Наисвятейший прислал грозного Брата проверить донос на него, Круна. Увы, Отцу-Наставнику было что скрывать от Наисвятейшего.

Дорманож не отказал себе в удовольствии – помучить толстяка неизвестностью. Но пересаливать не стал, за торжественной трапезой поведаль, за кем приехал.

От рассказа Брата-Хранителя Круну легче не стало. Два шпиона-имперца проникли в город... Такое может стоять не только места, но и кожи. Дорманож слегка успокоил: шпионы путешествуют в облачении воинствующих монахов. Посему городской страже и в голову не могло прийти их задержать. Однако же вызвать и допросить стражу нетрудно.

– Мы их найдем! – заявил Крун.

«Мы» подразумевало Брата-Хранителя Кариомера Треоса.

– Найдем, не сомневайся, брат Дорманож! – столь же уверенно заявил Треос, рассчитывая не столько на своих солдат, сколько на помощь «черных повязок».

– Найти их – ваш долг! – сказал Дорманож.

Он-то знал наверняка – имперцам не спрятаться. Чародей обнаружит их и сообщит Дорманожу.

– Не желает ли праведный брат отдохнуть с дороги? – осведомился Крун. – Насладиться женскими ласками? У нас есть несколько совсем молоденьких, еще не имевших святого потомства.

Крун помнил вкусы Дорманожа.

– Потомство угодно Величайшему, – степенно ответил Дорманож.

Большой недостаток Риганского обиталища – отсутствие на его землях больших городов. В маленьких же трудно отыскать по-настоящему красивых девочек.

* * *

Рудж позволил себе вздремнуть пару часов после обеда. Проснулся он в прекрасном настроении. Некоторое время еще понежился под шелковым одеялом, глядя в потолок, расписанный голубым и белым. Как небо в Орэлее. Живое, теплое, ничуть не похожее на мертвое небо Хуриды.

Нежный запах цветущих тайских роз наполнял комнату: в кадке у изголовья – целый куст, усыпанный темно-синими бархатными цветами. Рудж погладил лепестки, понюхал пальцы. Пыльца пристала к коже, и рука теперь пахла весенним тайдуанским утром.

«Ниминоа», – подумал кормчий и улынулся.

Данил передал ему слова Гривуша, и Рудж, вопреки обыкновению, отнесся к предложению серьезно. Дочь купца зацепила его всерьез.

«Матери она понравится», – подумал кормчий.

Разумеется, он не возьмет девушку с собой. Слишком опасно. Гривуш найдет способ вывезти ее из Хуриды. Месяц-другой – и они встретятся. Что ж, это во всех отношениях отличная партия. Может быть, приданого и собственных денег Руджа хватит, чтобы купить судно...

Кормчий сбросил одеяло и спрыгнул с ложа на ковер. Он чувствовал себя молодым и сильным.

Ниминоа...

* * *

Маг явился к Брату-Хранителю в четыре часа пополудни. Как всегда не вовремя. Притомившийся от угодных Величайшему забав Дорманож собирался вздремнуть. Маг возник за спиной, еще более омерзительный, чем в прошлый раз, и без приветствий и предисловий заявил:

– Имперцы в доме здешнего купца. Купца зовут Гривуш. Будут там до завтрашнего утра. Моряка возьми себе, светлорожденного отдашь мне.

– О таком мы не договаривались! – воскликнул Брат-Хранитель. – Они оба – преступники! И подлежат...

– Ты тоже преступник, – холодно сказал маг. – Разве ты донес о нашей прошлой беседе?

Проклятый колдун! Дорманож прикусил губу. Он был в бешенстве, но взял тоном ниже:

– Ты говорил о какой-то вещи? Зачем тебе человек?

– Я передумал, – заявил чародей. – Делай что сказано. В накладе не останешься. Я приду.

И исчез.

«Надо идти к Круну, – без всякого удовольствия подумал Дорманож. – Пусть покажет, где дом этого предателя Гривуша».

* * *

После ужина Гривуш и Данил остались за столом: поговорить о делах. А Руджа Ниминоа увела наверх, в маленькую оранжерею. Здесь, под сенью двух зонтичных пальм у крохотного фонтана, Рудж сорвал с губ дочери Гривуша первый поцелуй.

Волосы девушки лежали на руке кормчего, такие густые, что он ощущал их тяжесть. Рудж был очарован. От голоса девушки у него сладко вздрагивало сердце. От запаха ее нежной теплой кожи прерывалось дыхание. Рудж пил этот запах крохотными глотками, и каждый глоток отзывался чуть слышным звоном.словно серебряные браслеты на тонких лодыжках Ниминоа. Как она слушала! Впитывала каждое слово, будто Рудж пророк или скадд⁸.

И от этого слова, которые кормчий множество раз нашептывал девушкам в десятках городов Мира, звучали словно впервые.

– Я исчез, растаял в чашах твоих глаз.
Я исчез, я только память твоих рук.
Я – узор, который вышила игла
Лунным светом на просоленном ветру.

Я росой впитался в кожу твоих ног.
Я запутался в шелках твоих волос.
Я испил от губ твоих, и я не смог
Оторваться – и твой сон меня унес.

Я исчез, истаял, выплеснулся весь
Без остатка, канул в мир твоих теней.
Но мы знаем, мы-то знаем, что я здесь
В миг, когда ты вспоминаешь обо мне.

⁸ Скадд – актер, владеющий магическим даром, переносящий слушателя в воображаемый им мир.

Я всего лишь пенный след в твоих волнах.
Шорох трав на берегах твоей земли.
Я исчез в тебе, и наши имена
Даже боги не сумеют разделить...

Зеленые веера листьев вздрагивали от случайных прикосновений. Хрустальная вода струилась по мраморному желобу. Крохотные медовницы раскачивались на цветочных чашках...

А снаружи, за толстой каменной стеной – темная улочка, дождь, сточная канава, безликие фигуры в наброшенных на головы капюшонах. Снаружи – Хурида.

– Я купил ее мать на рынке в Мукре,– рассказывал Гривуш.– Но не на общих торгах, а по-тихому. Захватили ее пираты, которым совсем не хотелось передавать волшебный цветок Святому Братству. А оставить себе боялись: доносчиков везде хватает, да и дурманом эти парни интересовались куда больше, чем женщинами.

Слуга поставил перед собеседниками кувшинчик с горячим, сваренным с пряностями кофе и вазу с печеньем. Гривуш собственноручно наполнил чашку гостя. Затем продолжил:

– Пираты меня знали и знали, что могу дать подходящую цену. Надеюсь, ты не осудишь меня, мой благородный гость? Я знаю: в Империи нет рабов.

– Ты сделал ее своей женой,– отозвался Данил.– Что в этом дурного?

– Женой? – Гривуш засмеялся.– Чтобы взять ее в жены, мне понадобилось бы разрешение Отца-Наставника. А Отец-Наставник пожелал бы узнать, хороша ли она в постели. Может, невеста более подходит для развлечения святых братьев, чем для рождения купеческих детей?

Гривуш обмакнул печенье в горячий сладкий кофе, откусил аккуратно, чтобы не испачкать бороду.

– Ты видел Ниминоа, благородный Данил. Она очень похожа на свою мать. Если бы Отец-Наставник увидел ее, я больше не увидел бы ее никогда. Часто я жалею о том, что Величайший позволил моей дочери унаследовать красоту матери.

– Жаль страну, где отец сожалеет о красоте дочери,– пробормотал светлорожденный.

Гривуш пожал плечами. Хурида есть Хурида.

– У меня к тебе предложение, благородный Данил,– сказал он.– Через восемь дней я отправляюсь в Конг. По особому поручению Кариомерского Братства. Если удостоишь меня чести оставаться моим гостем еще восемь дней, я буду счастлив предложить тебе сопровождать моему каравану.

– Какая изысканная речь! – Данил улыбнулся.– При том, что ты рискуешь головой.

– Я – купец,– Гривуш усмехнулся.– Не заботься о моей выгоде – я ее не упущу. Ты один стоишь дюжины воинов. А я хочу взять с собой Ниминоа.

* * *

– В доме купца Гривуша?

Лицо у Отца-Наставника – словно он увидел псаря в постели любимой наложницы.

– Ты уверен, Брат-Хранитель?

– Да! – отрезал Дорманож.

Недобрым взглядом он озирает покои Отца-Наставника. Таких шпалер у Дорманожа и в прежние времена не было. Настоящая гурамская работа. Уж не предателем ли Гривушем подарены?

– Гривуш – человек верный,– недовольно проворчал присутствовавший здесь же брат Треос.– Твой доносчик солгал.

– Ты ручаешься за него? – Брат-Хранитель Риганского монастыря устремил

испытующий взгляд на Треоса.

И тот не выдержал, отвел глаза, буркнул:

– Хочешь проверять – проверяй.

Гривуш – жирная овца. Но стричь его – куда выгодней, чем зарезать. Если Треос поручится за купца – риганцу клыки в него не запустить. Однако если вдруг выяснится: Дорманож прав, – висеть тогда Треосу вниз головой.

– Хочешь проверять – проверяй.

– Людей дашь? – спросил Дорманож.

Треос молчал. Дом у Гривуша крепкий. Пусть высокомерный риганец попотеет. А то и стрелу в глаз схлопочет.

Но Крун уже прикинул что к чему, соображал он быстро – и распорядился:

– Треос! Доставишь сюда всех, кого найдешь в доме Гривуша. И самого купчишку тоже, живого или мертвого. Понял меня?

– Понял.

Ясное дело. Живой Гривуш Круну ни к чему. Еще сболтнет лишнее.

– Ты удовлетворен, брат? – Крун повернулся к Дорманожу.

– Я и мои люди готовы помочь, – сказал риганец.

– Ни к чему, брат, – елеиным голосом отозвался Крун. – Неужели ты думаешь, что мне требуется помощь в моем городе?

Дорманож без труда читал мысли Отца-Наставника. Дом отберут, а купца прикончат. Но риганца это не волновало.

– Шпионы нужны мне живыми, – жестко произнес он. – И если у них пропадет хоть пряжка, хоть пуговица...

– Мы понимаем, брат, – кивнул Крун. – Треос, не теряй времени.

VI

Отряд из восьми монахов и двадцати солдат быстрым шагом спускался вниз по узкой безымянной улочке. Четверо несли лестницу. Двое – факелы. Справа и слева – глухие стены, сверху – выступы крыш и непроницаемо-черная полоска неба. Рыжее пламя факелов шипело, сглатывая капли дождя. Сапоги солдат скользили по мокрым камням мостовой.

– Стой! – скомандовал брат Тидом, начальник отряда.

Солдаты остановились. Кто-то споткнулся, выругался.

– Пасть не открывать, – прошипел Тидом.

– Этот? – тихо спросил один из монахов.

Начальник оглядел уходящую вверх голую стену. Потом – стену напротив, тоже без единого окошка.

– Сейчас узнаем, – буркнул он. – Ставьте лестницу. Губарь, тряпки раздай.

Обмотав обувь шерстяными отрезами, полезли наверх. Сначала Тидом, за ним, заткнув за пояса полы плащей, – монахи, последними – солдаты.

Взобравшись, Тидом пересек крышу, глянул вниз, увидел тусклый масляный фонарь над входом, удовлетворенно хмыкнул.

– Начнем, пожалуй, во славу Величайшего, – присев на корточки, он принялся выстукивать колотушкой толстый просмоленный картон, которым предписано в Хуриде крыть дома простому сословию.

– Вроде тут, – определил он. – Давай сигнал, брат Кочип.

Один из монахов зажег от факела клочок пакли, вспыхнувшей ярко-зеленым огнем, и подбросил вверх. Описав дугу, горящая пакля упала, и ее поспешно затоптали.

– Считай, – приказал Тидом одному из солдат, а сам подошел к краю крыши – наблюдать за улицей.

При счете двадцать шесть к входу скрытно приблизились шестеро солдат и два монаха. Подошли и заняли места у дверей, слева и справа, заблокировав единственный выход. А при

счете девяносто три с обоих концов улицы, одновременно, выкатились, гремя железными ободами, тяжелые повозки.

– Начали! – гаркнул Тидом.

И шестеро солдат, ждавших с кайлами в руках, разом врубились в крышу. Минуты не прошло, как в картоне образовалась дыра. Края быстро подравняли топорами.

Тем временем внизу с грохотом столкнулись повозки, одна опрокинулась, истошно заорали возницы.

В дыру опустили светильник, обнаружили еще одно перекрытие, черепичное, разрешенное только монастырям и приближенным Наисвятейшего. Разобрали черепицу, сбросили вниз веревочную лестницу, спустили «первопроходца». Плеск, сдавленная ругань.

– Убью! – свирепо прошипел начальник.

– Здесь вода, – громким шепотом оправдался «первопроходец».

Лестница угодила прямо в маленький бассейн.

На улице тем временем орали возницы, что-то лязгало и трещало. Шум презрительный.

– Все вниз, – скомандовал Тидом.

Выбрались из бассейна в коридор. На полу – ковер. Очень кстати. Дошли до конца, обнаружили лестницу.

– Чужаков не убивать, – шепотом напомнил Тидом. – Рубить, но не до смерти, ясно? Брат Куртик, возьми десять солдат и вниз. Кочип – тебе шестеро и левая сторона. Я беру правую. Без нужды не шуметь. Ты, сними со стены светильник. Начали.

Первые две комнаты оказались пустыми. Третья – заперта. Из-за двери четвертой доносились звуки музыки. Тидом поднял два пальца, и пара монахов встала у четвертой двери. Тем временем второй отряд обнаружил вход в оранжерею, обследовал ее, никого не встретил, проверил еще две комнаты – с тем же результатом.

Собрались вместе у двери, за которой звучала музыка. По знаку Тидома два монаха изготовили арбалеты, а третий плечом аккуратно выдавил дверь, благо задвижка оказалась хлипкой.

В комнате, на ложе, скрестив ноги сидел человек с ситрой в руках. Увидев направленные на него арбалеты, человек перестал играть, застыл с открытым ртом. Чужестранец.

– Крикнешь – умрешь, – пообещал Тидом. – Понял?

Человек еле заметно кивнул.

– Связать его, – распорядился монах. – Брат Охак, останешься с ним.

Последняя дверь. Эта выдержала нажим, но поддалась топору, просунутому в щель между ней и косяком. Свет фонаря упал на лицо лежащей в постели девушки. Та открыла глаза, зрачки ее расширились.

– Ни звука! – прошипел Тидом, прижав к ее щеке холодное лезвие меча.

В этот момент по лестнице, снизу вверх, застучали сапоги и в комнату ввалился брат Куртик.

– Все чисто, – в полный голос заявил он. – Взяли всех, тепленькими, хвала Величайшему!

– Воистину так! – радостно отозвался Тидом и вложил меч в ножны.

Мясистое лицо его порозовело от удовольствия. Взгляд его снова упал на девушку. Какое-то время он разглядывал ее, потом ухмыльнулся и, подозвав к себе Куртика, пошептал тому на ухо. Монах кивнул и вышел.

– В доме есть подвал? – наклонясь к девушке и обдав ее запахом чеснока, спросил Тидом.

– Да, – чуть слышно ответила Ниминоа.

– Так. Брат Мута и брат Карсим остаются со мной. А ты, брат Кастапед, возьми остальных и проверишь подвал. А затем, еще раз, первый этаж. Ясно?

Брат Кастапед кивнул. Бросив взгляд на девушку, вздохнул огорченно. Такой цветочек. Ну ладно, когда ее привезут в Братство, он возьмет свое.

Когда лишние ушли, брат Тидом взялся за край одеяла, но Ниминоа вцепилась в одеяло с такой силой, что пальцы ее побелели.

– Нехорошо,– укоризненно произнес брат Тидом.– Ты оскорбляешь слуг Величайшего. Тебя накажут. После. Брат Карсим, поддержи ее руки.

Брат Карсим сжал запястья девушки. Ниминоа вскрикнула от боли. Пальцы ее разжались.

Тидом сбросил одеяло и вынул из ножен даг⁹.

Лицо Ниминоа стало серым от ужаса. Но монах всего лишь поддел лезвием вырез ночной рубашки и распорол желтый шелк до самого низа. Затем внимательно оглядел тело девушки – от маленьких грудей до плотно сжатых колен – одобительно хмыкнул:

– Конгайская кровь!

И провел пальцем по гладкому лобку.

Ниминоа вскрикнула, и брат Карсим, перехватив запястья девушки одной рукой, другой зажал ей рот.

Тидом просунул руку между бедер Ниминоа. Девушка вывернулась, замычала, попыталась ногами оттолкнуть монаха.

– Какая невоспитанность,– недовольно сказал Тидом.– Помоги мне, брат Муту.

Брат Муту, грузный, широкоплечий, еще более высокий, чем его начальник, ловко поймал лодыжки Ниминоа, развел их и прижал к постели. Теперь Тидом мог без помех закончить исследования.

– Девственна! – с удовольствием сообщил он и погладил девушку по животу.– Девственна, а следовательно, требует особого отношения. Чему учит нас святой Дихгим?

– Поторопись, брат Тидом,– нетерпеливо сказал Муту.

– Вот этого как раз и не следует! – назидательно изрек Тидом.

Брат Карсим усмехнулся.

– А следует как раз напротив,– продолжал Тидом.– В первую очередь святой Дихгим рекомендует путем возбуждения чувствительных мест добиться выделения животных соков!

И легонько ущипнул девушку за сосок.

Ниминоа глядела на монаха круглыми от ужаса глазами.

– Ежели сего достигнуть не удастся или за недостатком времени, а также при значительных размерах органа,– Тидом самодовольно похлопал себя по соответствующему месту,– следует использовать смягчающие масла.

Он окинул взглядом ряд хрустальных флаконов у зеркала, открыл несколько наугад, понюхал, выбрал один и поставил на край ложа.

Карсим и Муту переглянулись. Святой Дихгим описал все виды подобающих удовольствий, но в данном случае не худо бы Тидому вспомнить, что удовольствие желает получить не он один, а приказ Брата-Хранителя Треоса – закончить дело не позже третий ночной стражи.

А Тидом между тем продолжал невозмутимо:

– Обращаться с девственницей следует бережно, дабы не вызвать ненужного страха и не погубить в ней естественные женские начала. Бережно! – Он поднял палец и строго посмотрел на Карсима.

– Не следует также и чрезмерно затягивать приготовления! – не выдержав, процитировал брат Муту.

– Не следует,– согласился его начальник и расстегнул пояс.

Ниминоа впала в состояние полузабытья. Тела почти не чувствовала. Ни тела, ни того, как монах умащал ее лоно драгоценным гурамским маслом.

Тидом разоблачился и встал коленями на край ложа. Муту отпустил лодыжки девушки.

⁹ Даг – кинжал для левой руки.

– С благословения... – начал Тидом.

В это время снизу донеслись крики и треск ломаемой мебели. Монахи прислушались было, однако шум стих.

Тидом вздохнул.

– С благословения Наисвятейшего, – сказал он, – приступим!

Шестнадцатый хирад Мангхэл-сёрк – один из труднейших. И требует предельного сосредоточения. Мир в буквальном смысле перестает существовать для Погруженного. Поэтому просторный подвал, предоставленный светлорожденному Гривушем для упражнений, – идеальное место для занятий. Закрываешь люк – и отсекаешь все лишнее. Каждый хирад требует времени. Столько, сколько потребуется. Начал светлорожденный за три часа до заката, закончил далеко за полночь.

Ощущая приятную пустоту внутри, Данил отложил меч, с удовольствием погрузил лицо в холодную воду и застыл на пару минут, задержав дыхание. Как хорошо!

Насладившись, светлорожденный выпрямился, опрокинул на голову чан с водой, вытерся жестким полотенцем, натянул подаренные Гривушем шелковые гурамские шаровары, застегнул на запястье черный браслет. Держа в одной руке сапоги, в другой – меч, он поднялся по лесенке, откинул люк, оказался в темном чулане под лестницей, толчком распахнул дверь...

И острое копье уперлось ему в переносицу.

– Брось меч, – напряженным голосом потребовал солдат.

Данил размазал бы его по полу в четверть мига, но слева и справа от копейщика, грамотно, так, чтобы не мешать друг другу, стояли арбалетчики. Рискнуть? Или не стоит? В тесном чуланчике не попрыгаешь. А Данил не может себе позволить даже легкое ранение. Тысяча демонов!

– Как скажешь, – с максимальным добродушием ответил светлорожденный. Медленно, очень медленно наклонился, положил меч на пол, поставил сапоги и продемонстрировал пустые руки.

Когда Рудж увидел направленные на него арбалеты, он испугался. От неожиданности. Потому что забыл, где он и что там, за стенами. Потому что были у него ситра и шелковая рубашка, а не кольчуга и меч. Вооруженный, Рудж мог сражаться как воин. Безоружный... Он ведь не владел Мангхэл-сёрк, как Данил.

– Крикнешь – умрешь! – посулил грузный монах. От него несло чесноком и псиной.

– Связать его!

Двое схватили Руджа, вывернули руки за спину, скрутили ремнем и бросили на ковер.

– Брат Охак, останешься с ним! – распорядился грузный монах и вышел из комнаты.

Все, кроме названного Охаком, последовали за ним. Брат Охак положил арбалет на стул, копье прислонил к стене, а сам уселся на кровать.

Рудж глядел на него снизу вверх и видел в основном забрызганные грязью сапоги и выкрашенное коричневой краской древко копья.

– Можно мне встать? – спросил он.

– Лежать, – буркнул монах.

Прошла пара минут. Рудж лежал. Монах шумно сморкался.

– Эй, – сказал кормчий. – Я пить хочу.

– Перебьешься.

– Жалко тебе? Там вино тайское в кувшине, можешь и сам глотнуть.

– Тебя не спрошу! – проворчал монах.

Но встал, нашел кувшин. Рудж услышал, как забулькало вино, перетекая в монахову глотку.

– И верно тайское, – подтвердил монах, заметно повеселев. – Слышь, имперец, а деньги у тебя есть?

– Развяжи, поделюсь! – У Руджа появилась надежда.

– Еще чего!

Монах подошел к кормчему, толкнул его сапогом, оставив на шелке рубашки грязное пятно.

– Говори – где?

Рудж молчал.

Монах вынул кинжал, наклонился, повертел перед носом Руджа.

– Хочешь – ухо отрежу?

– Хрен с тобой, – сказал кормчий. – Все равно ваши отберут. Попить дай.

– Дам. Где деньги?

– Под подушкой.

Монах воткнул кинжал в деревянный край ложа, полез под подушку.

– Точно...

И подставился. Даже из лежачего положения, даже голой пяткой можно свалить облаченного в кольчугу монаха. Если кольчуга короткая. И если удачно попасть. Рудж попал.

– Уп! – сказал брат Охак и ткнулся рожей в одеяло, прикрывая руками ушибленное место.

Рудж вскочил и, воспользовавшись воткнутым в кровать кинжалом, мигом перерезал ремень. А затем, выдернув кинжал, без церемоний перерезал монаху горло. Так удачно обернулось, даже не верится!

Рудж оделся, натянул кольчугу, пристегнул меч. Арбалет брата Охака тоже оказался не лишним. Кормчий наложил болт и осторожно выглянул в коридор. Никого. Стараясь ступать бесшумно, Рудж двинулся к спальне Ниминоа.

Боги распорядились так, что он открыл дверь в тот самый момент, когда брат Тидом вознамерился взгромоздиться на девушку, а два его собрата были настолько увлечены этим зрелищем, что перестали прислушиваться к происходящему снаружи.

Рудж увидел широкую спину брата Мута, бледные ягодицы взбиравшегося на ложе брата Тидома и изумленное лицо брата Карсима. Изумление последнего понять не трудно: вдруг, ни с того ни с сего, обнаружить себя под прицелом!

Звонкий щелчок – и арбалетный болт устремился прямо в переносицу брата Карсима.

Но тому еще не пришло время умереть. Стоявший на четвереньках брат Тидом, почуввав неладное, приподнялся и нечаянно заслонил Карсима. Тяжелая стрела ударила в спину Тидома, швырнув его вперед. Карсим отпустил девушку и отскочил назад.

Рудж отшвырнул арбалет, выхватил меч и наискось рубанул по шее поворачивающегося Мута.

Бросив мимолетный взгляд на Ниминоа (кажется, без сознания?), кормчий обогнул ложе и налетел на брата Карсима. Тут везение Руджа и кончилось. Монах владел оружием куда лучше моряка. И немедленно доказал это. Спустя несколько мгновений Рудж обнаружил, что зажат в углу и с трудом отбивается от наседающего хуридита. Карсим с такой ловкостью орудовал мечом и кинжалом, что у кормчего рябило в глазах. Монах дюжину раз мог бы его прикончить, но это не входило в планы хуридита. Измотать и взять живым.

Кинжал хуридита полоснул по правому предплечью Руджа. Рана пустяковая, но Карсим знал, что делает. Очень скоро рука онемееет или северянин ослабеет от потери крови. Монах не торопился. До Руджа, наконец, дошло, почему он еще жив, и он изготовился в последней отчаянной атаке. Но все никак не мог решиться и броситься очертя голову на врага. Холодные внимательные глаза монаха, казалось, упреждали каждое движение северянина.

И тут удача еще раз улыбнулась кормчему.

В проеме открытой двери возникла из темноты коридора знакомая фигура.

– Данил! – вскрикнул Рудж.

Карсим, отскочив назад, увидел светлорожденного, чутьем бойца понял: этот противник посерьезнее – и решил не оставлять никого за спиной. Клинок хуридита с лязгом обрушился на плечо кормчего. Кольчуга выдержала, но удар сбил Руджу с ног. Хуридита еще раз замахнулся, однако добить не успел. Клинок подоспевшего Данила поймал меч врага.

– Как вовремя... – прошептал Рудж и с облегчением закрыл глаза. В исходе поединка он не сомневался...

Данил послушно уронил меч.

– Вперед! – скомандовал копейщик, и светлорожденный вышел из чулана.

Теперь оставалось лишь дожидаться благоприятного случая. И случай представился.

Одному из арбалетчиков приглянулся клинок Данила. И хуридита, шагнув за спину светлорожденного, наклонился к мечу.

Есть! Сапоги светлорожденного полетели в физиономию второго арбалетчика. Банг! – арбалетная стрела ушла в потолок. Данил перехватил копье, рванул в сторону, и копейщик, описав полукруг, врезался в любителя мечей, сбил его с ног и сам растянулся на полу. Копье, однако, не выпустил. Второй арбалетчик выхватил меч... получил пяткой в солнечное сплетение и отключился.

Данил подхватил свой меч, не забыв пнуть второго арбалетчика, а копейщик, бросив оружие, вскочил и помчался по коридору, вопя и призывая подмогу.

Помощь подоспела в виде доброй дюжины солдат и трех монахов. Вся свора немедленно накинута на светлорожденного. Вот только этим монахам было далеко до ночного противника Данила, Брата-Хранителя Дорманожа, а солдаты представляли опасность для мастера Мангхэл-сёрк разве только с арбалетами в руках. Светлорожденный немедленно рванулся вперед, прикончил самого здорового из монахов, проскочил в образовавшуюся брешь, полоснул мимоходом (но насмерть!) еще двоих и оказался позади хуридита. Солдаты завертели головами: куда подевался этот голый имперец? У монахов реакция была получше, но они были впереди, потому теперь между ними и Данилом оказалась живая преграда из десятка копейщиков. Впрочем, ненадолго. Меч светлорожденного замелькал в воздухе. Движения его были экономны и стремительны, клинок выписывал сложный узор, и каждый завиток этого узора заканчивался брызгами крови. Язык не повернулся бы назвать это схваткой. Копейщики не то что сопротивляться – даже разглядеть Данила на могли... Монахи оказались попроворней. Ровно настолько, чтобы прожить на несколько мгновений дольше.

Данил смахнул с меча кровь и прислушался. На первом этаже – все тихо. А на втором... Кажется, звук стали?

Босиком – обуваться времени не было, – Данил взбежал по лестнице. Тысяча демонов! Дрались в спальне Ниминоа. Дверь распахнута. Данил ворвался внутрь... Ха! Всего один живой монах. И два мертвых! Молодец, мореход! Великий Тур! Да он ранен!

Данил метнулся вперед, успел перехватить вражий клинок, оттолкнул хуридита от стены и встал между ним и Руджем.

Монах попался шустрый. К тому же – левша. Данил не отказал себе в удовольствии пошутить: перехватил меч в левую руку. Забавно, когда левша вдруг обнаруживает, что противник тоже бьется левой рукой.

Светлорожденный поиграл с хуридита с минуту, держа его в полной уверенности, что тот вот-вот прикончит чужеземца. Потом вспомнил, что Рудж ранен, – и разрубил монаху загривок.

– Пустяк, – сказал Данил, наскоро перевязав раны кормчего. – Займись девушкой, Мореход, а я погляжу, не осталось ли где нахального монаха.

– Как они попали в дом? – спросил Рудж. – Я не слышал никакого шума, пока эти уроды не ворвались в комнату.

– Угу, – пробормотал Данил. – Хороший вопрос. Попробую выяснить. Заодно и обуюсь.

Тут на полу теперь столько острого железа, что можно порезаться.

Данил вышел. Рудж накрыл Ниминоа одеялом, полотенцем стер кровь с ее щеки. Девушка благодарно улыбнулась. И тут ковер под ногами кормчего запрокинулся, как палуба в шторм. Тупой удар в затылок, белые звезды и темнота.

VII

Гривуш мертв. Затылок – всмятку. Но погиб – как воин. Доказательство – солдат с порванным горлом. И рядом – железный каминный прут с красным потоком крови.

Данил потер ладонью лоб. В Аркисе говорят: «Когда все идет хорошо – жди беды». Еще говорят: «Беды и дикие псы бродят стаями». И так, в доме трое живых: Ниминоа, Рудж и он сам. И несколько десятков покойников. Последних Данил прикончил десять минут назад: хуридиты настолько увлеклись сундуками Гривуша, что даже оружие побросали. Данил поморщился: солдаты, сожри их крысы! Впрочем, скорее всего и сожрут. И так, раньше он сетовал на Судьбу, давшую ему в попутчики морехода. Теперь – еще и девушка.

Глухой стон вывел светлорожденного из задумчивости. Тысяча демонов. «Мертвый» купец скреб пальцами по полу, пытаясь.

– Гривуш! – Данил опустил на колени.

Купец лежал ничком, и череп у него был проломлен. Уж в этом-то светлорожденный ошибиться не мог.

– Гривуш!

– Данил... Ними...

– Жива, – быстро сказал светлорожденный. – Лежи, не двигайся.

– Ними... позови...

– Да.

Светлорожденный бросился наверх. Гривуш мог умереть в любое мгновение..

– Рудж! – Голос Ниминоа выдернул кормчего из темноты.

– Что? Где? – пробормотал мореход.

И обнаружил, что лежит на полу, голова его – на коленях девушки.

– Ты ранен, – мягко сказала Ниминоа. – Потерял сознание от потери крови. Кровь я остановила, но этого мало. Лежи. Я сейчас...

Она встала и легким шагом пересекла спальню. Обнаженная, прекрасная и гибкая, как тайская танцовщица.

– Сейчас, родной!

Кувшин с водой, губка, флакон с черной вязкой массой.

Кинжалом Руджа девушка разрешила рукава куртки, промыла раны и наложила повязки с черной смолой. Смола жгла огнем. Кормчий поморщился.

– Сейчас пройдет, милый, – ласково произнесла Ниминоа.

– Я знаю. Это урнгурское зелье?

– Да.

Рудж усмехнулся:

– Это я должен помогать тебе, а не наоборот, – сказал он. – Ты вся в крови.

Ниминоа взглянула на свою грудь, и смуглые щеки ее слегка порозовели.

– Это не моя кровь, – проговорила она.

Боги! Она успела забыть, что произошло! Когда Рудж упал, она забыла обо всем. И откуда только силы взялись?

– Закрой глаза, милый. Не надо видеть меня такой.

– Ты прекрасна! – искренне проговорил кормчий. Но покорно зажмурился.

Спокойно (крови она не боялась, ведь это всего лишь кровь монаха) дочь Гривуша обтерлась влажной губкой, оделась, привела в порядок волосы. Время двигалось медленно, и будущее не казалось страшным. Потому что рядом – Рудж.

– Выпей!

Рудж открыл глаза. Ними протягивала ему бокал с темной жидкостью.

– Это вино?

– Не совсем.

Жидкость обожгла рот, но внутри будто свежей кровью растеклась по жилам. Рудж сразу ощутил прилив сил.

– Ниминоа!

Данил вбежал в комнату.

Едва взглянув на него, дочь Гривуша побледнела.

– Отец?!

– Ранен, – отрывисто сказал Данил. – Если ты поторопишься....

Он хотел добавить: «...то застанешь его живым». Удержался.

Ниминоа кивнула.

– Рана опасная? – с удивившим Данила спокойствием спросила она, собирая все необходимое для врачевания.

– Да.

Девушка еще раз кивнула.

– Где он?

– В каминной.

– Вам нужно уходить, – прошептал Гривуш.

Голова его лежала на коленях Ниминоа. Девушка обработала рану, как настоящий лекарь: промыла, извлекла осколки костей, наложила урнгурскую смолу. К счастью, ее отец не чувствовал боли.

«Или – к несчастью», – подумал светлорожденный.

Вряд ли Гривуш выживет. С такими ранами выживают только маги. Или те, кого маги исцелят. Но Ниминоа его восхищала. И уже не только красота ее, но и мужество. Девушка перенесла за одну ночь больше, чем иные – за всю жизнь. А вела себя как настоящий воин. «Боль, страх, жалость, ненависть – не остановят тебя. Делай, что должно, и будь что будет». Мангхэл-сёрк. Правило тридцать шестое.

«Таковы, должно быть, женщины вагаров, – подумал Данил. – Демоны Проклятых!» Зеленое сияние стекало с тонких пальчиков Ниминоа. Волшебница?

Светлорожденный взглянул еще раз. Ничего. Показалось?

– Вам? – спросил Рудж. – А ты, Гривуш?

– Со мной вам не уйти, – чуть слышно ответил купец. – Может, монахи меня не тронут. Я нужен.

«Ложь, – подумал Данил. – Но он прав. Если дом обложили, с раненым мне не прорваться».

– Из дома есть тайный ход.

– Куда? – спросил светлорожденный.

– В другой мой дом. Ними знает.

– Знаю, – кивнула девушка. – Мы возьмем тебя с собой.

– Да! – сказал Рудж.

– Нет, – прошептал купец.

Данил молчал, прикидывал. Тайный ход – это шанс. Это не прорываться с боем.

– Я видел внизу тележку, – сказал Рудж. – Если к ней приспособить носилки...

Гривуш весил в полтора раза больше, чем кормчий.

– Я сейчас принесу, – Рудж поднялся.

И тут забарабанили во входную дверь.

– Все, – сказал Данил. – Время вышло.

Светлорожденный расстегнул шипастый боевой браслет и протянул кормчему.

– Мы сдадимся? – удивился Рудж.

– Я понесу Гривуша.
– Нет, – запротестовал купец, но Данил не обратил на это внимания и очень осторожно поднял его с ковра. Тяжелый. Плохо. Руки устанут. Помешает, если придется драться.
– Показывай, Ними! – сказал он.

– Здесь. – Ниминоа откинула край ковра. В полу обнаружилось отверстие. Девушка вылила в него воду из кувшина.
– Сейчас, – сказала она.

Данил прислонился спиной к стене. Забинтованная голова Гривуша лежала у него на плече. Свежая яркая кровь проступала сквозь бинты. В дверь дома продолжали бить тяжелым.

Под полом звонко щелкнуло, и тут же стена поползла вниз. Рудж поднял светильник. За стеной – низкий, облицованный камнем коридор.

– Пошли, – сказала Ниминоа, а когда они оказались внутри, потянула длинный рычаг. Скрипнул трос противовеса, плита поплыла вверх и встала на место.

– Хитро, – похвалил Рудж. – Теперь вперед?
– Да. Примерно полмили, – и посмотрела на светлорожденного.
– Я донесу, – кивнул Данил. – Если будем идти, а не стоять.

– Кто мог подумать, что проклятые имперцы окажутся настолько проворными? – опуская глаза, пробормотал Треос.

– Ты, ты мог! – прорычал Дорманож. – Ты же уверил меня, что справишься сам!

– Да, да, – присоединился в риганцу Крун. – Ты нам обещал!

«Вот дрянь! – подумал Треос. – Мало того, что захапал лучшие куски...»

Дорманож резко повернулся к Отцу-Наставнику Кариомера.

– Твои слова – на той же чаше весов! – рывкнул он, и Треос почувствовал удовлетворение.

– Я послал туда лучших людей, брат, – сказал он. – И все они мертвы. А имперцев и проклятого купца в доме не оказалось, хотя мы перекрыли все лазейки.

– Не иначе как здесь замешано колдовство, – вмешался Отец-Наставник.

– Еще бы! – буркнул Дорманож. – Или они колдуны, или вы разини. Придется доложить Наисвятейшему.

Он блефовал, но – сработало. Треос побледнел, а жирные щеки Круна задрожали.

– Мы поймаем их! – заверил Треос. – Поймаем, и трех дней не пройдет! Теперь, когда мы знаем, что они колдуны...

– Чушь! – рыкнул Дорманож. – Какие, к демонам, колдуны? Кто тебе сказал?

– Дай нам три дня, – повторил Треос. – Мы поднимем всех, перешерстим городские шайки. Протащим сеть через весь город. Перетряхнем каждый дом. Наряды у ворот уже утроены. Шпионам не ускользнуть.

– Три дня, – строго сказал Дорманож.

– Не сомневайся, – елеиным тоном произнес Крун. – Ты поужинаешь с нами, брат?

– Я ужинаю со своими людьми. Распорядись, чтобы накрыли в малой трапезной.

– Все самое лучшее! – заверил Крун.

«Вот мерзавец! – подумал при этом Отец-Наставник. – Распорядается в моем обиталище, словно Наисвятейший!»

– Все самое лучшее!

«Струсили, ублюдки, – думал Дорманож, спускаясь к себе в покои. – Сами, сами!»

Брат-Хранитель усмехнулся. Он был не настолько рассержен, как показывал. Маг, один раз наведший его на след, сделает это еще раз.

Дорманож не ошибся. Когда он вошел к себе, проклятый чародей уже был там.

– Ты упустил их! – заявил он, тыча в грудь Брата-Хранителя коричневым пальцем.

Дорманож почувствовал искушение: треснуть мага кулаком по острой макушке. Настолько острое искушение, что даже отступил на шаг.

– Здешние братья опростоволосились, – буркнул он.

– Я не имею дело со здешним дерьмом! – Маг сверкнул глазами. – Я имею дело с тобой!

– Почему ты не сказал, что они – колдуны? – огрызнулся Дорманож.

– С чего ты взял? – изумился чародей.

– Исчезли из запертого дома!

– Они не бо́льшие колдуны, чем ты! Впрочем... – Чародей на мгновение задумался. – Может, им кто-то помог. Я все узнаю. И скажу, где они.

– Узнай, – кивнул Дорманож. – Из города они не уйдут. Стражникам посулили тринадцать капель расплавленного свинца на макушку, если упустят.

– Угу, – маг недобро прищурился. – А как ты узнаешь, кто их выпустил? Смотри, Брат-Хранитель!

Дорманож слыл храбрым человеком, но от голоса чародея ему стало не по себе.

– Узнай, где прячутся имперцы, – нарочито грубым голосом сказал Дорманож. – Узнай – и я их возьму. Сам возьму!

– Узнаю, – холодно произнес маг.

И растворился в воздухе.

Дорманож передернул плечами.

– За ноги – и на перекладину, – пробормотал он, налил себе полный бокал хорошего тайского вина и выпил залпом, будто пиво.

Ах, как славно смотрелся бы чародей в солнечный день на рыночной площади, вниз головой, на хорошей веревке!

Дорманож представил эту картинку, настроение немного улучшилось, и он отправился ужинать.

Второй дом Гривуша оказался попроще. И поменьше. Дюжина комнат, один слуга. Никаких ковров и алебастровых светильников. Но жить здесь было можно. И жить долго – запасов хватило бы на полгода.

Утром приходил лекарь. Гурамец, к удивлению Данила. На Руджа он времени тратить не стал, пощупал пульс и велел через три дня снять повязку. А вот рану купца осмотрел очень внимательно, даже обмерил серебряной линейкой. Похвалил Ниминоа. Сказал, что Гривушу повезло, – черепная кость разбита, но мозг не поврежден. При надлежащем уходе выживет, а вместо осколков разбитой кости он, лекарь, поставит пластину из особого камня. Но не сегодня – пластину надо подготовить и подогнать по месту.

– Как заплату на борт! – засмеялся Рудж.

Лекарь недовольно посмотрел на моряка.

– Брат мореход, иди-ка помоги Ниминоа с обедом! – скомандовал светлорожденный.

– Откуда здесь иноземный лекарь? – спросил Данил, когда врачеватель ушел.

– Здешний атаман «черных повязок» привез его из Гурама. И платит хорошим золотом, – ответил Гривуш. – А я плачу атаману. Тоже хорошим золотом. Отсидимся, мой благородный друг. Чего-то подобного я ждал. Вот только слишком неожиданно. И не предупредили меня, а это уж совсем безобразие.

– У тебя свой человек в Братстве?

– И не один. Пустое. Все обошлось – и хорошо.

Оптимизм купца восхитил светлорожденного. Слуг перебили, дом разграбили, дочь едва не изнасиловали, а самому проломили череп. И все хорошо.

Гривуш угадал мысли собеседника.

– Я жив, – сказал он. – И вы – тоже. В вас никто не опознал северян, а если кто и опознал – уже не скажет. Значит, в шпионаже в пользу Империи меня не обвинят.

– Было бы желание – повод найдется.

– Я слишком полезен для здешних заправил, – уверенно заявил Гривуш. – Готов

поставить сто золотых, что через месяц смогу спокойно разгуливать по Кариомеру.

– У меня нет с собой ста золотых, – усмехнулся Данил. – Но если ты согласишься мне на слово...

– Идет!

Оба рассмеялись.

– Ты не устал? – заботливо спросил светлорожденный. – Может, тебе поспать?

– Шутишь? Ними дала мне полную чашку Небесной Бодрости¹⁰. И еще чашку – гурамец.

– И все-таки странно... – добавил он после паузы.

– Что тебя смущает?

– Непохоже на монахов. Вламываться в дом ночью, хотя намного проще сделать это днем. Неужели я рискнул бы не пустить к себе святых братьев! И слишком их было много. Чтобы управиться со мной и слугами, хватило бы пары воинствующих монахов. Ну еще полдюжины солдат на всякий случай.

– Как видишь, их все-таки оказалось недостаточно, – усмехнулся Данил. – Для меня.

– Вот это мне и не нравится.

Светлорожденный бросил на купца внимательный взгляд. Но Гривуш не стал развивать свою мысль.

– Пожалуй, я все-таки попробую заснуть, – сказал он и закрыл глаза.

Данил поправил его одеяло. Взгляд светлорожденного упал на черный браслет из Воркара. Данил нахмурился. Ему тоже многое казалось подозрительным. Но ум не находил однозначного ответа. Значит, надо воспользоваться интуицией.

VIII

Проклятый колдун расхаживал по покоям, нагло задрав подбородок. Остановившись, он вперял в Дорманожа презрительный взгляд. Так сам Дорманож мог бы смотреть на какого-нибудь бестолкового стражника.

– ...за кварталом Гончаров, на прямой улице от вторых городских ворот. Одноэтажный дом. На стене – трещина, замазанная желтой глиной. Найдешь легко.

– Найду, – кивнул Дорманож. – Ты узнал насчет колдовства?

Тонкие губы чародея пренебрежительно искривились:

– Дар есть у девки, дочери купца. Врожденный, но неразвитый. Пустяки.

– Однако она сумела вывести их из дома! – возразил Брат-Хранитель.

– Не она, а подземный ход, дурак! – фыркнул чародей. – Ход между двумя домами. Твои бараны его проглядели.

– Они не мои, – буркнул Дорманож.

Колдун ничего не сказал, но на его маленьком личике отчетливо читалось презрение.

– Больше этого не повторится, – хмуро проговорил Дорманож. – Я сам возьму шпионов.

В покоях повисло мрачное молчание, которое спустя минуту нарушил колдун.

– Два имперца, купец, девчонка и слуга. Надеюсь, ты справишься? – с издевкой произнес чародей. – И запомни... – Желтый палец замер перед носом Брата-Хранителя. – Запомни! Благородный – мой!

Данил резко распахнул дверь. Кормчий удивленно уставился на друга: врываться без стука – не в привычках светлорожденного. И тут же удивление сменила тревога.

– Что? – быстро спросил моряк.

¹⁰ Небесная бодрость – наркотик. Сильное возбуждающее средство. Активизирует все обмены веществ и сердечную деятельность. Компенсирует затормаживающее действие урнурской смолы, не препятствуя регенерации.

– Надо уходить! – бросил светлорожденный. – Немедленно!

– Ты это всерьез? – спросил Рудж, поднимаясь на ноги.

– Абсолютно. Я знаю.

Короткие рубленые фразы – признак крайней сосредоточенности.

– Кто-то охотится за нами. Вернее, за мной.

– Может быть, тебе стоит уйти одному? – после короткого размышления предложил кормчий.

Светлорожденный ответил не сразу. Да, он тоже думал об этом. Но если враг уже выследил его, то придет в этот дом. Именно в этот.

Моряк угадал его колебания.

– Гривуш не может двигаться, – сказал кормчий. – Для него это смерть. А Ними не оставит отца. А я – Ними. Но ты... – и замолчал, боясь оскорбить друга.

– Продолжай, – холодно произнес Данил.

– Уходи! – твердо сказал кормчий. – Да, мне жаль, что ты нас покидаешь. Но если ты уверен, что охотятся именно за тобой...

– Меня учили угадывать врага! – перебил светлорожденный. (Он принял решение. Принял и сразу успокоился.) – Мангхэл-сёрк, – ровным голосом произнес Данил. – Это все равно, что чувствовать лучника, который целится в тебя из укрытия. Речь не обо мне, – тем же бесстрастным голосом продолжал светлорожденный. – Мне ничто не угрожает. Воины у них – так себе, а магов здесь не водится. Если не считать того, в лесу. Но тот явно не здешний. Меня им не взять. Речь идет о тебе, Ними и Гривуше. Если их будет много, вас мне не уберечь.

Пока он говорил, Рудж думал совсем о другом. Не то чтобы он не верил в предчувствия друга, но... ему не хотелось верить. Впрочем, главное из сказанного кормчий понял.

– Значит, ты остаешься?

– Да.

– Вот и хорошо.

Светлорожденный кивнул и направился к двери. Все уже сказано.

– Данил! – окликнул его кормчий. Пожалуй, в первый раз он назвал друга просто по имени. – Данил! Я подумал, если ты не сможешь нас вытащить... Уходи! Обещаешь?

Данил застыл на мгновение, потом улыбнулся, холодно, одними губами:

– Посмотрим.

– А по вечерам на всех набережных Орэлей горят желтые фонари. А в последний день Праздника Морской богини устраивают фейерверк и маги рисуют на ночном небе, словно художник на черном шелке!

– Сказка... – прошептала Ниминоа.

Пальцы ее перебирали рыжие волосы на груди кормчего.

– Скажи, а море, оно теплое?

– Как ты! – Рудж приподнялся на локте и поцеловал девушку. – Тебе не больно?

– Нет. Ты такой ласковый! Неужели я знаю тебя только два дня?

Рудж тихо рассмеялся.

– У нас еще много дней. Вместе и порознь. Я буду уходить в море и возвращаться. Мы будем пить друг друга крохотными глотками, как то орэлейское, которым угощал нас твой отец. Я привезу тебе подарки со всех земель Мира, а ты подаришь мне трех сыновей и одну дочь. Таковую же прекрасную, как ты!

– Рудж, – Ниминоа уткнулась ему в шею. – Я не верю, Рудж.

– Так будет, малышка, клянусь сердцем Богини!

Спустя четверть часа девушка уснула, и Рудж вышел из спальни. В гостиной он обнаружил Данила. Светлорожденный дремал в кресле. Меч, вынутый из ножен, лежал рядом на столе. Рудж ощутил укор совести: пока он вкушает из чаши любви, друг охраняет их жизни. Кормчий старался ступать бесшумно, но Данил услышал, открыл глаза.

– Все спокойно? – спросил моряк.
Светлорожденный еле заметно пожал плечами.
– Знаешь, Данил, – Рудж опустился в соседнее кресло, вытянул ноги, вздохнул. – Кажется, я счастлив!
– Еще один звук – и я сверну тебе шею! – прошипел Дорманож прямо в ухо оплошавшего солдата.
Тот отшатнулся в ужасе, но Брат-Хранитель уже забыл о нем, повернулся к Опусу:
– Готово?
– Расставлены в две цепи, – отозвался монах. – Псари с собаками – в соседних домах.
– Сети?
– Все как ты сказал.
– Арбалетчики?
– Предупредил каждого: кто выстрелит раньше, чем ты прикажешь, – потеряет уши и правую руку! – Опус ухмыльнулся.
– Таран?
– Порядок. Дверь хлипкая, с удара вылетит.
– Первыми – монахи, затем – солдаты.
– Брат Хар обижается, что не пустил в первую четверку.
– Ничего! Рана делает его медлительным.
– Мы возьмем имперцев теплыми! – заявил Опус. – Не сомневайся.
– Твои слова – да в уши Величайшего! – отозвался Дорманож.

– Иди приляг, – предложил Рудж. – Устал ведь. Я посторожу.
Данил действительно устал. Не только физически. Больше – от невозможности найти верное решение. И действовать. В голове муть, в глазах песок, в сердце – морось.

Светлорожденный улегся на постель как был, не раздеваясь, в кольчуге, закрыл глаза... И сразу увидел сосредоточенное прекрасное лицо Ниминоа. Ум Данила был пуст. Поэтому отчетливо осозналось: видение пришло не просто так, а чтобы согреть сердце. И согрело. И сразу же, с отчетливостью соединились две картинки: зеленые призрачные капельки на тонких пальцах и – белые осколки светильника, вспыхнувшее пламя... угасшее чуть раньше, чем Данил набросил ковер. Сон сразу пропал. Не потому, что у дочери Гривуша оказался волшебный дар. Когда ум пуст – приходит знание. Нужно воину знание. Так его учили. Так и есть.

Снаружи, на улице, залаяла собака. Нехороший лай, подсказала Данилу интуиция. Почему?

Уже натягивая сапоги, понял – почему. Лаял боевой пес. Проклятье!
И тут же страшный треск сотряс дом.

Грохнуло с такой силой, что Рудж подскочил от неожиданности и сразу схватился за меч. Вышибают дверь. Проклятье! Кормчий выскочил в коридор... и едва не оглох от второго удара. Входная дверь треснула пополам, петли вывернулись из стен, и обе створки рухнули внутрь в клубах известковой пыли. И с улицы хлынула толпа врагов. Руджу сразу стало тесно. Со всех сторон – обнаженные клинки.

«Кранты», – подумал кормчий.

Но не сдался, взмахнул мечом...

Три монаха, соединив клинки, приняли удар моряка, отбросили его назад, а сами отступили. Рудж снова ринулся вперед – и ловчая сеть подсекла колени. Вторая упала сверху. Кормчий упал. Монахи, перепрыгивая через него, вбегали в дом. Руджа вздернули в воздух, отобрали меч, вывернули и скрутили руки. Затем кто-то милосердно стукнул кормчего по затылку, избавив от необходимости думать: что сейчас произойдет там, в доме.

Второй удар, треск – Данил, уже готовый выскочить из спальни, остановился. Лязг

клинков, отчаянный, яростный крик Руджа.

Светлорожденный, впервые за сегодняшний длинный день, почувствовал себя в своей тарелке. Сомнений больше не было. И выбора тоже. Совершенно хладнокровный, он отошел от двери, отложил меч, снял с запястья и спрятал в карман черный браслет с посланием. Чтоб не разбили капсулу случайным ударом. Вместо черного браслета надел шипастый боевой.

По коридору пробухали сапоги. Данил дал захватчикам полминуты – пусть набьется побольше народа, пусть уверятся в собственной силе – и распахнул дверь. Ого! Как его уважают! В коридоре одних только монахов – не меньше дюжины. А солдат – вчетверо больше. Вот и отлично. Бесшумно, словно кугурр из засады, Данил обрушился на врага. Раз – монах, два – монах, три – монах. Коричневым привилегия – первыми отведают вагарского клинка. Подвернувшийся под руку солдат истошно завопил – шип боевого браслета располосовал ему лоб. Завопил, пырнул копьем наугад, поскольку кровь уже залила глаза, – и прободил живот собственного товарища.

Проскочившие вперед четверо монахов разом повернулись. Но не бросились со всех ног в свалку, а двинулись медленно, перекрыв всю ширину коридора. Вдруг дверь по правую руку распахнулась и в коридор вывалился человек. Слуга Гривуша. Ближайший из монахов, мгновенно опознав соотечественника, кольнул мечом, и человек упал. С северянином так просто не справиться.

Данил в считанные мгновения положил дюжину врагов, и солдаты, сообразив, чем пахнет, – отступили, выжидая. Монахов среди них не осталось. Светлорожденный перебил всех. Кроме четверых за спиной. А эти явно намеревались драться. Данил оказался между двух огней. Но это и к лучшему – никто не станет стрелять. За четырьмя коридор пуст.

Данил развернулся к неторопливой четверке. Позади кто-то дернулся. Светлорожденный, не оборачиваясь, махнул мечом, перебросив за спиной из руки в руку. Проворный солдат взвизгнул – клинок задел его – и отскочил. Так-то лучше. Полшага назад – обманка – и бросок вперед. Вниз, на колено – хуридитский меч свистнул над головой, с лязгом вышиб кусок штукатурки. А хозяин его повалился на пол. Клинок Данила разрубил ему икру. Светлорожденный присел на ногу, развернулся стремительно, второй ногой подшиб ближнего монаха. Хуридит опрокинулся на спину. Данил резко распрямился, столкнулся грудь в грудь с третьим. Тот изловчился, поймал руку светлорожденного. Здоровый бугай. Данил и не подумал вырываться. Просто ткнул браслетом в яростную рожу. Когда стальной шип вошел в глаз монаха, тот немедленно отпустил светлорожденного. И Данил тут же избавил хуридита от мучений. Выбросив ногу назад, он вышиб каблуком зубы четвертому монаху и добил врага раньше, чем тот выплюнул осколки. И – в ближайшую дверь. Пока не начали стрелять.

– Данил!

Ниминоа, полуодетая, испуганная.

– Где Рудж?

Данил только головой мотнул.

– Одевайся! Быстро!

Задвинул щеколду. Демон раздери эти окна! Крыса не протиснется!

В коридоре бубнили голоса, но вламываться не пытались. Трусят. И правильно.

– Здесь только одна дверь?

– Да. Что с Руджем?

– Его взяли.

Ниминоа вскрикнула.

Данил схватил ее за плечи, произнес внятно, глядя прямо в глаза:

– Я его вытащу! Но мы должны уйти! Поняла?

Широко открытые глаза, кожа, пахнущая медом...

Данилу захотелось прижать ее к себе, закрыть от страшного мира... на несколько мгновений.

Он отпустил девушку, отстранился.

– Поняла?
– Как мы уйдем? – уже спокойнее спросила Ниминоа.
У Данила было лицо человека, для которого не существует невозможного.
Вот оно! Не зря он вспомнил разбитый светильник.
– Ты можешь погасить весь огонь в доме?
– Попробую.
Даже не удивилась, что Данил знает о ее тайне.
– Руку! А теперь сделай это!

Когда в доме разом погасли все огни, масляные лампы, факелы – солдаты Дорманожа завопили и хлынули из дверей.

– Куда, крысы?! – заревел Опос, но Дорманож хлопнул его по спине.
– Сети, быстро! Сейчас выскочит!

И точно! За спинами солдат вдруг обнаружился тот самый северянин. В правой руке – меч, левой он тащил за собой девушку.

Опос просигналил устроившимся на крыше, и приготовленная загодя сеть упала на беглецов, накрыв заодно и пару солдат.

– Есть! – удовлетворенно произнес Дорманож. – Тащите... Вот демон!

Проворный имперец полоснул мечом вверх-вниз, ключья сети полетели в стороны, и северянин оказался на свободе.

– Вторую! – заревел Опос.

Дорманож уже сорвался с места и бросился к имперцу.

Сеть упала.

– Дави его! – закричал Дорманож солдатам, и добрая дюжина их тут же навалилась на сеть сверху.

Кто-то завопил, как водится. Кто-то выругался. Дорманож подскочил к шевелящейся куче... И увидел, как из-под солдатского сапога вынырнула светловолосая голова северянина.

Мгновение – и имперец змеем вывернулся из свалки.

– Ха! – выдохнул Дорманож и опустил клинок на левую ногу имперца. Вернее, попытался это сделать. Проклятый шпион ухитрился отвести меч боевым браслетом, и клинок Брата-Хранителя воткнулся в ягодицу какого-то солдата. Солдат завопил, а северянин рванул вверх по улице.

– Стой, негодяй! – услышал Дорманож голос брата Хара.

Молодой монах вторично оказался на пути Данила.

– Арбалетки, огонь! – рявкнул брат Опос. – По ногам, сучьи дети!

Дорманож увидел, как северянин метнулся в сторону. Арбалетные стрелы защелкали по мостовой и одна точно, попала в ногу... брата Хара. Тот взвыл, не от боли – от ярости, а имперец сдернул с него плащ и припустил по темной улице.

– Демон! – прошептал Дорманож с ненавистью и восхищением одновременно.

Псари спустили собак, и два десятка натасканных на человека псов серыми тенями пронеслись мимо Брата-Хранителя.

Однако ни они, ни даже пущенный по свежему следу гурамский следопыт так и не добрались до северянина. Псы до самого утра шарили по улицам без всякого результата. Если не считать искусанного до смерти прохожего.

Дорманожу осталось только признать поражение. Частичное поражение. Второй имперец и девчонка-колдунья в цепях были доставлены в тюрьму Братства.

Накрутив с полсотни обманных петель – город – тот же лес, только вони больше, – Данил вернулся прямо к дому. Надвинув капюшон, он бесстрашно втиснулся в толпу солдат. Те, углядев коричневый плащ, отодвигались, уступая дорогу. В лицо никто не заглядывал. А

и заглянул бы, что толку? Солдаты Дорманожа – риганцы. Откуда им знать в лицо всех кариомерских святых братьев? Их же собственных монахов стараниями Данила существенно поубавилось.

Светлорожденный без помех проник в дом, уже обысканный от подвала до чердака со всей тщательностью, пробрался в собственную спальню и обнаружил, что его личные вещи стали достоянием Братства. Данила это не огорчило. Браслет с посланием, оружие и даже кошель с деньгами – при нем. Остальное не так важно. Забравшись под собственную кровать, Данил завернулся в коричневый монашеский плащ, уснул и на этот раз спал до самого рассвета.

Конец первой части

Часть вторая МЕЖДУ НЕБОМ И ЗЕМЛЕЙ

На третий же год правления Наисвятейшего Корхима начались повальные бедствия на святой земле Хуриды. Нескончаемые дожди пропитали землю влагой до такой степени, что нельзя было провести борозду. А после настала сушь великая и опустели леса и поля: ни грибов, ни злаков, ни самых ничтожных плодов. Голод неуголимый заставлял людей подбирать пададь и творить такое, что и описать страшно. Сильный пожирал слабого. Расчленял его тело, варил и поедал. Те, кого голод гнал с одного места на другое, находили в пути приют, а ночью с перерезанным горлом шли в пищу хозяевам. Во многих местностях, дабы утолить голод, выкапывали из земли трупы или похищали с виселиц тела преступников. Именно в это время вошли в силу «черные повязки», продававшие съестное по ценам немыслимым. Длилось же бедствие три с половиной года.

Неизвестный летописец. Триста шестой год от Пришествия Истины

I

Рудж очнулся. Вокруг темнота. Под ним – охапка подгнившей соломы, брошенная на сырой каменный пол. Под полом скреблись и пищали крысы. Должно быть, выискивали путь к теплоте человеческого мяса.

Рудж шевельнулся. Мышцы одеревенели от холода.

«Встань!» – приказал он сам себе. И встал, скрипнув зубами.

Три шага влево – камень, четыре шага вправо – камень. Пять шагов вперед – железо. Склизкие капли осевшей влаги.

Пить хочется... Ними... Данил... Сумел ли светлорожденный прорваться? А если сумел, то уберег ли Ними? Если Ними в руках монахов...

Рудж стиснул кулаки и глухо, яростно застонал. Крысы под полом притихли.

Кормчий постарался взять себя в руки. Думать. Искать. Итак, он в тюрьме Братства. Каменный мешок без окон. Могила для тех, кто не успел вовремя умереть. Рудж ощупал себя. Разорванная одежда. Ни одного металлического предмета. Даже пряжка с пояса срезана. Рудж подошел к двери, исследовал ее – сплошная. Значит, ее приходится открывать полностью, чтобы, скажем, накормить узника. Если, конечно, здесь узников кормят, а не позволяют мирно подохнуть с голоду. Как хочется пить! Но должны же его хотя бы допросить! Может, удастся откупиться? В конце концов, он – подданный Империи и приплыл на корабле по особому приглашению Наисвятейшего... Вздор! Какой вздор! Рудж сжал ладонями голову. Никто в Империи даже не узнает, что с ним случилось. Чего ждать от

«святых братьев»? пыток, изощренной казни? Может, он трижды пожалеет, что не умер от жажды.

«Помоги мне, Богиня!» – Кормчий привычно потянулся к серьге – и вздрогнул от резкой боли. Ну конечно, ухо разорвано, на мочке запеклась кровь. И так. Его взяли живым. Вряд ли для того, чтобы оставить подыхать в этой каменной дыре. Попасть живым в лапы монахов Братства... Не лучше ли разбить голову о стену? Нет. Слабость. И Ними. Вдруг Рудж – ее единственный шанс на спасение? Может, удастся выкупить хотя бы ее? Он ведь не беден. Особенно по меркам Хуриды. Триста, четыреста золотых! Да хоть тысячу! У Руджа есть друзья, они соберут нужную сумму. Монахи любят деньги... Как хочется пить!

За Руджем пришли. Шаги, звон железа, скрип дверных петель, багровый огонь факелов, шипение горящего масла.

Кормчий заморгал, привыкая к свету.

Железо копья уперлось в бок.

– Руки, – буркнул стражник.

Короткая цепь – на запястья, длинная и тяжелая – на ноги.

– На выход! – Наконечник копья легонько подтолкнул в спину.

– Придурок, в руки возьми, грохнешься! – Второй стражник поднял цепь ножных кандалов. – На!

Лестница в сорок шесть (Рудж считал) ступенек. Комната без окон, очаг. Тело обрадовалось теплу после сырого подземелья. Но через мгновение кормчего пробрал озноб. Он понял, где оказался.

В отличие от Данила, Рудж не умел побеждать боль. Но постарался не выказать страха. Однако и стражникам, и палачам было явно наплевать, боится он или нет. Стражники лениво переговаривались, два палача деловито копались в каком-то деревянном механизме. Накидывали ремень на колесо, проворачивали, ремень соскакивал, палачи ругались, и все начиналось с начала. Руджу на миг стало интересно, он даже прикинул, в чем дело, но сообразил: хитрое устройство предназначено отнюдь не для того, чтобы поднимать якорь.

В комнате стояла пара табуретов, и Рудж, решив быть наглым, уселся на один из них. Стражники никак не отреагировали.

В углу комнаты находились два предмета, казалось, происходившие из другого мира: высокое кресло, покрытое ковром, и черный полированный стол с гнутыми ножками. На столе – керамическая чашка и кувшин. Рудж облизнул губы. Как хочется пить!

– Встать! – раздался за спиной Руджа негромкий голос.

Стражники рванулись к кормчему, но тот уже поднялся, обернулся к вошедшему. Не узнал. Рудж видел Дорманожа лишь мельком.

– Мы не... – начал, оправдываясь, стражник, но монах махнул рукой. Он прошествовал к креслу, уселся, долго разглядывал пленника.

Кормчий тоже изучал хуридита, прикидывая, чего от него ждать. Решил: ничего хорошего. Если бы не коричневый плащ и бледная кожа, монах вполне сошел бы за чистокровного аркина. Тонкие губы, прямой тонкий нос, темные выющиеся волосы, порядком поредевшие. Сросшиеся брови и глубоко запавшие глаза придавали Дорманожу зловещий вид. Жилистый, мускулистый, он ничуть не походил на обрюзгших туповатых монахов, каких встречал Рудж прежде. Кроме одного. Отца-Наставника Воркарского Братства, того самого, которой встречал «Баловня» в порту.

– Назовись, – холодно приказал монах.

Скрывать собственное имя показалось кормчему бессмысленным.

– Рудж, кормчий из Аттура.

Холодный взгляд монаха переместился на одного из стражников.

– Налей ему воды.

Стражник торопливо исполнил приказание.

Напившись, Рудж почувствовал себя лучше.

– Благодарю,– сказал он.

И охнул от удара в спину.

– Говорю здесь я,– процедил монах.– А ты отвечаешь. Как ты оказался в Хуриде? Ты шпион?

Рудж покачал головой.

– Я моряк. Но наш корабль был сожжен в Воркарском порту.

– Сожжен? Кто его сжег?

– Я не знаю.

– Почему ты не обратился к властям? Может, это ты его поджег?

Кормчий промолчал.

Но Дорманож не настаивал на последнем предположении.

– Так почему ты не обратился в Святое Братство? Разве тебя не предупреждали, что иностранцам запрещено осквернять своим присутствием священную землю Хуриды?

– Я не знал об этом. И я... испугался.

Руджу показалось – это хороший ответ.

Хуридит молчал, только сверлил его взглядом.

– Если я нарушил какие-то законы, то готов возместить...– пробормотал Рудж.

– А твой дружок, он тоже испугался? – язвительно поинтересовался Дорманож.– И святых братьев вы убивали тоже от страха?

Кормчему нечего было ответить.

– Ты преступник,– почти добродушно произнес монах.– И заслуживаешь самого сурового наказания. Смерть твоя будет долгой и мучительной. Однако... поскольку ты – всего лишь безбожник из Империи, я мог бы проявить снисходительность. Но ты должен раскаяться в грехах, поведать мне обо всем совершенном вами и помочь поймать твоего приятеля, который и является главным преступником. Ты ведь всего лишь выполнял его приказы, верно?

Рудж не сумел скрыть радости: Данилу удалось уйти!

– Вижу, ты ликуешь, имперец? – тем же мягким тоном произнес Дорманож.– Думаешь, твоему дружку, светлорожденному Данилу Русу...– Монах помедлил, наслаждаясь произведенным эффектом,– удастся избежать воздаяния?

Руджа поразило то, что монаху известно имя Данила. Но имя – всего только имя, а не тот, кто его носит.

Собрав все свое мужество, кормчий улыбнулся и произнес:

– Ты никогда не поймаешь его, монах! Ты...

Дорманож вскинул руку, остановив замахнувшегося стражника.

– ...еще не знаешь, с кем решил тягаться! Благородный Данил способен перебить всех монахов в этом паршивом городишке! Можешь разрезать меня на части – все равно не узнаешь, где он скрывается!

Рудж перевел дух.

И обнаружил, что хуридит смотрит на него без всякого гнева, скорее, с любопытством.

– Твой приятель хорош,– согласился монах.– А ты? Пожалуй, мне придется испытать твою крепость.

– Попробуй! – спокойно сказал кормчий.

Пленник больше не боялся. И Дорманож это угадал. Минутой раньше Брат-Хранитель собирался скомандовать палачам, но теперь с этим следовало повременить. Как учит святой Гуфум: «Прежде, чем предать тело неверного пытке, надломи его дух – и ускоришь раскаяние».

Беда в том, что нахальный мореход, скорее всего, понятия не имеет, где прячется его приятель. Од-на-ко...

– Девка, с которой вы связались, дочь предателя Гривуша, она колдунья, верно?

– Не верно!

«А ведь для него это новость!» – подумал Дорманож.
И вдруг понял, что нащупал ту самую слабинку.
– Мы будем ее судить. И определим меру вины.
– Вы ошибаетесь! – с горячностью воскликнул кормчий. И осекся. Проклятый монах поймал его!
– Мы будем ее судить, – усмехнулся Дорманож. – И если сочтем ее виновной – значит, она виновна.
– А доказательства?
Дорманож усмехнулся. Даже один из стражников не удержался. Хихикнул.
– Если суд Святого Братства почитает ее виновной, это и есть доказательство, ибо нас направляет Величайший, – насмешливо пояснил Дорманож. – Ты что-то говорил о возмещении?
– Да! – обрадовался Рудж. – Я готов заплатить за ее жизнь. Дорого.
– Больше, чем за себя?
– Больше! – твердо ответил кормчий.
– Твои слова приняты к сведению, – кивнул Дорманож.
Играя с имперцем, он получал истинное наслаждение.
– Может статься: суд Братства сочтет ее невиновной в наибольшем из преступлений. Тогда у тебя, если, конечно, ты будешь жив к тому времени, появится возможность купить ее... для Святого Братства.
– Не понял?
– Такая женщина понравилась бы монахам, братьям моего обиталища. И дети, по всей видимости, у нее родятся крепкие. Из них вырастут настоящие монахи-воины.
– Если я выкупаю ее, она должна стать свободной! – отчеканил Рудж.
Дорманож усмехнулся. Глупый имперец забыл, где он.
– В Хуриде, червяк, все принадлежит Святому Братству. Вот настоящая свобода. И вам, скудоумным безбожникам, этого не понять. Если тебе окажут милость и позволят возместить ущерб, причиненный Святому Братству подозреваемой в колдовстве и ее отцом, то жизнь девушки продлится.
– Ты не получишь ни монеты! – бледнея, воскликнул Рудж.
Дорманож словно не услышал. Он поднялся. Жестом подозвал старшего из палачей:
– Поработай с ним, – негромко сказал Брат-Хранитель. – Но без членовредительства и кожу не портить. Понял?
– Да, Ваше Святейшее Достоинство.
– Если захочет говорить о втором шпионе, позови меня. Не захочет – накорми и отправь в тюрьму.

Дорманож покинул пыточную, размышляя, какой казни следует предать имперца. Она должна быть необычайной... запоминающейся. Чтобы даже в столице обратили внимание. Серьезное дело. Братьев трудно удивить способом предания смерти. Пресытились.

II

Данил понимал: освободить Руджа и Ними в одиночку невозможно. Мечом не развалишь крепостные стены. Значит, следует искать союзников. А единственный конкурент святых братьев в грабеже населения – пресловутые «черные повязки». Удастся ли с ними договориться – неизвестно, а вот найти их – не проблема. Вон, напротив, постоянный двор, а у ворот – пара громил с черными повязками на головах и увесистыми дубинками в лапах.

Когда светлорожденный, приняв надменный вид, прошествовал внутрь, громилы покосились без малейшего почтения (а ведь он был в плаще монаха!), но не препятствовали.

Данил пересек двор. Перед дверьми, упершись в землю дубиной, высился еще один черноповязочник. Светлорожденный двинулся прямо на него. Здоровяк шагнул в сторону, пропуская. Но это не совсем устраивало Данила.

– Ты, сын червя и крысы! – рывкнул он. – Почему не приветствуешь, как положено?

Громила поглядел на него сверху вниз, пытаясь определить, что за монаха занесло на постоянный двор.

– Ты! – Данил ткнул черноповязочника пальцем в живот. – Я с тобой говорю!

И покачнулся. И звякнул монетами в кошель.

Сомнительные личности, ошивавшиеся во дворе, поглядывали, но без особого интереса. Ну, буянит монах, эка невидаль. Другое дело, что в буяне ни один соглядатай не заподозрит беглого северянина. В голову не придет.

А Данил заплетающимся языком вовсю крыл черноповязочника и его родню, относя их к самым жалким из помоечных животных.

Здоровяка наконец проняло. Он оторвал руку от дубины, намереваясь отвесить обнаглевшему монаху достаточно, чтоб тот прилег отдохнуть.

Что и требовалось Данилу. Нагнув голову, светлорожденный пропустил над собой мясистую длань и точно рассчитанным, почти незаметным движением поверг здоровяка наземь. Зрелище эффектное, а главное, долю участия Данила в этом падении нетренированному глазу не углядеть.

Рядом весело заржали.

На помощь громиле никто не поспешил. Данил толкнул дверь и величественным шагом вступил под прокопченный потолок трапезной.

Пол в харчевне, если и был повыше земли, то только из-за отбросов, утопанных ногами посетителей.

Мнимый монах с важностью оглядел помещение.

– Хозяин! Немедля все самое лучшее мне! – гаркнул он в полный голос.

– Сейчас тебе будет все самое лучшее! – многообещающе произнесли за спиной, и тяжелый конец дубины обрушился на спину светлорожденного.

Напряжением мышц и поворотом туловища Данил погасил удар. И тут же выбросил ногу назад, в колено черноповязочника. Такое уже не спишешь на неловкость пострадавшего. Трое приятелей громилы с похвальной быстротой устремились на помощь.

Данил подождал, пока двое (третий слегка замешкался) приблизились вплотную, одновременно взмахнули дубинами, – и просто присел на корточки. Дубина первого мордоворота впустую рассекла воздух, зато дубина второго смерчем пронеслась над Данилом и ухнула в грудь первого. Тот плюхнулся на пол, а его дружок, отвесив челюсть, усталился на дело рук своих. Тут наконец подоспел третий. Тоже обуреваемый желанием помахать дубиной. Однако благодаря еле заметному движению ладони светлорожденного окованная железом палка не попала ему по голове, а, описав красивую дугу, опустилась на носок сапога второго головореза. Вопль ушибленного посрамил бы боевой клич омбамту. Третий черноповязочник был повержен мгновение спустя. И без всякого участия Данила. Светлорожденный просто пригнулся – и брошенная дубинка хрястнула не в тот лоб, в который ее посылали, а в более подходящий.

Данил оглядел приплясывающего на одной ноге головореза.

– Чего орешь, заболел? Хозяин, сожри тебя хуруг! Стол мне! – Данил шагнул вперед, оттолкнув еще одного черноповязочника приемом «бараний лоб». Головорез воспарил, как подстреленный ург, снес с табурета одного из посетителей и затих.

– Хозяин! Где-ты-там-болтаешься-вонючий-червяк?!

На сей раз призыв достиг цели. Возник хозяин. Поглядел злобно на ползавших по полу черноповязочников. Защитнички! За что деньги плачены? С одним пьяным монахом не управились. А впрочем, убыток невелик, разве вот табурет сломан. А прибили б «святого брата» – тады все. За ноги – и на собственные ворота. Оп-па! Пригляделся хозяин к шумному гостю – и встревожился. Всего то и есть у него от монаха, что коричневый плащ. Взгляд острый, хищный, кожа бронзовая, какая от морского солнца бывает. И кольчужка под плащом богатая.

– Пожалуйста сюда, Ваше Святейшее Достоинство! – Хозяин проворно отвел гостя к

дальнему, угловому столу, шуганул оттуда местных завсегдатаев. Гость не препятствовал, хотя место было малопочетное. Значит, подозрения оправдываются. А может, совсем пьяный? С охранниками-то не понять. То ли гость положил, то ли сами друг друга отбучали. Скорее, последнее. Вон, монах даже меча не вынул. Разжирели, как крысы монастырские, обленились.

Хозяин свистнул – и мгновенно перед Данилом появились миска с жирной бараниной, кувшин вина. Хозяин самолично наполнил чашу. Светлорожденный пригубил... и выплюнул на пол.

– Моча собачья! – взревел он. – Я сказал: самое лучшее! А ты мне что налил? Хуругову желчь? Счас кишки наружу! – И цапнул рукоять меча.

– Прости, вашсвятость! – Хозяин побледнел, попятился. – Раб, паршивец, напутал. Уж я его высеку!

– То-то, – смягчаясь, проворчал Данил. – Тайского мне, немедля!

«Точно моряк, – подумал хозяин. – Привык купцов имперских трясти!»

– Принеси конгского из старой бочки, – сказал он слуге. Тайского у него сроду не было. – А потом бегом к Сожриё. Да Расскажи, что этот, хм, монах, а может и не монах, – людишек его помял. Усек?

– Мигом! – кивнул слуга.

Данил, разумеется, сумел отличить конгское от тайского, но возражать не стал. Тем более что было вино хорошее.

– Дорогое винцо, вашсвятость, – приговаривал хозяин. – Золотом плачено.

– Я тоже плачу золотом! – заявил гость. – Не сомневайся, червь!

– Надеюсь, мой господин, надеюсь, – взгляд украдкой в сторону двери, – все самое лучшее! Ну наконец!

– Что – наконец? – спросил гость, поднимая голову.

– Да это я так, себе.

Данил принялся было за еду, но тут же увидел с десятков черноповязочных, ввалившихся в харчевню. Их-то он и ждал.

Компания направилась прямоком к мнимому монаху. Предводительствовал средних лет хуридит. Именно он, подойдя к столу, сделал знак хозяину: испарись.левой рукой сделал – кисть правой у него отсутствовала. Остальные черноповязочники встали полукругом, оградив Данила живой стеной.

– Ты, – негромко произнес однорукий. – Встать!

Данил сделал вид, что не услышал.

– Встать, – чуть громче сказал однорукий.

– Это ты мне? – смешав в голосе удивление и гнев, спросил Данил. – Я встану. Когда поем.

– Уже поел, – отрывисто бросил однорукий. – Бей-Дурня, подними его.

Головорез с плечами в два локтя шириной протянул лапу к светлорожденному. Данил шлепнул его по предплечью. Несильно. Однако руку Бей-Дурня почему-то чувствовать перестал. И очень удивился.

– Ты присядь, – сказал Данил однорукому. – Выпей со мной, я угощаю.

Тот не оценил.

– Ну-ка, братья, вытряхните его из штанов! – распорядился вожак.

До сего времени Данил старался не показывать силу. И выглядит таким пьяным наглецом. Сработало. Человек пять черноповязочников навалились на него без всякого почтения. Миг действия наступил. Воин распрямылся как отпущенная пружина, и нападавшие, каждый из которых был раза в полтора крупнее светлорожденного, разлетелись в стороны и уютно устроились на полу, на столах и в винных лужах – где кому привелось. Прочие головорезы дернулись было к мнимому монаху, но застыли...

Острием меча Данил пощекотал кадык однорукого.

– Не будем ссориться, – предложил светлорожденный.

Вожак, не мигая, смотрел на Данила... И вдруг дернул губами. Крохотная стрелка, которую однорукий держал за щекой, выметнулась в глаз светлорожденного...

Данил поймал ее зубами и сплюнул на пол.

– Зря, – сказал он. – Со мной вредно ссориться. Со мной лучше по дружбе.

– Нам друзья не нужны, – буркнул однорукий, задирая голову. Клинок под подбородком мешал двигать челюстью.

Данил усмехнулся... и убрал меч в ножны.

– Присядем, – сказал он и первым опустился на табурет.

Головорезы сунулись вперед, но однорукий шевельнул пальцами – и громилы остались на местах. А сам он, вздохнув, опустился на табурет напротив Данила.

– Прыткий, – сказал то ли с недовольством, то ли с одобрением.

Налил себе вина, выпил, вопросительно посмотрел на светлорожденного. Данил оценил его выдержку и сообразительность. Похоже, светлорожденный встретил нужного человека.

Пригубив из чаши, воин произнес с подчеркнутым безразличием:

– Хочу вот наступить на мозоль Святому Братству. Ищу компанию...

Однорукий ухмыльнулся, тронул рукав коричневого плаща:

– Тот, с кого шкурку снял, – не обиделся?

– Может, и обиделся, – светлорожденный шевельнул плечами.

– Насчет Братства, – не спеша проговорил однорукий. – Могу помочь. Но придется заплатить. Или... – многозначительный взгляд... – отработать.

– Можно, – кивнул Данил.

– Тогда, считай, нам по пути. Говори свою заботу.

Данил еще раз отхлебнул, поглядел пристально в колющие глазки собеседника.

– Мой друг в тюрьме Братства, – сказал он. – Хочу его вытащить.

Черноповязочник задумчиво пожевал губами.

– Вообще-то, мы не связываемся с монахами, – проговорил он.

– Ну, ну, – Данил улыбнулся. – Когда речь идет о том, чтобы ошипать какого-нибудь купца, вы очень тесно связываетесь с монахами.

– Ты хорошо осведомлен, – отозвался однорукий. – Очень хорошо осведомлен... для имперца!

Данил не удивился. Наметанный глаз вмиг отличит благородного из Империи от хуридита.

Черноповязочник явно ожидал большего от собственной реплики.

– Ко мне приходили от брата Треоса, – продолжал он. – Велели сообщить, если что узнаю. Личность твою описали точно.

– Боишься монахов? – осведомился светлорожденный.

– А ты?

Данил молча положил на стол перстень, добытый в схватке на дороге.

– Знак Отца-Взымателя? – Однорукий поднял бровь. – Опасно ходишь, человек! Я куплю его у тебя.

– Скорее всего, так и будет, – Данил убрал перстень в карман. – Значит, «черные повязки» работают на монахов?

Однорукий одарил имперца долгим взглядом, затем изрек:

– Так думают монахи. И мы не мешаем им так думать. Но лично мне они кое-что задолжали... – Он задумчиво поглядел на обрубок правой руки. – Я помогу тебе. Но предупреждаю: в тюрьму тебе не проникнуть.

– Тогда как ты мне поможешь?

– Узники не всегда сидят в тюрьме, – усмехнулся однорукий. – Иногда их вывозят в город. Например, чтобы казнить.

– А если – нет?

– На нет суда нет. Сладится – ты мой должник. Не сладится, я – твой. По рукам?

– По рукам.

Левая рука хуридского татя шлепнула по левой руке благородного сына Империи. На обеих ладонях – мозоли от оружия.

– Я – Сожри-Всё! – сказал вожак. – А братство мое – Пять Левых! – И сжал кулак. – Пойдем, имперец, укрою тебя в таком местечке, где ни один монах не отыщет!

III

Надежное местечко оказалось ветхой пристройкой прямо под могучей стеной обиталища Кариомерского Братства. Чуть подальше, на уровне земли – узенькие забранные решетки щели – продухи тюремных ям. Туда бросали всякую мелочь вроде карманных воришек. Оказалось, Сожри-Всё и светлорожденный Данил пользовались одним и тем же правилом: кто смотрит на огонь – видит только огонь.

Мимо затянутых мутной пленкой окон пристройки день и ночь таскались стражники, монахи, просители. Друзья и родственники узников толпились и горланили у зарешеченных щелей, в десяти шагах, как положено по тюремному уставу. Впрочем, Данил не раз видел, как за мзду стражники подпускали и поближе. Но ни Руджа, ни Ниминоа в ямах не было. Их преступление не относилось к числу мелких.

В полдень Сожри-Всё принес хорошую еду и плохие новости. Друг Данила и дочь Гривуша обвинялись в колдовстве и убийстве членов Святого Братства. Оба преступления карались смертью, но обвинение в колдовстве перевешивало, поэтому оно и считалось основным.

– Когда будет суд? – спросил светлорожденный.

– Суд? – Однорукий расхохотался. – Суд над чужеземцем и дочерью купчишки? Отец-Наставник Крун судит такие дела за завтраком, между двумя блюдами. Пока слуга меняет тарелки. Скажи мне, чем ты так прогневал Брата-Хранителя Дорманож?

– Кого?

– Да ладно! – Сожри-Всё подмигнул. – Со мной можешь не темнить. Брат-Хранитель Риганского монастыря Дорманож, из любимчиков Наисвятейшего, специально притащился, чтобы изловить светлорожденного Данила. Кто бы мог подумать, что я войду в дело с благородным имперцем, а? – Черноповязочник хлопнул Данила по плечу.

– И все-таки я не знаю этого монаха, – недовольно проговорил Данил. – Брат-Хранитель – это как?

– Большая шишка. Крун готов ему всю задницу вылизать. Это собачий хрен Дорманож травил тебя здесь, в Кариомере. Кто-то дважды настучал на вас лично Брату-Хранителю. Да так по-тихому, что даже мои люди у Круна ничего не пронюхали.

– Твои люди у Круна?

– Ну да. Думаешь, это святоши заправляют городом? Хрен! Они только сдирают с людишек последние штаны. Я-то могу в любой момент проткнуть жирное брюхо Отца-Наставника, а вот он доберется до меня не раньше, чем луна станет солнцем! – Черноповязочник хохотнул. – Половина сотрапезников Круна стучит на него мне и моим корешкам. Да что там, сам Крун отстегивает нам за разные услуги. Например, чтобы нашли тебя! – Сожри-Всё снова расхохотался. – И вишь, не зря платит: я-то тебя нашел, а он – хрен собачий! Вот так-то, благородный Данил! Кабы не мы, Хурида давно бы на уши встала! – Черноповязочник так и лучился от самодовольства. – Это когда-то у монахов настоящая сила была. А теперь святоши разжирели и обленились, гадят прям под себя. Их шпионы работают на нас, их солдаты хапают и пьянствуют, а начальники, окосев от дури, бьют друг на друга. Поверь, я отлично знаю монахов!

– Откуда же?

– Сам был монахом! – Сожри-Всё сплюнул на пол. – Молодой был. Дурак! Вот вишь, руку оттапали да выкинули вон!

Атаман так расстроился, что минуты две молчал, прихлебывая пиво.

– Так что же будет с моими друзьями? – спросил Данил.

– Известно что. Вздернут за ноги на рыночной площади. Уже и приказ дан убрать палатки и мусор. И деньги уже принесли Смерть-Бочке, чтоб порядок был. Его банда рынок держит.

– Они могут нам помешать, если мы захотим освободить приговоренных? – спросил Данил.

– Они точно нам помешают! – с удовольствием подтвердил Сожри-Всё. – Но ты же такой лихой боец, благородный Данил! Почему бы нам не навестись нынче вечером к Смерть-Бочке и не поковыряться у него в желудке большим куском железа?

Данил изучил довольную рожу черноповязочника.

– Похоже, не очень-то его любишь?

– Не люблю, – охотно согласился однорукий. – Рынок – жирный кусок. А я здорово проголодался!

– Допустим, мы устраним Смерть-Бочку, – сказал Данил. – Но сумеем ли спасти моего друга и девушку?

– Слушай меня! – Сожри-Всё наклонился вперед, обдал светлорожденного кислым запахом пива. – Их вздернут часа через четыре после восхода. Потом святоши отправятся обедать – казнь всегда возбуждает у них аппетит. А с ними уйдет и большая часть солдат. Некоторое время твои друзья повисят вниз головой. Неприятно, но можно перетерпеть. При них останется человек двадцать охраны да парочка палачей для пригляду. И люди Смерть-Бочки. Убедил?

– Говоришь, человек двадцать солдат? А не захотят ли они прикончить повешенных, если мы попытаемся их освободить?

– Солдаты? – пренебрежительно бросил черноповязочник. – Оставь! У солдат есть жены, детишки. И все они хотят жить. Да и кушать тоже хотят. Возможно, они и прикончили бы пленников, кабы ты был один. Но ни один кориомерский служивый не станет усердствовать, если увидит вот это! – Однорукий дотронулся до черной ткани на своей голове. – А Крун в следующий раз будет знать, кому платить, чтобы был порядок.

– Как-то легко у тебя получается... – усомнился Данил.

– Ну, есть и трудности. Например тот же Смерть-Бочка. По прозвищу отвечает, не сомневайся¹¹! Или парни Дорманожа. Риганцам здесь не жить, следовательно, и бояться меня ни к чему. Что ж, поработаем железом.

– А потом?

– Потом я вас укрою. Твой дружок Дорманож, конечно, будет искать. И Крун, ясное дело, попытается другие ночные братства против меня настропалить. И пусть. На мою территорию атаманы не сунутся, а кто рискнет... – Сожри-Всё сделал недвусмысленный жест. – Дорманож, ясное дело, может и помощи запросить из Воркара... Но до Воркара далеко, пока суть да дело – вас и след простыл. Ладно, заболтался я! Пора двигать. Значит так, благородный Данил, как стемнеет – будь готов. А пока отдыхай. Может, девочку тебе прислать?

– Обойдусь. А этот Смерть-Бочка... Много у него людей?

– Хватает.

– Может, проще ему заплатить?

– Трусишь, благородный?

Данил промолчал.

– Нет, – сам себе ответил Сожри-Всё. – Не трусишь. Совесть у тебя зашевелилась. Так пусть притихнет. Смерть-Бочка, пока на атаманство не сел, в Межземном море пиратствовал. Твой, можно сказать, исконный враг. А за людишек его не думай. Половина их с

¹¹ Смерть-бочка – начиненный горячей смесью бочонок, который с помощью баллисты бросают на вражеский корабль.

удовольствием войдет в Пять Левых. И вторая половина тоже войдет. Без удовольствия. Когда мы с тобой отправим в Нижний мир дюжину самых буйных. Сожри-Всё имеет вес в Кариомере, сам увидишь. Так что отдыхай, сил набирайся!

И убрался.

Заявился атаман, как и обещал, после заката. С ним – еще четверо.

– Черный Палец, – представил он одного. Остальным внимания не уделил. – Ты готов?

Данил кивнул и встал. Меч уже был пристегнут к поясу, а кольчугу он теперь не снимал даже на ночь.

– Вот, – назидательно сказал Сожри-Всё. – Человек!

Кто-то из его подначальных хихикнул, но под пристальным взглядом вожака осекся и смущенно устался в пол.

– Мыслию так, – заявил атаман, когда вышли на улицу. – Смерть-Бочкина братва сейчас в разброде.

Проходивший мимо стражник из тюремных вежливо поклонился атаману:

– Здравия, почтенный!

Сожри-Всё небрежно кивнул и продолжал:

– С ним – лбов двадцать.

– А сколько всего? – спросил Данил.

– Сколько их, Черный?

Помощник атамана прикинул:

– «Больше-веселее» – крепкое братство. Сотни две выставит, я думаю.

– Им голоса не дадут! – перебил Сожри-Всё. – Главное – Смерть-Бочка и пара его ближних корешков. Задерись и как его...

– Бам-Сразу, – подсказал Черный Палец.

– Управимся, – сказал атаман. – Я своих поднял полных пять дюжин. Задавим. Главное – Смерть-Бочка. Здоровый кусок. Внаскок не возьмешь, пробовали.

– Теперя энтих пробовальщиков черви жрут, – с опаской сказал один из черноповязочников.

– Просуши штаны, – пренебрежительно бросил Сожри-Всё. – Наш друг его завалит. Завалишь?

Данил усмехнулся:

– Есть сомнения?

– Ну вот. А остальных мы попластаем в смак. Чтоб у прочих тоже штаны намокли! И рынок – наш. А корешок твой и девка, считай, на свободе. Все понял?

– Понять-то понял... – задумчиво проговорил Данил.

– Ну? – насторожился вожак черноповязочников.

– Мне твой план не нравится.

– На попятную решил? – Сожри-Всё даже остановился.

Со второго этажа кто-то выметнул на мостовую бадью помоев.

– Ты, драный пес! – заорал, задрав голову, один из черноповязочников.

– Нишкни, – гаркнул атаман. – Так что, благородный?

– Я от стали не бегаю, – Данил усмехнулся. – Дом, где прячется Смерть-Бочка, хорошо охраняется?

– Прячется? – Сожри-Всё хохотнул. – Чего ему прятаться? Он на своей земле.

– Ты не ответил.

– Дом-то? Обычный. Кабак как кабак. Дверь там, ясное дело, окна, столами можно, значит, загородиться изнутри... Да не станет он гордиться! У себя-то!

– Сделаем так, – решительно произнес светлорожденный. – Возьмешь с собой семерых. Самых нешумных. Если там – пара десятков – больше и не потребуется. Арбалеты у них есть?

– В схоронках, если поискать – найдутся. У меня тоже есть парочка.

– Сейчас у них есть арбалеты?
– Навряд ли.
– Добро. Отбирай пятерых – и пойдем.
– Эй, – вмешался Черный Палец. – Ты что, сдвинулся? Сказано же – их два десятка! Да один Смерть-Бочка дюжины стоит. Ты б его видал!
– Увижу, – сказал Данил. – Придется глянуть, раз вы хотите, чтоб я его убил. Его и прочих тоже. Может, оставлю вам с полдесятка, чтоб не скучно было! – Данил засмеялся, и от этого смеха даже Сожри-Всё стало не по себе. За прошедшие сутки у светлорожденного осталось только одно желание – убивать всех, кто станет у него на пути.
– Как скажешь, – согласился атаман, поразмыслив. – Ежели мы их всемером погасим, так крепче этого дела и быть не может. Но смотри, благородный, если они нас прижмут – живьем к Смерть-Бочке лучше не попадать. Хуже магхара тварь!
– Магхара? – белые зубы Данила блеснули в темноте. – Ну уж магхаров я перебил достаточно!

Из пяти приготовленных к драке дюжин Сожри-Всё придирчиво отобрал четверых, пятым взял Пальца. Теперь Данил был спокоен. Семь человек – обычная компания для Кариомера. Иное дело – шесть десятков. Тут уж и беспечный забеспокоится. И прощай внезапность.

Притон «Больше-веселее», точно, смахивал на обычную таверну. Но, в отличие от обычной таверны, дверь тут была прикрыта, и двое молодчиков, подпиравших ее снаружи, выглядели очень недружелюбно.

– Открывай давай! – приказал Сожри-Всё. – С Бочкой поговорить надо.

– С задницей своей говори, – равнодушно отозвался охранник.

– Да ты знаешь, кто перед тобой?! – взвился Черный Палец.

– Да хоть кто, – охранник поднял дубину. – Проваливайте.

Данил решительно отодвинул Пальца.

– Время, – сказал он.

Его клинок выскользнул из ножен, описал плавную дугу, и оба охранника осели, булькая перерезанными глотками.

Смахнув кровь с клинка, Данил бросил меч в ножны и распахнул дверь.

Места для хорошей драки здесь хватало. А народу было совсем немного: одиннадцать женщин и двадцать шесть мужчин. Но принимать в расчет следовало только девятнадцать. Прочие – не бойцы.

Смерть-Бочку Данил опознал сразу. Немудрено. Этакая гора мяса. И восседал грамотно – лицом к двери. Увидел Данила – открыл щербатую пасть. И закрыл, когда из-за спины светлорожденного возник Сожри-Всё.

С силой грохнув кружкой по столу, атаман «Больше-веселее» поднялся. Громадный, лысый, багровый от жара очага. Две оглаживавших атамана шлюхи осыпались с бывшего пирата, как солома с проснувшегося парда.

– Ом-ма! – взревел Смерть-Бочка. – Культияпый пожаловал! Требухой своей пол мне марать!

В могучих руках его появилась дубина. Размером с небольшую мачту. Толстый конец дубины скреплял железный обруч с шипами.

Сожри-Всё выхватил из-за спины арбалет.

Бум! Арбалетный болт воткнулся в подставленную Бочкой дубину. Великан захохотал – словно камни перекатывались в пустом трюме.

Данил оценил его быстроту. Сожри-Всё – тоже. И ему это совсем не понравилось. Он бросил встревоженный взгляд на светлорожденного, жалея, что послушался и распустил бойцов. Остальные его люди тоже застыли в нерешительности.

Количество налетчиков привело Смерть-Бочку в полный восторг. Он смеялся так, что слезы выступили на глазах.

– Задерись! – рявкнул Смерть-Бочка, отсмеявшись. – Приволоки мне этого недорезанного. Поглядим, не осталось ли у них дурмана и для нас.

Задерись, хоть уступающий размерами своему атаману, но ненамного, вылез из-за стола, разматывая стальную цепь с шаром на конце.

Данил прикинул расстояние. До Смерть-Бочки – шагов двадцать. И десяток вооруженных головорезов. Вполне приемлемо. Короткий разбег – прыжок – сальто – и Данил приземлился на один из столов.

– Ты чё, акробата с собой привел? – удивился Смерть-Бочка. – Ух-ха!

Данил промчался по столам, между опешившими черноповязочниками, выхватил меч, полоснул неудачно вставшего на пути бандита и оказался на столе, перед Смерть-Бочкой. Но тот исхитрился пнуть столешницу снизу, стол опрокинулся. Данил успел соскочить, аккуратно приземлился на ноги, отрубил потянувшуюся к нему руку с ножом, пригнулся, пропуская над головой мачтоподобную дубину.

– Задерись! Бам-Сразу! – заревел Смерть-Бочка. – Культяпого держать! – Могучим пинком отшвырнул тяжеленный стол и бросился на Данила. Собственные люди атамана шарахнулись в стороны. Дубина летала в воздухе, не разбирая своих и чужих. Отчаянно заверещали женщины.

Данил еще раз отметил проворство Смерть-Бочки. И решил, прежде чем вступать в поединок, немного расчистить место. Прыжок на стол, взмах меча влево, назад, вправо – и три бандита повалились с разрубленными головами. Данил перепрыгнул на следующий стол, и еще двое отправились в Нижний мир.

Смерть-Бочка, расшвыривая мебель, ломил за светлорожденным, как краурх из Гибельного Леса. Но Данил действовал проворней. И ему не мешали люди и обстановка. Клинок взлетал и опускался. Бандиты умирали, не успевая даже подумать о сопротивлении. Еще один прыжок – и Данил встал в кресло, где только что сидел Смерть-Бочка, оглядывая «поле боя».

Девки попрятались, у дверей люди Сожри-Всё дрались с черноповязочниками «Больше-веселее» – силы примерно равные. Вокруг столов валялись порубленные Данилом. Кое-кто еще цеплялся за этот мир, но большинство уже отправилось к Кале. Ни одного боеспособного не осталось. Кроме Смерть-Бочки. Атаман пер вперед, ревя взбешенным кугурром. Данил прыгнул с кресла навстречу врагу. Огромная дубина упала сверху, Данил метнулся навстречу, выстрелил мечом прямо в центр толстого брюха... и впервые за много лет недооценил противника. Палица перевернулась в руках Смерть-Бочки, как тросточка в пальцах жонглера. Нижний конец дубины отбил меч Данила... и самого Данила. Подброшенный ударом светлорожденный треснулся спиной о кирпичную стену у самого очага, едва не угодив в огонь. Дыхание пресеклось, внутри разлилось пламя, и черная пелена застлала глаза. Смерть-Бочка был уже рядом. Дубина с треском врезалась в стену. Оглушенный, ослепший от боли Данил ничего не осознавал, но успел откатиться в сторону. Новый удар. Ожег щеку осколок кирпича, выбитый стальным шипом, однако Данил уже пришел в себя. Смерть-Бочка, пыхтя, словно рассерженный бык, гвоздил дубиной, но светлорожденный успевал уворачиваться. Он даже не пробовал пустить в дело меч. Дубина втрое длиннее, а парировать ее – все равно что сбить кулаком прыгнувшую харсу. Но рано или поздно эта громадина устанет... Толстый живот подпрыгивал над широким кожаным поясом, вздувались буграми мышцы. Смерть-Бочка работал мастерски, со всех направлений, не теряя маха и скорости. Зажав Данила между очагом и углом, хуридит гонял его вдоль стены, но прилегающая стена и выступающий край очага мешали и ему. Удивительно, но огромный, обросший салом хуридит лишь на полмгновения уступал в скорости владеющему Мангхэл-сёрк Данилу. Какой воин! Светлорожденный получал бы искреннее удовольствие от боя, если бы ставкой была его собственная жизнь. Только его собственная.

Громадная туша атамана заслоняла от Данила дерущихся у дверей. Но и у Смерть-Бочки не выросло глаз на затылке. А оглянись он – и Данил тут же выскользнет из ловушки. Смерть-Бочка нервничал. Он вовсе не хотел получить стрелу в спину, прикрытую

только слоем сала. А проклятый акробат оказался северянином и вдобавок обученным вагарским приемчикам. Смерть-Бочка перетопил множество имперских кораблей и перебил немалое количество моряков-воинов. Он сталкивался почти со всеми боевыми школами мира. Когда он добивался своего места в Кариомере, он давил соперников, как боевой пес – помоечных крыс. Культияпый видел это, поэтому приволок с собой бойца из Империи. Но Смерть-Бочка давил и имперских мастеров меча. Ха! Этот действительно хорош!

Атаман размышлял, а руки продолжали работать.

«Ветряная мельница, – подумал Данил. – И здоров, как сам Нил Биоркит!»

«Йа-ха!» – прорезал воздух вопль Сожри-Всё. Ликующий вопль.

Смерть-Бочка на миг отвлекся, а Данил, который только и ждал этого мига, выбросил меч в колено хуридита.

Короткий конец палицы тут же описал полукруг, но Данил удержал выпад, перебросил меч в левую руку, – и еще один бросок. Вот так! Есть!

Дубина Смерть-Бочки с невероятной силой обрушилась на кирпичную кладку, развалила ее. Котел с похлебкой опрокинулся, комната наполнилась вкусным пряным запахом. От страшного удара стальная обручка соскочила с палицы, сама палица треснула. Смерть-Бочка крутнулся на месте... Опоздал. Меч Данила полоснул по боку атамана – ниже подмышки, и еще раз – по предплечью, разрезал мышцу, закрипел по кости. Хуридит завыл. Данил прыгнул высоко вверх – треснувшая дубина просвистела под ним – и в воздухе вонзил меч в толстую шею Смерть-Бочки. Хуридит выпустил дубину, здоровой рукой схватил правое запястье Данила раньше, чем тот успел выдернуть меч, а раненой рукой нанес светлорожденному страшный удар... который Данил отбил боевым браслетом, расплосковав шипами кулак хуридита. И с маху ударил – браслетом же – по локтевому сгибу Смерть-Бочки. Пальцы атамана разжались, светлорожденный повернул застрявший в ране меч, выдернул его, обхватил эфес двумя руками и с расстояния трех шагов нанес удар, называемый в Мангхэл-сёрк «две ладони». Клинок пропел песню, и сквозь грудь атамана, наискось, на глубину двух ладоней, прямо через могучее сердце пролегла кровавая борозда. Смерть-Бочка рухнул навзничь... Но он еще жил.

Сожри-Всё, Черный Палец и еще один уцелевший из Пяти Левых, опустив арбалеты, взирали на происходящее с благоговейным ужасом.

Повинуясь скорее наитию, чем разуму, Данил вновь вскинул меч. Кровавые брызги полетели из-под клинка. Проломленная грудная клетка, фонтан густой алой крови. Клинок Данила вырвал комок разрубленной плоти, сердце Смерть-Бочки, – и, описав дугу, кровавый ошметок упал к ногам Сожри-Всё. Меч еще раз повернулся в ране... и второе сердце шлепнулось на пол рядом с первым. А упав, сократилось еще четырежды, прежде чем остановиться.

– Магхар, – бросил Данил побледневшему однорукому, вытер куском подвернувшейся ткани меч и отправил его в ножны. – Пойдем, – сказал он. – С этим всё.

IV

В ту, последнюю, ночь Рудж так и не уснул. Да он и не пытался. Надежда, которую пробудил в нем напоследок Дорманож, выбор, который он якобы предоставил кормчему... И еще то, что Ними где-то здесь, в лапах монахов... Это было похуже, чем пытки, которым его подвергли по приказу риганца. Кормчий готов был отдать за Ними и жизнь, и состояние. Но кто поручится, что их не казнят, когда золото отправится в сундуки Братства? И что хуже для его любимой – умереть или стать рабыней монахов?

«Богиня, сохрани ее!» – взмолился он.

Если Ними будет жива, а сам Рудж – на свободе, он ее вытащит. И заставит Хуриду заплатить за все. Сожженный корабль убедит Совет Империи, что время бездействия кончилось. А если Советникам этого покажется мало, Рудж обратится прямо к Императору. Позор, если держава позволяет безнаказанно убивать своих подданных!

Ярость сменяли сомнения, а сомнения – снова ярость. Но под полом все так же возились крысы, и ни один лучик света не проникал в каменный мешок. Кончилась ли ночь? Что сейчас – утро или уже вечер?

Когда за Руджем пришли, он так и не принял решения. Единственная надежда: Данил на свободе. Данил их не оставит, а для светлорожденного Данила Руса невозможного не существует.

Серое хуридское небо очистилось. Солнце сияло ярко и весело, словно не на грязные мостовые Кариомера падали его лучи, а на белый мрамор глорианских колоннад.

– Пей, – солдат протянул чашку с мутной речной водой.

Кормчий неловко (цепи оттягивали запястья) взял чашку и проглотил пахнущую болотом жидкость. Отдал, посмотрел на небо, оглядел двор. Ноги подгибались от слабости, но когда кормчий попытался присесть, один из солдат сердито дернул цепь:

– Не велено!

Спустя четверть часа упряжка волов вкатил во двор закрытую повозку.

А еще через полчаса появилась группа монахов.

Монахам подвели пардов, слуги подставили спины, чтобы хозяевам сподручней забраться в седла.

Один из монахов махнул хлыстом. Солдаты схватили цепи и бегом потащили кормчего к всаднику – тому, кто допрашивал Руджа.

Монах поддел хлыстом подбородок кормчего, вынудив поднять голову.

– Мы решили... – проговорил монах. – И сделал паузу, наблюдая за пленником. – Мы решили, что вы виновны. – Пауза. – Оба. – Пауза. – В колдовстве. – Пауза. – Помнишь, я говорил о выкупе? Мы решили, что золото безбожников и колдунов не может искупить их вины. Но если ты решишь отдать его Святому Братству – мы примем. И помолимся о ваших пропащих душах, кои достанутся, вне сомнения, чернейшим из демонов.

Рудж молчал.

Дорманож некоторое время изучал его лицо, затем произнес с ледяной усмешкой:

– Я приготовил для тебя нечто особенное. Для тебя и твой подружки. Возможно, это слишком быстрая смерть для таких, как вы. Святейший Наставник Крун, например, предлагал перед повешением содрать с вас кожу, но я не хочу, чтобы вы от боли позабыли друг о друге. Ваша смерть должна быть назидательной. Она должна быть поэтичной. Я хочу, чтобы Наисвятейший с удовольствием выслушал рассказ о ней.

– Я бы все-таки как следует допросил этого имперца, – проворчал Крун. – Могли же они заранее договориться о встрече?

– Нет, – Дорманож увидел, что кормчий наострил уши и усмехнулся.

– Мы поймаем твоего дружка, – заверил он. – Может, сегодня, может, через пару дней. Не думай о нем, думай о том, что ждет тебя.

– Поймаешь? – Рудж сумел побороть страх и улыбнулся. – Не думаю, что ты его поймаешь. Скорее наоборот – это он поймает тебя, хуридский ублюдок!

Напрасно он это сказал. Брата-Хранителя угроза не рассердила, а позабавила.

– В повозку его, – спокойно распорядился Дорманож. И, с двусмысленной улыбкой: – Поболтайте напоследок!

Двое солдат вновь ухватили цепи и поволокли кормчего к повозке. Третий тыкал в спину древком – усердие демонстрировал.

Дверца приоткрылась, Руджа впихнули внутрь. Дверца захлопнулась. Темно и душно. Словно в гробу.

Но в этом гробу он был не один.

– Рудж? – чуть слышно проговорил знакомый голос.

– Ними!

Кормчий нашел ее на ощупь, обнял. Цепи мешали – оба были скованы, но не важно. Главное – вместе.

– Ладно, ладно,– бормотал Рудж, прижимая ее мокрое лицо к груди. Сухая солома запуталась у Ними в волосах.– Что они с тобой сделали?

– Ничего,– прошептала девушка, прижимаясь к нему еще крепче.– Но там было холодно. Я не спала всю ночь. Что с нами будет? Нас казнят? Будут пытаться?

– Я не знаю,– соврал Рудж.

– Они нас замучат,– обреченно проговорила девушка.– Вы в Империи не знаете, что они делают с людьми.

– Знаю,– мрачно сказал кормчий.

«Богиня, спаси ее!»

– Рудж,– прошептала Ниминоа.– Я хочу, чтобы ты меня любил!

– Я люблю тебя, девочка!

– Нет, нет! Я хочу, чтобы ты любил меня здесь, в последний раз.

– Ты действительно этого хочешь?

– Да, да!

Повозка тронулась. Колеса загрохотали по камням.

Утлая лодочка в яростном море,

Мили и мили до берега Горя,

Ближе – до дна.

Весла-тростинки сжимают хоробры.

Без толку.

Хрустнут сосновые ребра.

Море проглотит и ярых, и добрых.

И – тишина.

Это Данил бормотал, когда уходили из Воркара. На языке русов. А потом перевел на хольдский, для Руджа.

Утлая лодочка...

– Я тебя люблю, девочка,– прошептал он, развязывая шнур лифа.

– Не надо,– прошептала Ниминоа.– Цепи же. Просто подними подол.

Бедро под нижними юбками намного теплее его ладони.

– Быстрее, милый!

«Последние часы,– подумал Рудж.– Вернее всего, мы не доживем до заката. Может и хорошо, если не доживем».

Повозка выкатилась со двора на улицу. Деревянные колеса загрохотали по деревянному настилу. Возница закричал и ловко хлестнул передних волов. Повозка покатила быстрее.

– Сомкнись! – проорал сотник, и солдаты перестроились в две колонны, по обе стороны повозки. Замыкали шествие четверо монахов в полном вооружении. Дорманож ехал впереди, среди старших Кариомерского Братства. Два боевых пса, взятых по его требованию, трусили вдоль обочин, вертели тяжелыми головами, рывкали на прохожих, недостаточно быстро прыгивавших с мостовой в сточные канавы.

Дорманож то и дело запрокидывал голову, изучая окружающие дома.

Крун, заметив это, фыркнул.

– Чего ты боишься? Армии Урнгура? Десанта Империи? Один недобитый шпион шляется по городу, второй сидит в цепях!

– С недобитым я уже имел дело,– отозвался Дорманож.– Да и твои люди тоже.

– Это мой город! – буркнул Крун.– Если я не привык ловить имперских шпионов, так это потому, что их у меня не водится!

Рыночную площадь расчистили. Разобрали даже половину крытых рядов. Пустое длинное пространство. Толпа, отделенная двойной цепью солдат. Рабы божьи, жители Кариомера. Крун придиричиво оглядел толпу и решил, что голов с черными повязками очень мало. Сравнительно с суммой, выплаченной позавчера черноповязочникам. Опасений

Дорманожа Отец-Наставник не разделял, но не любил, когда истрачено больше, чем получено.

Треос, командовавший оцеплением, подъехал к братьям-монахам.

Дорманожа он приветствовал с большей почтительностью, чем своего Отца-Наставника.

– Все как ты приказал, – доложил он.

– Очень хорошо, – одобрил риганец. – Твой выстрел – второй.

– Благодарю, святой брат. Хотя полагаю, что после первого в нем не будет нужды.

– Первым будет стрелять Отец-Наставник, – усмехнувшись, сказал Дорманож. – Это его город, значит, ему и честь.

Крун побагровел. Этот поганный риганец смеет над ним издеваться. И на место наглеца не поставишь.

– Я думаю, брат Дорманож более достоин... – вяло запротестовал он.

«Вот так! – злорадно подумал Брат-Хранитель. – Воинствующий монах должен быть воином, а не куском тухлого сала!»

– Возможно, – усмешка Дорманожа стала еще шире. – Но я только гость... и хотелось бы продлить удовольствие.

Тут уж и Треос не выдержал, улыбнулся.

– Выгружайте! – распорядился Дорманож.

Солдаты отперли возок. Брат-Хранитель подъехал поближе, оглядел осужденных и рассмеялся.

– Вижу, вы даром времени не теряли!

Рудж с ненавистью поглядел на него.

А вот сам Дорманож к отправленным им на казнь относился без всякой ненависти. Имперец – имперец и есть. А юная колдунья – всего лишь сорняк, выросший на ячменном поле. Как ни красив цветок, а приходится вырвать, чтоб не портил добрые колосья. Разумеется, чтобы вырастить зерно, одной прополки мало.

– Снимите с них цепи! – приказал Брат-Хранитель и, уловив тень надежды на лице Руджа, подмигнул ему.

– Стоит ли? – запротестовал Крун. – Если вдруг они захотят...

– Мы же все обсудили, – перебил Дорманож. – Их надо раздеть. Или ты полагаешь, что ради пустых опасений стоит разрезать такую хорошую одежду?

Отец-Наставник скрипнул зубами: гнусный риганец опять издевается над ним! И приходится терпеть. Требовать суда Величайшего – самоубийство. Один из лучших мечей Хуриды! А любой донос обернется против доносчика. Еще бы, любимчик Наисвятейшего!

Кормчий Рудж ненавидел Дорманожа много сильнее, чем Отец-Наставник Крун. Но у него было еще меньше возможностей реализовать свою ненависть. И сейчас, и потом. Он видел оцепление, видел щетину копий позади повозки и уже понимал: на Данила рассчитывать бессмысленно. Да, Данил один стоит полусотни здешних солдат. Но чтобы отбить осужденных, полусотни мало. И сотни тоже мало.

«Значит, я умру», – подумал кормчий.

Смерть его не пугала. Там, в Нижнем мире, Богиня заступится за него. Но Ними...

Четыре столба с перекладинами на противоположном конце площади. Подвешенный за ноги умирает иной раз несколько часов. Излюбленная казнь Братства. Для чародеев и покусившихся на заветы Первого Наисвятейшего. Как будто настоящего мага можно убить, привязав за ноги к перекладине!

– Раздевайтесь! – скомандовал Дорманож, когда осужденных расковали.

Пальцы Ниминоа судорожно стиснули руку кормчего.

– Держись, – тихонько сказал он. – Я помогу тебе. «Лучше я, чем солдаты».

Будь Рудж один, он набросился бы на стражников, вырвал бы копье, дрался, пока не убьют. Но умереть сейчас – оставить ее в одиночестве среди палачей.

«Я мог бы убить ее там, в возке, – подумал кормчий. – Дурак!»

Нет, скорее всего, на такое ему не хватило бы духу. Для такого нужно быть Данилом. «О Богиня, помоги ей! Ты же все можешь!»

Данил расположился на кровле кузнечного ряда. Отсюда он видел оцепленный стражниками прямоугольник площади с виселицами на одной стороне и толпой монахов и солдат – на другой. И видел людей Сожри-Всё, рассеянных в толпе. Что-то многовато солдат. И монахов. Или здесь так принято?

– Многовато, – согласился атаман. – Но подожди до обеда. Останется самое большее полсотни стражников.

Данил кивнул. Чем меньше охраны, тем меньше риск потерять осужденных. Вряд ли кто из хуридитов опередит светлорожденного и успеет добить повешенных. За полчаса ни с Руджем, ни с Ниминоа ничего не случится. Молодые, кровь быстрая, выдержат.

V

На шеи осужденным накинута веревка, и четверо солдат погнали их через площадь. Монахи остались на месте. Между линиями оцепления оставалось шагов сорок. Слева и справа Рудж видел стражников, неподвижных, уперших в землю тупые концы копий. Зато народ за оцеплением веселился, как мог. Самые расторопные взобрались на крыши торговых рядов и оттуда орали всякую чушь, потешая остальных. Руджа оскорбления не задевали, но для Ниминоа это оказалось жестоким испытанием. Прикрывшись руками, она брела по теплой мостовой, не поднимая головы.

– Ты красивее их всех! – сказал Рудж. – Плюнь, не обращай внимания!

У виселиц солдаты передали осужденных шестерым палачам.

– Обнимите друг друга, – деловито распорядился старший.

– Давай-давай! – заорал он на удивленного Руджа.

Кормчий прижал к себе Ними – и тотчас тугая веревочная петля стянула их вместе: грудь к груди.

– А красивая пара! – заметил один из солдат.

– Я не отказался бы попробовать эту красоту поближе! – заявил другой.

– Кого именно? – осведомился палач, набрасывающий и затягивающий петлю.

– Хорош болтать! – рявкнул старший. – Давай, железноголовые, марш отсюда! Нечего тут!

– К крысам тебя, кишкорез! Хреном своим командуй! – отругнулись солдаты.

Но отправились восвояси.

Палачи неторопливо, проверяя каждый узел, затягивали веревки.

– Колени болят, – пожаловался старший. – К дождю, значит. Проверь, не туго ли? Еще задохнутся. Ишь, толпа набежала. Как на ярмарку.

– А ярмарки давно не было, – сказал другой. – И зерно опять подорожало, второй раз за месяц.

– Купишь, не нищий, – буркнул старший.

– Ага, тебе-то хорошо, из самих рук Круна кормишься!

– Из его рук и крысе не прокормиться, – проворчал старший. – Ну все, переворачивай!

Четверо взялись за перекинутые через перекладины веревки, а старший с помощником обхватили притянутых друг к другу осужденных. Старший просунул руку между ног девушки, больно сдвинул. Ними вскрикнула, изогнулась, насколько позволяли веревки.

– Не балуй, – прикрикнул палач. Осужденная не была для него женщиной. И человеком не была. Она – работа.

– Взялись – раз!

Четверо натянули веревки, старший с помощником, хекнув, перевернули осужденных вниз головой.

– Тяни веселей! – Старший придерживал связанных, пока их не подняли на нужную высоту, а тогда отпустил – и перевернутая площадь закачалась вокруг Руджа и Ниминоа.

Черная поверхность столба то приближалась, то удалялась. Кровь прилила к голове. Боли еще не было. И страха – тоже. Рудж вспомнил: монах говорил о быстрой смерти. Вряд ли такую смерть можно назвать быстрой. Значит, это еще не все?

Веревочные петли сдавили лодыжки, хватка палача ослабла, мир перевернулся... и Ниминоа почувствовала облегчение. Уже не важно стало, что она раздета и весь городской сброд пляшется на нее. Теперь она знает, что ее ждет, а значит, нет страха перед неизвестностью. Перед всем, что может сотворить с ней изощренная фантазия святых братьев. Она умрет. Не сразу и мучительно, но зато рядом с Руджем. Могло быть страшнее, намного страшнее...

– Ты как? – спросил кормчий.

– Ничего. Ногам только больно.

– Это скоро пройдет. Скоро ты перестанешь их чувствовать. Мы...

И тут он услышал знакомый гудящий звук... Стрела! Данил!

Рудж дернулся, изогнулся... и действительно увидел Данила! На крыше одного из навесов, с мечом в руке, кричащего... Сумасшедший! Ему не справиться с таким количеством солдат!

– Данил! Не надо! – закричал Рудж. – Не надо! Беги!

– Не очень, – констатировал Дорманож, когда стрела Отца-Наставника Круна воткнулась в землю позади виселиц. – Ты, брат Треос.

– Прости, брат, но у меня что-то с рукой, – с лицемерной интонацией произнес Треос. – Благодарю за честь, но сегодня я не стрелок.

«Хитер, – подумал Дорманож. – Не хочет подчеркивать позор Наставника».

Брат-Хранитель пожал плечами, надел защитную рукавицу.

– Мой лук, – приказал он.

С подчеркнутой небрежностью наложил стрелу, быстро, будто и не целясь, отпустил тетиву.

Когда толстому монаху подали лук, Данил в бешенстве повернулся в Сожри-Всё:

– Ты солгал мне!

Второй раз за последние десять лет однорукий атаман испытал настоящий ужас. Первый был там, в притоне, когда светлорожденный швырнул ему под ноги дымящееся сердце Смерть-Бочки.

– Да нет же, нет! – Он отступил настолько, насколько позволяла крыша павильона. – Так никогда не делали!

– Ты же сказал, что узнаешь все раньше, чем сами монахи! – очень тихим и очень страшным голосом произнес Данил.

– Еще неизвестно... – начал Сожри-Всё и осекся. Толстый монах натягивал лук.

– Данил! – услышала Ниминоа хриплый крик Руджа. И тут что-то с такой силой ударило кормчего, что их связанные тела качнулись. Девушка ощутила болезненный укол в правую грудь, подняла голову и увидела треугольный стальной наконечник, высунувшийся из живота Руджа и упершийся в ее грудь пониже соска. Хищное жало, разорвавшее изнутри кожу Руджа.

Рудж забился так, словно невероятным усилием хотел разорвать путы, кровь струей хлынула у него изо рта.

– Рудж! – закричала Ниминоа. – Рудж!

Толстый монах, Отец-Наставник Крун, целился долго.

– Поднимай людей, – так же тихо проговорил Данил. – Живо!

– Они нас перебьют, – сказал Сожри-Всё. – Здесь монахи и не меньше двух сотен солдат. Нас просто перережут. Без пользы.

Крун наконец спустил тетиву. Данил вздохнул с облегчением – стрела прошла очень далеко от цели. Если они все такие лучники... И тут он увидел второго стрелка. И узнал его.

– Поднимай людей! Живо! – в ярости закричал он, вскакивая на ноги и выхватив меч.

Сожри-Всё тоже вскочил на ноги и пронзительно засвистел.

И в этот миг стрела ударила в спину Руджа.

Данил содрогнулся, будто пронзили его самого. Он закричал. И прыгнул с крыши павильона прямо на головы солдат.

– Добрый выстрел, брат! – искренне похвалил Треос.

– А-а-а! – Дорманож разочарованно махнул рукой. – Лет десять назад я проткнул бы обоих! Красиво, верно? Одна смертельная стрела... Э, взгляни! Что там за беспорядок?

Двоих он свалил, едва коснулся земли. Еще четверо пали, потому что оказались проворней прочих. Стремительный, как пард, Данил промчал пятьдесят шагов, отделявших от виселицы, снес голову одному из палачей, не успевшему удрать, подпрыгнул, перерубив веревку, подхватил тела Руджа и Ниминоа, не удержался на ногах, упав на колено, но кормчего и девушку от удара уберег.

Тем временем головорезы в черных повязках разом устремились сквозь толпу. Вопли сбитых с ног горожан смешались с яростным визгом черноповязочников. Разорванная Данилом цепь солдат рассыпалась окончательно. Бойцы Сожри-Всё рванули к виселицам, а толпа кариомерцев хлынула на площадь. Уцелевшие солдаты кружились в ней, как щепки в потоке. Шеренги копейщиков на другой стороне площади стояли в бездействии. Один из столбов виселицы повалился наземь, вывороченный из гнезда. Яростные и жалобные вопли слились в один неумолкающий рев.

– Во имя Величайшего! – взревел Дорманож. – Что там происходит?

И узнал Данила. Еще бы! Он ждал северянина. Знал, что тот сунется в капкан.

Имперец прыгнул с крыши. Солдаты, пытавшиеся его остановить, падали, словно трава, срезанная косой. Но когда на помощь северянину устремились «черные повязки», Брат-Хранитель закричал зубами от ярости. Сколько раз он говорил Наисвятейшему, что следует вырезать эту сволочь, пока она, как паскудный пес, не вцепилась в сапог хозяина.

– Ко мне, ко мне, воины, в круг, в круг! – истошно завопил Крун. Отец-Наставник испугался за свою драгоценную особу.

Глаза Дорманожа сузились. Вонзив каблуки в бока парда, он бросил зверя влево и с маху опустил хлыст на жирный загривок.

– Заткнись!!!

Крун замолк, расширенными от ужаса глазами глядел на риганца.

Но Дорманож уже забыл о нем.

– Треос!

Брат-Хранитель Кариомера тут же оказался рядом. Дорманож приподнялся на стременах. Почти три десятка монахов-воинов в полном вооружении ждали только команды.

Дорманож обнажил меч, пожалев о том, что не взял копье. Он не думал, что ловушка сработает так лихо.

– Братья! – воскликнул он. – За мной! Марш!

И погнал парда к виселицам. И воины Братства, сомкнувшись, поскакали за ним.

Сожри-Всё возник рядом с Данилом. С ним – полдюжины здоровенных парней.

– Быстро, быстро! – заорал однорукий. – Взяли и понесли!

Черноповязочники вскинули на плечи связанных Руджа и Ниминоа. Как бревно.

– Режь веревки! – крикнул Данил.

– Потом! Туда гляди! Туда! – Сожри-Всё махнул рукой.

Данил повернулся и через головы толпы увидел катящуюся через площадь волну смерти. Мелькающие лапы, оскаленные пасти под сверкающими клинками. Сердце Данила возликовало: битва – радость воина!

Но светлорожденный вовремя вспомнил, где он. И, обогнав черноповязочников Пяти Левых, принялся расчищать им дорогу.

Они успели вовремя. Монахи прорезали толпу, как прожигают воск капли раскаленного свинца, в одно мгновение втоптав в землю всех, кто имел несчастье оказаться у виселиц. Но не удовлетворились этим. Когда Данил оглянулся, то увидел, что Дорманож засек его и уже разворачивает своих всадников вслед беглецам.

Дорманож врезался в толпу первым и даже не потрудился поднять парда на дыбы. Массы мчащегося со скоростью пятидесяти миль в час зверя хватило, чтобы смять чернь до самых столбов, образовав в толпе просеку, вымощенную раздавленными телами. В следующий миг его воины смели всех, кто оказался ближе сорока шагов от виселиц. Но когда Дорманож привстал в седле и огляделся, то обнаружил, что проворный имперец улепетывает во главе кучки бандитов. И осужденных они уносят с собой.

Дорманож закричал, махнул мечом, указывая направление, послал парда в толпу. И тут кто-то из черноповязочников, а может, и расхрабившийся горожанин перерезал поджилки Дорманожеву зверю. И пард, вместо того чтобы прыгнуть вперед, взыв, осел назад и повалился на бок, а его всадник бесславно свалился на чей-то труп и забарахтался, пытаясь избавиться от поясного ремня.

Воины мигом окружили своего командира. Кто-то, наклонясь, с седла, добил покалеченного зверя. Минуты не прошло, как Дорманож снова оказался в седле. Но минуты хватило. Имперец и бандиты со своим грузом исчезли так же бесследно, как чашка воды, вылитая в реку.

VI

– Ты упустил его! – тоном обвинителя заявил маг. – Я дважды отдавал его в твои руки – ты его просрал. Сегодня он сам залез в капкан – и ты опять его просрал, безмозглый хуридит!

– Я самолично пристрелил второго, – буркнул Дорманож, сам удивляясь, почему не разрубил этого сморчка надвое.

– Твои псы умнее тебя! – зашипел маг, подбежав к Дорманожу и задирая голову – риганец был выше него почти на локоть. – Я всегда знал, где имперцы, потому что золотая серьга второго горела, как маяк. Серьга Морской богини! Та самая, что прикарманил твой солдат во время налета!

– Я не знал, – огрызнулся Дорманож. – Ты не предупредил меня. – Он изо всех сил пытался возбудить в себе гнев, но мерзкий колдун словно выпил из него мужество. – Я накажу вора.

– Дурак! Он уже труп. Неужели ты думаешь, что я оставлю магическую серьгу грязной хуридской крысе? Мне не нужен дохлый морячишка! Мне нужен живой Рус!

Маг отскочил и быстро, как паук, забежал по комнате. Дорманож проклинал тот день, когда чародей влез в его жизнь. Прав, прав великий Туск, повелевший вешать всякого, заподозренного в колдовстве. Величайший, почему он не может прикончить это мерзкое отродье?

– Во имя древних сил! – восклицал между тем чародей. – Почему я связался с этой коричневой немочью! Слушай, ты! – Чародей вновь обратился к Дорманожу сморщенное личико. – Ты найдешь мне этого имперца! Если через неделю ты не передашь его мне, ты сдохнешь! И сдохнешь так, что с тобой не поменяется и конгайский стражник, попавший в лапы омбамту.

Чародей взмахнул рукой и исчез с громким хлопком. Запах прогоревшего огненного

зелья повис в воздухе.

«Почему я его не убил?» – в третий раз спросил себя Дорманож.

– Они все-таки убили тебя, – проговорил Данил, касаясь холодной щеки. – Все-таки убили. Но я отомщу.

– Не знаю, стоит ли мстить? – осторожно заметил Сожри-Всё. Он был обязан светлорожденному, но идея войны со Святым Братством ему не улыбалась. Укусить и отпрянуть – одно, а затевать большую драку – совсем другое. – Ты не можешь в одиночку перебить всех коричневых. Ну, прикончишь десяток, что толку? Монахи – как крысы. Сколько их не бей – меньше не становится. Скажи лучше, что делать с дочкой Гривуша? Если она и впрямь колдунья – я не могу оставить ее у себя. Рано или поздно ее прикончат мои же люди. Не любят колдунов, дурачье. А жаль! Красивая девка. Я бы с ней повозился!

– Яйца отрежу, – холодно произнес Данил.

– Да я пошутил! – воскликнул однорукий атаман.

От этого имперца всего можно ожидать. Убить его, что ли? Но такого разве убьешь.

– Я возьму ее с собой, – сказал Данил. – Ты дашь мне все, что требуется. И похоронишь Руджа.

– Похороню, как собственного брата! – заверил Сожри-Всё. – И дам тебе трех хороших пардов, припасы и проводника до Мирсора. Но я хотел бы получить перстень Отца-Взымателя, ты дашь мне его?

Вместо ответа Данил стянул перстень с пальца и протянул хуридиту. Тот, обрadowанный, тут же спрятал его в пояс.

– Я научу тебя тайным знакам «черных повязок», – пообещал атаман. – От лесных ребят тебя это не спасет, но в городах можешь рассчитывать на помощь. Не бесплатно, зато без обмана. И вот что – уезжай прямо сегодня!

– Спроваживаешь? – недобро усмехнулся светлорожденный.

– Да! – честно признал атаман. – Тебя начнут искать. Худо будет, если узнают, что я тебя спрятал. Кто-нибудь из моих может проболтаться.

Тут он приврал. Ни один из черноповязочников не рискнул бы донести. Предателя всегда находили, и путь его к смерти начинался с того, что предателя заставляли съесть собственный, вырванный раскаленными клещами язык. Но искать Данила будут. Весь Кариомер перероют – от чердаков до подвалов.

– Я дам тебе денег, – сказал Сожри-Всё. – Только уезжай. Как только девушка проснется, садитесь в седла и отправляйтесь.

– Она сможет усидеть в седле? – усомнился Данил.

– Мой лекарь сказал – сможет. Вечером.

– А стража?

– Мои заботы.

– Смотри, – предупредил Данил. – Выдашь – умрешь.

– Я себе не враг, – ответил Сожри-Всё.

Тот Данил, которого атаман встретил на постоялом дворе, был смертельно опасен. Но воин, стоявший сейчас у мертвого тела Руджа, страшнее стократ. Потому что переступил незримую черту. В глазах светлорожденного жила смерть.

Конец второй части

Часть третья ОДИНОКИЙ ГОЛОС ВЬЮГИ

Очерти круг и сделай его продолжением себя. Пусть сила твоя хранит его целостность, как хранишь ты собственное тело. Сделай

так – и станешь непобедимым. Ибо лишь отмеренное число врагов может одновременно преступить границу твоей целостности, сила же вставшего на Путь – безгранична.

Мангхэл-Сёрк. Правило тридцать девятое

I

Проводника звали Спот¹². Тощий малый с подвижным маленьким личиком. Себе на уме. От Данила и его спутницы старался держаться подальше. История о том, как убили Смерть-Бочку: два вырванных сердца, дюжина бойцов, зарезанных будто мимоходом, – расплзлась по Кариомеру, обросла подробностями. Суток не прошло, а слухи уже превзошли правду настолько, насколько дракон превосходит урга-падальщика. Демон и колдунья. Проводника можно понять – компания не из тех, какие выбирают добровольно.

Три всадника ехали по тайной тропе между черными стволами. Пардов не гнали – путь дальний. Данил ехал замыкающим. Правило Проклятых земель: магхар хватает последнего. Светлорожденный смотрел, как покачивается в седле закутанная в плащ всадница, и думал о Рудже, вот так же ехавшем впереди всего лишь несколько дней назад. Он вызывал из памяти день за днем – с того самого утра, когда впервые вступил на палубу «Баловня ветров». Вспоминал, как Рудж учил его именам парусов, прибавляя к каждому имени забавную историю. Или тому, как по цвету воды определить безопасный фарватер. Рудж был человеком моря. Но Данил выбрал сушу, более привычную для него самого. И жив. А Рудж, который во всем полагался на светлорожденного, – мертв.

Тропа расширилась, и Данил послал парда вперед, поравнявшись с Ниминоа. Девушка ехала, уронив голову на грудь. Плечи опущены, ноги не упираются в стремена, взгляд устремлен в серую холку парда. Данил хотел сказать ей, чтоб села правильно, иначе сотрет кожу, но не сказал. Разве это по-настоящему важно? Широкий коричневый плащ полностью скрывал ее фигуру, а край плаща – большую часть лица. Только маленький верховой сапог, выглядывающий из-под полы плаща, мог выдать, что всадница – женщина. Данил молча ехал рядом. Он знал: Ниминоа – единственный близкий ему человек на тысячу миль вокруг. И она была – как мертвая. Вялые движения, остановившийся взгляд. Казалось, душа покинула ее. Ниминоа делала то, что говорил Данил, отвечала, когда он спрашивал. Но – как морос¹³. От вида ее потухших глаз у Данила сжималось сердце. Лекарь, которого привел Сожри-Всё, осмотрел девушку очень тщательно и не нашел серьезных повреждений. Но он говорил о теле.

Губы Ниминоа шевелились. Данил прислушался. Одна и та же фраза:

«Я узор, который вышила игла... Я узор, который вышила игла...»

Как заклинание, из которого выпили силу.

Ними потеряла все: отца, любимого, дом... и себя. Данил мог бы отогреть ее собственным теплом, но отогревать было некого.

«Что подбрасывать сучья, если костер погас?» – любил повторять отец Данила. И он прав.

Тропа снова сузилась, поползла вверх. Лапы усталых пардов ударяли по земле, словно ладони музыканта в глиняный барабан, деревья сменились кустарником, таким же черным. И небо над головами казалось только чуть-чуть светлее листвы. Влажный грибной дух прелых листьев смешивался с запахом мокрой шерсти.

«Я – узор, который вышила игла...»

Данил пригнулся, чтобы не задеть ветку.

¹² Спот – обитающая в Хуриде черная лесная крыса.

¹³ Морос – зомби.

– Спот,– позвал он.– Не пора ли сделать привал?

Когда они поели, проводник занялся постройкой шалаша, а Данил подсел к Ниминоа.

– Ними,– проговорил он.– Твоя жизнь еще не кончилась.

Девушка подняла на него безучастный взгляд.

«Это ты так думаешь»,– ответили ее глаза.

– На северо-западе моей страны есть горы,– произнес светлорожденный.– Там живут люди ростом чуть повыше восьмилетнего ребенка. Но они – лучшие воины Мира. Они настолько хороши в битве, что некоторые полагают: они даже и не люди, а особые существа, вроде фьёльнов. Они – безупречные воины, но никогда ни с кем не воюют по собственному почину. А день, когда обстоятельства вынуждают их избрать верховного военачальника-туринга, считают днем траура. У них есть свод правил для постигающего воинское искусство. Я знаю некоторые из них, потому что моего наставника учили вагары. Их нельзя произносить в присутствии чужих. Если только сердце воина не подскажет: нужно отступить от закона.

Лицо Ниминоа по-прежнему хранило маску безразличия, но какая-то тень, как показалось Данилу, все же мелькнула в глубине ее зрачков.

– Мое сердце говорит: нужно,– продолжал светлорожденный.– И я нарушу запрет. Для тебя. Слушай. Мангхэл-сёрк. Правило сто шестое.

«Воин искусный подобен крепкому челну. Отважно выходит он в Холодное море и способен пересечь его от берега до берега, если благословенная Удача избавит его от ярости зимних штормов.

Постигший Правила сам подобен дракену с бортами из крепкого дерева и парусами, что несут его от земли до земли. Непобедим он, ибо верно выбирает ветер, в нужную пору приходит и уходит от берегов, смывая лишнее, как смывают с палубы осевшую соль. Морские чудища могут оборвать его Путь. Или встреча с подобным себе. Но место гибели он выбирает сам». Ты понимаешь, о чем я?

– Я не воин,– тихо проговорила девушка.

– Кто тебе это сказал?

– Я женщина.

– Ты больше. Ведь у тебя – магический дар.

– Он бесполезен.

– Ты всего лишь вышла в Холодное море...

Холодное море. Причудливый изгиб фьорда, скалы с редкими пятнами зелени, тяжелая, как расплавленный металл, вода... Данил закрыл глаза и увидел береговые камни, припудренные белым налетом соли, широченную спину Нила Биоркита, с легкостью кугурра перепрыгивающего с валуна на валун. Ах, сколько отдал бы светлорожденный Данил Рус за то, чтобы воочию увидеть впереди эту спину!

Воин открыл глаза. И увидел склоненную темноволосую головку Ниминоа.

– Ними,– произнес он ласково.– Послушай. У этого Правила есть продолжение:

«Прошедший Путь подобен каменному утесу. Волны, бурные и тихие, огибают его. И корабли его огибают, чтобы продолжить путь. Ничто в мире не грозит ему гибелью, ибо выбрал он Место и нашел себя».

Девушка тихонько вздохнула.

«Она хочет, чтоб ее оставили в покое,– подумал светлорожденный.– Наедине с ее горем».

– Всё,– сказал Данил, поднявшись.– Боги щедро одарили тебя, Ниминоа. Думай.

Он отошел от костра, огорченный тем, что не сумел найти нужные слова. Тем более, это было не всё Правило, потому что сказано в нем:

«...ибо выбрал он Место и нашел себя. Но и им повелевает Судьба».

Когда Дорманожу доложили о том, что его желает видеть Треос, риганец отлеживался в

горячем бассейне. Болела спина после падения с парда.

– Пусть войдет, – разрешил Дорманож.

Брат-Хранитель Кариомера, сразу видно, не принес утешительных новостей.

– Их нет в городе, – заявил он. – Мы взяли три десятка черноповязочников и допросили их. Шестеро умерли, остальные наболтали столько, что хватит на сотню приговоров!

Треос пододвинул к бассейну кожаный стул, уселся, поглядел на красное распаренное лицо Дорманожа и подумал: может, зря он так суетится? Будет ли Дорманож покровительствовать ему? Вопрос. А вот Отец-Наставник Крун очень недоволен. Не будь здесь риганца, Крун попросту запретил бы своему Брату-Хранителю трогать черноповязочников. Если атаманы решат объявить войну – еще не известно, кому достанется победа. Конечно, потом придут войска из Воркара и сравняют город с землей, но мертвому Треосу вряд ли от этого полегчает. Впрочем, и Треос проявил осторожность: все схваченные бандиты – из мелких шаек. Ни одного из банды Пять Левых. Треос особо проследил за этим, хотя ему прекрасно известно, кто набезобразничал на рыночной площади. К сожалению, об этом известно и жирному приспешнику Дорманожа Опосу. Толстяк самолично допрашивал черноповязочников.

– Так что же они наболтали? – спросил Дорманож.

– У черноповязочников смена власти. Убит самый важный из атаманов – Смерть-Бочка.

– Хорошо. Одним ублюдком меньше, – проворчал Дорманож.

– К сожалению, не так уж хорошо, – возразил Треос. – Смерть-Бочка помогал нам и пользовался доверием. Он был из наших «морских взымателей». Именно он отвечал за порядок во время казни. Но его убили. И пустили слух, что он был магхаром. Поэтому все его люди пошли под руку убийцы, атамана Сожри-Всё. А этот – совсем другой.

– Почему? – недовольно спросил Дорманож.

Он никогда не имел отношений с черноповязочниками. В Ригане их не водилось – нечем поживиться; а в Воркаре Дорманож занимался другими вещами.

– Потому что этот Сожри-Всё в прошлом воинствующий монах. Но был изгнан из Святого Братства с усекновением руки за воровство. Хитер и подл, как крыса. И очень опасен.

– Меня не интересует бандитский атаман! – Дорманож поднялся, вода выплеснулась из бассейна, и Треос поджал ноги, чтобы не замочить замшевые сапоги.

Риганец накинул на плечи простыню, подошел к столу, налил себе разбавленного вина. Треосу не предложил.

– Разошли гонцов во все города к югу и востоку от Кариомера, – распорядился Брат-Хранитель Ригана. – Уверен, имперец попытается прорваться в Конг! Личная благодарность тому, кто доставит любые сведения. Разошли следопытов, свяжись с лесными разбойниками. Пусть все ищут, пусть землю носом роют! – прошелся по комнате взад-вперед, шлепая босыми ногами, остановился напротив Треоса, наклонился: – Выследи мне имперца, брат, и, клянусь славой Величайшего, я лично доложу о тебе Наисвятейшему.

– Сделаю все, что смогу! – воскликнул Треос. Он заметно оживился. – Позволь приступить немедленно?

– Да. Ссылайся на меня... или прямо на Наисвятейшего. Он нас поддержит наверняка!

Последнее «нас» отозвалось в ушах Треоса ударами праздничного гонга. Воодушевленный, он выскочил из бассейна, а Дорманож, швырнув простыню на пол, опять погрузился в горячую воду и приказал себе думать. Думать, думать...

II

– Нам нужно пройти около двухсот миль, – сказал Спот. – Примерно вот так, – он прочертил маршрут палочкой на мокром песке. – Напрямик короче, но не безопасней. Монахи в чащу не заходят. Лесные братья – тоже. Они предпочитают дороги, лесные братья. Поверь, уж я-то знаю! – И захихикал.

Впрочем, Данил и раньше догадывался, почему их проводник так хорошо разбирается в тайных тропах.

– Вот такой круг – и мы выйдем прямо к Засову, – Спот завершил дугу кружком и сунул прутик в рот.

Данил поглядел на «карту», потом – на проводника.

– А почему не обойти и Засов? – предложил светлорожденный. – Припасов у нас пока хватает.

– Засов – потому и Засов, что запирает дорогу к перевалу. – Спот сплюнул. – Обойти можно. Но трудно. И только пешком. Что скажешь? – Он вопросительно взглянул на светлорожденного.

За время путешествия страха у проводника поубавилось. Данил не выдыхал огонь и не впадал в беспричинную ярость. Одним словом, более походил на человека, чем на демона. И о девушке заботился, хотя и не спал с ней. Демоны, как предполагал Спот, ведут себя иначе. Или нет?

– А ты сам что выбрал бы? – спросил Данил.

– Пешком – не стоит, – ответил проводник. – Девушке будет трудно, к тому же вам понадобятся пища и теплые вещи. Там, в горах.

– Вам? – переспросил Данил. – Ты не поведешь нас через перевал?

– Ну, я... вроде атаман сказал: только до гор... – промямлил Спот и отодвинулся на всякий случай. – Я и не ходил-то дальше Засова, что мне там делать, господин?

– Ладно, – кивнул Данил. – До гор так до гор.

Не хватало, чтобы проводник сбежал на полпути, испугавшись, что светлорожденный потащит его в Конг.

– Да я правда не знаю, – проговорил Спот. – Ежели к побережью, так я запросто, а в Черногорье... – Он покачал головой.

– К побережью стоит идти, если там ждет корабль, – сказал Данил. – Вплавь море не переплыть.

– Ну да, ну да, – охотно согласился Спот. – Но к морю идти полегче, господин. Много полегче.

– До Засова мы доберемся дней через семь, так?

– Если погода будет хорошая, непременно доберемся, – подтвердил проводник.

– А что за город?

– Засов-то? Хороший город. Наши там в силе.

– А в Конг ходят?

– Как не ходить? – Проводник даже удивился. – Граница же. Товары везут туда-сюда. Если с товаром, конгаи не препятствуют, только долю берут. А монахи в Засове тихие, – неожиданно заключил он.

– Ну хорошо, – Данил поднялся. По ногам побежали мурашки – добрый час на короточках. Трудно без привычки. Бросил взгляд на Ниминоа.

Девушка сидела у костра на свернутой попоне. Вокруг – черные тени от черных деревьев. И желтое пламя костра. Ниминоа глядела на огонь.

«Хорошо, – подумал Данил. – Огонь душу лечит».

Он подошел к озеру, зачерпнул ладонью. В воде плавали крохотные черные комочки. Ил. Но вода, вроде, чистая и дрянью не пахнет.

Светлорожденный быстро разделся, смочил волосы, натер их мыльным порошком и нырнул. Вода холодная, почти как дома, в Хольде. Нет, родная Русса в эту пору все же похолодней.

Данил проплыл под водой локтей сто, повернулся, проплыл еще столько же к берегу и только тогда вынырнул на поверхность, заскользил по воде легко, быстро, как лягушка. Несколько мгновений – и под ногами уже песок. Взгляд на берег... Ниминоа в напряженной позе застыла у кромки воды.

– Что? – быстро спросил Данил.

Взгляд его обшарил подступивший к самой воде лес, выискивая опасность. Но ничего не обнаружил.

– Что случилось? – повторил он.

– Я подумала: ты утонул, – голос девушки дрогнул.

– Я?! – изумился Данил. – Я – утонул? – Он расхохотался и, вспенив воду, выбежал на берег.

– И Спот закричал, – проговорила Ниминоа. – Я смотрю, а тебя нет... Тебя долго не было, – поправила она.

Данил перевел взгляд на проводника. Физиономия у того выглядела обеспокоенной.

– Спот, в чем дело?

– В этих озерах нельзя купаться, господин! – заявил хуридит.

– Почему?

– Нельзя. Никто не купается.

– Ну хорошо, нельзя так нельзя, – Данил решил не доискиваться истины, поскольку это уже не имело значения, а повернулся к Ниминоа. – Не бойся за меня, девочка! – сказал он очень серьезно. – Я тебя не оставлю. Запомни это, хорошо?

Ниминоа кивнула и, вдруг сообразив, что смотрит на голого мужчину, смущенно опустила глаза. Обычаи Конга и Империи отличались от обычаев Хуриды, поэтому Данил решил, что она смутилась из-за собственного испуга. Что бы там ни было, но светлорожденный все равно обрадовался: впервые с того ужасного дня Ниминоа проявила хоть какие-то эмоции.

Данил попрыгал, чтобы стряхнуть с себя воду, прошелся колесом, крутанул сальто вперед-назад, выполнил дюжину движений шестого хирада Мангхэл-сёрк. Кожа высохла, и он оделся.

Спот наблюдал за северянином с восхищением и ужасом. Нет, точно демон – двигается так быстро, что глазу не успеть! Пока Спот смотрел – похлебка дошла. Один из пардов подошел к котлу, понюхал, фыркнул.

– Брысь! Горячее! – Спот шлепнул его по носу, откинул рукавицей крышку, сыпнул приностей. – Ужин готов, господин!

Стемнело. Спот уже уснул, завернувшись в одеяло. Данил и Ниминоа сидели у огня. Светлорожденный рассказывал, Ними же – слушала. Но уже не так, как несколько дней назад. Данил был счастлив видеть, как к ней понемногу возвращается жизнь.

– Мой отец собрал множество книг об истоках магии. Но ни одна книга не говорит о них определенно. Согласно тайским мифам, Неизъяснимый даровал ее людям для защиты от тварей, порожденных царем демонов. Но известно также, что сама магия порождает еще более отвратительных магхаров. А уж этих-то я рубил собственноручно. И Проклятые земли, что ширятся от столетия к столетию, – тоже, как полагают, порождение магии, вернее, плата за магические чары. Кое-кто в имперском совете поговаривал о необходимости ограничить деятельность магов одним лишь необходимым, но это только разговоры. Попробуй заставить художника не рисовать, а складка – не петь песни.

– А что такое Проклятые земли? – спросила Ними.

– Боги знают, – Данил пожал плечами. – Кое-кто из чародеев ходил туда и даже возвращался. Я лично бывал на границах и могу сказать, что место, где вчера был бурый луг, сегодня – голые камни, а завтра – соленое озеро, мне не по нраву. А если прибавить к этому обитающих там магхаров – и вовсе тошнотворное местечко... – Светлорожденный на какое-то время умолк, вспомнил тошнотворный запах горелого мяса, черный дым разлившегося огненного зелья, истошные вопли и накатывающаяся волна омерзительных существ. Скрежет когтей по щиту, дрожь древка, когда на наконечнике копья – корчащаяся тварь...

– В иные годы у магхаров начинается зуд в подошвах, и они толпами прут через границу, – продолжал Данил.

– А вы?

– Мы их бьем.

– А никто не пытался узнать, почему они идут к вам? – спросила Ниминоа.

Данил засмеялся.

– Пытались, – кивнул он. – Наши маги. Но беда в том, что чары, призываемые даже на границе Проклятых земель, – непредсказуемы. Волшебник призывает пламя, а является огненный демон. Посему и против магхаров наши чародеи почти бесполезны.

– И что остается?

– Вот это, – светлорожденный похлопал по рукояти меча. – Добрая сталь всегда хороша. Лучше только хармшарков клинок.

– А я никогда не слышала о Проклятых землях, – задумчиво проговорила Ниминоа.

– Мир большой, – отозвался Данил. – Я видел многое, но такого, чего я не видел, куда больше. Например, я не знаю, что лежит за Солнечным морем и есть ли земли южнее Черной Тверди.

– А там могут быть земли?

– Раньше южнее лежала Махд-Шагош, древняя империя. Та, что погибла в Эпоху Перемен. Ты слышала о ней?

Девушка покачала головой:

– Нет, ни об Эпохе Перемен, ни о Махд-Шагош.

– Я расскажу, – Данил поглядел на желтый огонь, подумал и решил, что пора подкинуть сучьев. Что он и сделал. Парды, устроившиеся по другую сторону костра, недовольно заворчали и отползли подальше, когда пламя жадно ухватило сухое де-рево.

– Много тысячелетий назад, – начал светлорожденный, – Миром правили великие маги. Равные богам или даже сильнее богов. Но дела их не понравились Неизъяснимому, по крайней мере так говорят жрецы. «И возмутились воды, и твердь стала водой, и огонь пришел в Мир», – процитировал Данил. – В общем, Махд-Шагош теперь на дне Теплого моря, а сотни магов, сильных и так себе, ищут ее следы, чтобы овладеть древней магией. Но, как правило, находят лишь осколки плит с загадочными надписями. Но слова – всего лишь слова, если за ними не стоит знание. Например, самое меньшее дюжину раз упоминаются окрыленные колесницы. Воины Махд-Шагош летали на них по воздуху, подобно драконам, а Великие и Сильные, так именовали себя повелители древней Империи, сражались на них с богами, если, конечно, это правда. Но слова «окрыленная колесница» не позволят прочитавшему их летать по воздуху.

– Понимаю. А что еще о них сказано? – Ниминоа заинтересовалась, и это порадовало светлорожденного.

– Прочтешь, – заверил Данил. – У моего отца списки со всех свидетельств, имеющих в Рунской библиотеке.

– Данил, – Ниминоа подняла голову. – Ты, правда, думаешь, что мы выберемся?

– Да, – твердо ответил Данил. – Я и ты. Не завтра, а может даже и не через месяц, но выберемся обязательно. Обещаю.

– Завтра мы выехать не сможем, – сказал Дорманож. – Завтра праздник Просветления святого Хума. Не отметить его – грех перед Высочайшим.

– Плевать мне на твоего Хуму! – взъярился маг. – И на твоего бога тоже! Ты знаешь, сколько в Мире богов?

– Есть только один истинный бог! – с трудом сохраняя терпение, заявил Дорманож. – Не смей оскорблять его!

– И что будет? – с издевкой осведомился чародей. – Твой бог – ничто! Пустое место. Плетка, которой болваны вроде тебя погоняют еще больших болванов!

Дорманож и сам не понял, как выхватил из-за пояса нож и метнул в чародея.

Тот даже не попытался уклониться. Нож вонзился ему в грудь... и прошел насквозь. Раздался звон.

– Красивая была ваза, – усмехнулся проклятый колдун. И тут же нахмурился. – Больше

так не делай, или душа твоя окажется здесь! – Чародей постучал по черному камню перстня на указательном пальце.

Дорманож мысленно воззвал к Величайшему, но не ощутил обычного подъема и уверенности. Бог был далеко, а недомерок-колдун – рядом.

– Я дал знать во все приморские города, – Брат-Хранитель счел за лучшее сделать вид, будто ничего не произошло. – И послал гонцов в Засов и Могмор, если он вдруг решится идти через горы.

– Он точно пойдет через горы, – заявил маг. – В ваших гаванях нет ни одного чужеземного корабля. А в акулу он пока превращаться не умеет.

– Но с ним колдунья!

Маг разразился скрипучим смехом.

– Эта колдунья не заставит и слизня свернуть с дороги! Могмор и Засов! В Засов пойдешь сам, а в Могмор отправишь этого, толстого.

– Опоса?

– Да. Возьмете с собой толченный прах дурманного гриба.

– Зачем?

– За тем, что снова его упустите. Пусть ему подмешают в питье или дунут в лицо, сам разберешься. Запомни: иначе его не взять. Смотри, хуридит, в третий раз опозоришься – тебе конец!

И растаял.

Дорманож заскрипел зубами от ярости. Он не знал, кого больше ненавидит: мерзкого чародея или неуловимого имперца.

III

Унгат, Алчущий Силы из Тайдуана, вернулся в свое тело. Но еще целый час пролежал неподвижно, пока токи жизни соединялись внутри. Унгат был в бешенстве и тщательно копил ярость, рассчитывая позднее превратить ее в силу. Но причины этой ярости угнетали мага. Ничтожный Рус ускользал между пальцев, словно вода. Будь на то воля Унгата, душа Данила уже сминалась бы, словно влажная глина, в пальцах посланного чародеем демона. Но запрет Правящих сдавливал горло Унгата, как строгий ошейник – горло боевого пса. Кому из Правящих пришлось в голову сделать из Руса отравленный кинжал? Унгат не знал. Будь он не в мрачной Хуриде, а в солнцобильном Гураме, вместе с сильнейшими – безусловно одобрил бы такую мысль. Но именно из-за нее Унгату впервые за двадцать лет пришлось покинуть Шепчущую Башню и рисковать собственным телом в незащищенном месте. Там, где любой из его врагов мог наслать на Унгата воплощенного демона или смертные чары.

Подвижное тело полностью воссоединилось с плотью, Унгат покинул ложе и смешал тринадцатитравный настой с чашкой горячего турецкого вина. Сила и выносливость. Лучшее зелье для постельных игр. Одна капля – одна золотая монета. Но женщины не интересовали Унгата. Он готовился к последнему броску. К последнему прыжку кугурра. Унгат позволит себе отдохнуть не раньше, чем отравленный кинжал пронзит сердце Империи. А случится это не скоро. Спустя много трудных дней. А каким легким казалось дело! Позволить Русу взять послание, выдав тем самым шпиона, сжечь корабль, уничтожить шпиона, позволить светлорожденному метаться по Хуриде, будто он – отрезанная от норы крыса, а когда выдохнется – аккуратно взять за горло. Но крыса оказалась по-крысиному шустрой, а вонючие монахи – слишком бестолковыми. Да уж, союзники! Ладно, Унгат все сделает сам, а с монахами пусть разбираются Правящие. После победы.

Маг откинул крышку сундука, выбрал из вороха одежды подходящее: исподнее из мягкой шерсти, кожаные штаны, куртку из меха белого хольдского леопарда. Прошло тридцать лет с тех пор, как Унгат последний раз поднимался на драконе, но чародей не забыл, как холодно там, наверху.

– Спот, – ровным голосом произнес Данил. – Нас отслеживают. Кто это может быть?
– Что? – Нож Спота с наколотым куском жареного мяса замер на полпути.
– Продолжай есть, – негромко приказал светлорожденный. – Пусть думают: мы о них не знаем. Так кто это?

– Скорее всего, лесные братья, – проводник жевал с таким видом, словно это не сочное мясо, а старый ремень. – Монахи не умеют подкрадываться.

– Сумеешь договориться?

– Попробую. Много их?

– Не меньше дюжины, насколько я слышу.

– Много.

– Попробуй договориться. Не сумеешь – буду говорить я.

– Ты их убьешь? – Лицо проводника озарилось надеждой.

– Посмотрим. Ниминоа!

Девушка повернулась к нему. Ее смуглая кожа казалась бронзовой в отсветах костра.

– Ними! – мягко произнес Данил. – Ничего не бойся и не двигайся. Не беги, не сопротивляйся!

Девушка кивнула.

– Спот! Если не обойдется миром, делай то же, что и она.

– Я умею драться! – Хуридит обиделся.

– Ты меня слышал, – холодно произнес Данил, и Спот побледнел.

Светлорожденного он боялся побольше, чем лесных разбойников.

– Мне поговорить с ними сейчас, господин?

– Нет. Сначала поужинаем. Кто они такие, чтобы портить нам аппетит? – Данил улыбнулся Ниминоа, и девушка ответила ему спокойным взглядом. В отличие от Спота, она совершенно не боялась. Может быть, потому, что не дорожила жизнью.

Ночь была совсем тихая. Ни ветерка. Ровно горел костер, шумно вздыхали спящие парды. Да, этим зверям далеко до настоящих боевых. Хольдцев, к примеру.

Данил допил лепестковый отвар, поставил чашку на траву.

– Давай, – буднично сказал он Споту.

Проводник поднялся.

– Эй! – крикнул он – Мы знаем про вас! Мы не враги!

Ответом – молчание.

Спот осмелел. Может, имперцу почудилось?

– Мы знаем, что вы здесь! – рявкнул он во всю мочь. – Покажись, если не трусы!

– Мы не трусы. И незачем так орать.

Коренастый мужчина шагнул в освещенный круг. Был он в лохматых звериных шкурах, но из-под шкур поблескивала кираса, и шлем тоже не в деревенской печи ковали.

Увидев, что разбойник – один, Спот приободрился.

– Ты чего выстораживал? – сердито спросил он.

Разбойник молча, пристально оглядел проводника, потом Данила, сидевшего тихо, с опущенной головой и, дольше всего, – Ниминоа.

– Ну! – прикрикнул Спот. – Отвечай!

– Не нукай, не погоняй! – срезал разбойник. – Братишки, выходи. Величайший подарочек нам прислал!

Целая ватага лесных бродяг выступила из темноты, с трех сторон окружив путников. С четвертой – обрыв.

Пард Данила поднял голову, заворчал. Светлорожденный успокаивающе похлопал его по мохнатому лбу.

Спот попятился к костру. Данил ошибся. Не одна – добрых три дюжины. Да половина с луками. Этакую прорву и демону не одолеть.

– Э... Не сердчай, – пробормотал Спот. – Мы ж не купцы какие.

– Вижу, – спокойно ответил предводитель. – Вижу, черноповязочник.

Он подошел к Споту вплотную, выдернул из-за пояса проводника нож и заткнул себе за пояс.

– Э... Что нам делить, лесной брат? – проговорил Спот. – И убивать нас не за что, верно?

– Впрямь так, – согласился атаман. – Делить мы ничо не будем. Всё и так наше. Вещички ваши нам впору – ребята пообносились. И парды. И женщин мы тоже давно не видели. Хотя одной на всех маловато, так, братишки?

Ватажники ответили ворчанием. Атаман подошел, наклонился, взял Ниминоа за подбородок:

– Красивая, – отметил он. – Нехорошо такую под круг класть. Значит, будешь моя. Никто не против? – И положил руку на меч.

Глядел только на своих, ни Спота, ни Данила в расчет не принимая.

Данил исподволь разглядывал лесных братьев. Большинство – не очень-то грозны. Дубины да рогатины. Да еще луки. Наверняка большинство – беглые землепашцы. Правда, есть и другие. Получше вооруженные и половчей с виду. Бывшие стражники, солдаты или что-то вроде. Тоже – пустяки. Исключение – предводитель. Этот может быть опасен. И его следует убить. Немедленно. Чтобы обезглавить ватагу. Чтобы избежать общей схватки, в которой скорее могут, например, прикончить Спота. Светлорожденному совсем не хотелось остаться без проводника, а жизни разбойников в его глазах не имели цены.

– Я против, – негромко произнес он.

– Что ты сказал? – Предводитель тут же оставил девушку, шагнул к светлорожденному.

– Это моя женщина, – не поднимая головы и продолжая сидеть, произнес Данил.

– Да ну! – Разбойник встал в паре шагов от светлорожденного, подбоченился. – Встать!

Данил поднялся. Взгляда атамана он избегал. Еще прочтет в глазах светлорожденного лишнее.

– Твоя, говоришь? – процедил атаман. – Вижу, у тебя меч. Может, ты еще захочешь драться за нее, как мужчина?

Данил молчал.

– Ну! Или струсил? Похож он на мужчину, братишки?

Ватага откликнулась насмешками.

– Во! Не похож! Значит, отдал меч и заткнул пасть!

Еще месяц назад Данил и разговаривать бы не стал. Бросился в бой и изрубил на рагу и атамана, и его ватажников. Но теперь он стал много осторожней. И очень боялся случайных стрел, не выбирающих: мужчина или женщина. Всех не отразить даже мастеру Мангхэл-сёрк. Особенно если они направлены не на него.

– Я буду драться, – тихо сказал он.

– Что? – Атаман махнул рукой, требуя тишины. – Ша! Он что-то вякнул!

– Я буду драться, – произнес Данил. – Только не со всеми сразу.

– Ого! – насмешливо воскликнул вожак. – Он будет драться! Только не со всеми сразу! Ха! Он думает, что с некоторыми он справится! Со мной, к примеру!

– Справлюсь, – тем же глухим невыразительным голосом произнес Данил. – С тобой справлюсь.

– Ишь ты! Ну давай! – Вожак проворно выхватил меч и завертел им в воздухе. – Давай! Покажи удаль!

– Я не хочу драться, – сказал Данил. – Отпусти нас.

– Ты будешь драться! – рявкнул вожак. – Никто тебя не дергал за язык, сам вызвался! Дерись – или я прирежу тебя, как барана!

– Ты сам этого хотел. – Данил единственный раз взглянул разбойнику в лицо. Успел ли тот осознать свою ошибку? Вряд ли.

Клинок светлорожденного пропел в воздухе и ударом «крыло дракона» снес разбойнику голову и правое плечо.

– Ты сам этого хотел, – повторил Данил, оглядел круг разбойников. – Ну, кто еще?

Ты? – безошибочно выбрав второго по значимости человека в ватаге. Но тот не принял боя. Зато трое из тех, что покрепче, переглянулись и обменялись еле заметными знаками. Данил тут же повернулся к ним спиной. – Так кто же?

Трое быстро (как им показалось) выхватили мечи и кинулись на светлорожденного. Спина Данила выглядела совсем безопасной. Только выглядела. Данил отпрыгнул в сторону – теперь все трое оказались на одной линии – и воткнул меч в бок ближайшего. Второй сунулся слева, получил локтем в лицо и свалился под ноги третьему. Третий споткнулся и сам лег на меч Данила. Теперь следовало только определить схватившихся за оружие. Таких оказалось не много. Большинство глазели, раззявив рты, как и подобает неуклюжим землепашцам. С быстротой смерча Данил пронесся вдоль строя – и еще пятеро повалились на траву. Теперь можно было остановиться и дать время остальным пошевелить мозгами. Хуридские землепашцы соображают медленно, поэтому первый пустился наутек несколько мгновений спустя. Но уже через полминуты на поляне не осталось никого, кто стоял на ногах. А еще через полминуты – ни одного живого разбойника. Недобитых прирезал Спот. Данил не препятствовал, но деньги, вытащенные проводником из их кошель, – отобрал.

– Не ты варил эту похлебку, – сказал светлорожденный. – Сбрось их в овраг и давай спать.

– А эти не вернуться?

– Нет.

Данил знал: землепашцы соображают медленно, но решают основательно. Бык не вернется туда, где ему порвали холку. Бык не кугурр.

IV

Четверо Алчущих глядели на труп пятого. Почерневший и сморщившийся, но не от огня, а так, будто иссох на солнце. Нечто, черный сгусток тьмы, наполовину вырванный из красной, как железная руда, скалы, пульсировал жадно и жарко.

– Твой черед, Огнеголовый, – пробормотал один из чародеев. – Давай!

Тот, кого назвали Огнеголовым, длинный тощий старик в желтом меховом плаще, поглядел на Нечто, проворчал себе под нос, затем щелкнул пальцами. Высушенная мумия неудачника покатила по земле, сорвалась с карниза и, ударяясь о скальные выступы, унеслась вниз, в затянутый туманом разлом.

Огнеголовый взмахнул руками, и серебряно мерцающий шатер Силы отделил его от остальных. Только после этого чародей рискнул и медленно, почти по складам, произнес Ключ.

Черный сгусток передернулся и пополз из скалы наружу.

Тотчас обороняющие купола засветились и над остальными Алчущими.

Сгусток полз с медлительностью северного слизня, но с каждым мгновением становился все огромней. Он уже превосходил размах крыльев дракона, когда сквозь черную клубящуюся тьму проглянула Истинная Суть. И она была живой !

Огнеголовый постиг это и дрогнул. Не от страха, от вожделения, но – дрогнул.

И пропал.

Клуб тьмы свился в исполинский хобот, хобот этот метнулся к чародею, вмиг всосал и обороняющий шатер, и самого чародея. Раз – и нету!

Нечто (или Некто) всплыло над узкой террасой проложенной тысячелетия назад дороги.

Сверху фигурки трех оставшихся чародеев казались крохотными паучками. Снизу же Оно представлялось огромным. Слово как взлетевший корабль.

Тонкие красные нити одновременно потянулись ввысь, от человечков – к парящему созданию Древних – и Тьма втянула жадные щупальца. Втянула и прынула ввысь с быстротой, неуловимой даже для чародейского глаза. Черное облачко на синем полотнище неба.

Трое Алчущих затаили дыхание. Вернется или нет? А если вернется, то – примет ли их? Или уничтожит?

Не верилось, что магия Махд-Шагош, наконец, покорится тем, кто веками искал ее. Не верилось, но очень хотелось верить...

– Ага, – удовлетворенно изрек Спот. – Вот и дорога.

Данил хмыкнул. Дорога – слишком громкое слово для тропы в три шага шириной.

Повинуясь коленям всадника, пард перемахнул через кусты, заскользил по грязи и недовольно рывкнул.

– Куда нам? – спросил Данил.

Спот махнул рукой. Пард его затрусил между колеями, оставленными колесами повозок. Судя по их глубине, дорогой пользовались не так уж редко.

– Отсюда до Засова миль шесть, – сказал Спот. – Если поторопимся, успеем до дождя.

– Сомневаюсь, – проворчал Данил.

И точно, гроза разразилась через каких-нибудь четверть часа. Дорога вмиг превратилась в грязевой поток, пришлось свернуть под защиту деревьев. Но яростные струи пробивали даже плотные кроны черных эуколов¹⁴. Парды вздрагивали и прижимали уши при каждом раскате грома. Пришлось спешиться и остановиться. Спустя полчаса ливень поутих, превратился в нудный моросящий дождь. Можно ехать дальше. Вода струилась по дорожным колеям. Сорванные листья кружились на ней, словно крохотные корабли. Грязь комьями липла к лапам пардов, и звери еле плелись. Сквозь серую морось видно было шагов на двадцать, не больше.

Внезапно лес кончился. Как отрезали. Слева и справа – каменные осыпи. Огромные глыбы, черные, мокрые, угловатые, громоздились в чудовищном беспорядке.

– Дорогу эту Мертвяцкой именуют, – крикнул Спот. – Потому как, брешут, воитель один, в прежние времена, захотел в горы подняться, да чтоб через Черные Зубья пройти, это вот – Черные Зубья, – махнул рукой в сторону осыпей, – так он велел десять тысяч пленников порешить и на камни бросить. Так по телам и прошел. Говорят, копнешь поглубже – сплошь кости человеческие. А повыше – земля хорошая. На ней и Засов стоит.

Пелена дождя не позволяла даже примерно оценить размеры каменного хаоса, но в непроходимости его можно было не сомневаться. Когда впереди поднялись крепостные стены, Данил вполне оценил точность имени города: Засов.

Спот энергично забарабанил рукоятью хлыста в деревянные ворота. Спустя несколько минут сверху раздался недовольный бас:

– Кого демоны принесли?

– Спот я! – закричал проводник. – Ты, что ли, Бор? Давай, открывай, бездельник! Собачье семя!

– Дерьма тебе давай! – отозвались сверху, но вскоре внутри залязгало и раздался тошнотворный скрип железа.

– Повезло, – сказал Спот светлорожденному. – Я этого уroda знаю. Считай, мы уже внутри. Дай полсеребряного, господин.

Данил выдал монету. Ворота разошлись. Ровно настолько, чтобы пропустить всадника.

По другую сторону их встретил одинокий солдат в широкополой кожаной шляпе вместо шлема.

– Эти – со мной, – сказал Спот, вручая монету, наклонился в седле, пошептал что-то стражнику.

Тот сдвинул шляпу на затылок, поглядел на Данила, затем махнул рукой:

– Добрых дел, брат!

¹⁴ Эукол – вечнозеленое долгоживущее дерево с черной древесиной и красной листвой. Эуколы и черные кедры – главные породы деревьев в лесах южной Хуриды.

– И тебе того же, – ответил светлорожденный.

– Один сторожишь? – спросил Спот, пока стражник открывал вторые ворота, поменьше первых.

– Дак ить дождь. Мы, вишь, кости кинули, мне и выпало здесь. А не то грелся б у огонька. Везун ты, Спот, каб не я стоял, мок бы тама, внизу. С наших-то никто нипочем не отпер бы. Мокнуть-то.

– Тебе тож повезло, – заметил Спот. – Вишь, на кувшинчик разжился.

– Это да! – Стражник хлопнул Спотова парда по крупу. – Давай, слышь, двигай, а не то в обрат выгоню! Гы-гы!

– Хуруг тебя задери! – Спот щелкнул стражника по шляпе и тронул парда. – Поехали, господин! – окликнул он Данила. – Я тут знаю местечко – примут нас как родных.

Данил догнал его, ухватил за плечо.

– Что ты сказал стражнику?

– Что? – Спот хихикнул. – Да сказал: ты Смерть-Бочку замочил. Смерть-Бочка – атаман известный, в большом весе был. Так что и тебе теперь почет. Ну, похвали меня!

– Похвалил бы, но мне лишнее внимание ни к чему.

– Лишнее? Ха! Кто ты был? Незнакомец. Чужак. Подозрительная морда, прости, господин, за грубость. А теперь? «Кто это?» – спросят. – «Тот, кто завалил Смерть-Бочку!» И все всем ясно! Ну, ловко?

– Ловко, – признал Данил.

– Да и на девушку никто теперь глаз не положит. У Смерть-Бочки почет был – на десятерых хватит. А выходит, ты – крепче вышел! Ну?

– Поехали, – сказал Данил. – Ты молодец.

Через полчаса они уже грелись у очага, вдыхая запах жарящейся баранины.

А в таверне напротив сидел одетый в простое брат Хар и слушал, как один из черноповязочников рассказывает другому о Смерть-Бочке и о том, что Кун, брательник Сопли-Наружу, слышал от стражника из наших, что Бор, караульный, пропустил в город парня, который того Смерть-Бочку положил. В середине рассказа к ним присоединились еще трое приятелей, тоже Смерть-Бочку знавших, и все вместе обсудили: может такое быть или вранье. Сошлись – может. Все мы смертны, кроме Величайшего. Даже Наисвятейший, шесть чирьев ему на задницу и еще один – на причинное место.

В иное время да в ином месте брат Хар показал бы им, как святое имя поносить. Но не сейчас. Бросив на стол медную монету, он двинул к выходу. Скорей порадовать Брата-Хранителя: дракон прилетел!

V

Дракон прилетел. Меднокрылый дракон с гор Хох. Давний друг. Тридцать лет не встречались, но дракон остался таким же. И Унгат тоже не изменился. Драконы и маги живут долго.

Унгат выбежал на крышу башни и с позабытым восторгом следил, как плавно снижается могучий летун. Изогнутые серпы когтей закрипели по шершавому камню, с гулким хлопком сложились паруса крыльев, и Унгат, обхватив отливающую закатом длинную морду, приник щекой к горячей драконьей коже.

Единственное существо, которое он любил.

«Если бы ты позвал (захотел увидеть) меня (раньше), я бы прилетел», – проникла в сознание мысль дракона.

Чародей не ответил.

Дракон осторожно освободил голову, проковылял к краю крыши, свесил между зубцами длинный хвост с окантованной черным лопастью на конце. Выпуклые глаза его затанула пленка. Дракон уснул.

«Полтысячи с лишним миль. Устал», – с нежностью подумал маг.

И пошел собирать вещи.

Через шесть часов они уже парили над Межземным морем. Дракон летел низко над водой. Развлекался. Огромная тень неслась по голубой ряби. В прозрачной воде Унгат видел косяки рыб. Вот стайка рассыпалась, когда длинное акулье тело метнулось из глубины. Дракон закричал, пал совсем низко, растопыренные когти вспенили воду, но акула успела, извернувшись, уйти вниз, а дракон взмыл вверх, несколько не огорчившись. Он был молод и любил поиграть. А будь голоден, охотник глубин уже корчился бы в когтях охотника небес.

Темное облачко показалось впереди. Земля. Черная Твердь. Спустя четверть часа берег приблизился, и Унгат узнал место.

«Возьми к югу, – попросил он. – Еще сотни полторы миль – и всё. Ты голоден?»

«Устал».

«Уже скоро. Поднимись повыше».

Дракон набрал высоту. Теперь земля лежала под его правым крылом. Слева – пенное море Зур, а еще дальше – берег Конга. Туда Унгату путь заказан. Пока.

– Я нашел тебе проводника! – прямо с порога сообщил Спот.

Данил чистил кольчугу. Эта работа требовала времени и тщания. В отличие от большинства благородных Империи Данил всегда проделывал ее сам. Поскольку одно из правил Мангхэл-сёрк гласило: мастер любит орудия своего мастерства. Доверить уход за оружием слугам – все равно что позволить им кормить боевого парда.

Светлорожденный не стал учить бесцеремонно ввалившегося в комнату хуридита хорошим манерам. В конце концов, это дом спотовой подружки, а Данил не потрудился запереть дверь.

Светлорожденный поднял кольчугу на вытянутых руках, встряхнул, убедился, что она смазана как подобает и сырость Хуриды не попортит металл даже там, где вражеское оружие содрало защитное покрытие.

– И лучше бы тебе поторопиться, господин! – Спот сбросил мокрый плащ на распялки у камина. – В Запоре неладно.

– А что случилось? – спросил Данил, отложив доспех, чтобы завязать шнурки подкольчужника.

– Заварушка! – Хуридит вытер о занавеску мокрые руки. – Три десятка монахов, переодетых монахов, – заметь! – он поднял палец, – разгромили «Теплое местечко».

– Что такое «Теплое местечко»? – Данил зашнуровал куртку, натянул кольчугу, разгладил ее, встряхнул плечами.

– Харчевня, – пояснил Спот. – Мы там ужинали вчера. Монахи искали тебя, господин. И среди них – тот самый Дорманож из Ригана. Ну здоров он драться, я скажу! Шестерых ребят Кривого Ножа на раз положил! – В голосе проводника сквозило восхищение. – Нож рвет и мечет. Грозится сделать из монахов фарш для своих пардов. Здесь, мол, им не Воркар!

– Сделает? – заинтересовался Данил. – Или болтовня?

– Треп, – Спот махнул рукой. – Думал бы мстить – не болтал бы. Кишка у него тонка против монахов. Это ему не здешние святоши, мешки с жиром. Собирайся, господин. Садись в седло и прощай Засов!

– Ты уверен, что это был именно Дорманож?

– Сам не видал, – признал Спот. – Но описали: точь-в-точь он. Такого не спутаешь. Так что забирай девушку, господин, и трогай. В горах за тобой не угонятся. Пусть-ка поищут провожатого после вчерашнего! У всех наших на них зуб!

– А не хотят ли твои друзья попробовать, крепки ли у монахов шеи! – Глаза Данила блеснули.

– Не-е, господин, не выйдет. – Хуридит покачал головой. – Это ты – вольный зверь, а нам здесь жить.

Но Данилу очень не хотелось отказываться от подарка Судьбы. Монах, на котором

кровь Руджа!

– Пошли, господин! – торопил Спот.

– Постой.– Мысли светлорожденного потекли по новому руслу.– Скажи, где остановились монахи?

– Ясно где. В здешнем обителище.

– И крепкое место?

– И не думай, господин! – Спот закатил глаза.– Только измором взять!

Но светлорожденный уже принял решение:

– Я должен взглянуть. А лучше... Устрой мне встречу с Кривым Ножом!

– Лучше бы тебе уехать, господин. В таком крохотном городишке тебя живо выследят. Да и схватят. А Сожри-Всё с меня кожу живьем сдерет! – добавил проводник с некоторым опасением.

– Ну схватить-то меня не просто,– усмехнулся Данил.

Но тут же помрачнел, вспомнив о Ниминоа.

– И дня не пройдет! – уловив перемену в настроении светлорожденного, с горячностью воскликнул Спот.– Выследят! Или продаст кто!

– Нет,– отрезал Данил.– Приведи ко мне Кривого Ножа.

– Лучше я тебя к нему отведу,– мрачно сказал проводник. Он-то надеялся наконец избавиться от северного демона! – Нож – человек гордый. Не беспокойся, я тебя осторожно проведу. Погода такая, вишь, крыса из норы не выглядывает.

– Так пойдем,– Данил накинул плащ.– Не теряй времени.

Однако, как ни торопился светлорожденный, а решил сначала заглянуть к Ниминоа.

Стукнув дважды в дверь, сказал: «Это я, Данил» – и вошел.

Девушка сидела на краю постели с иглой в руке. Подшивала платье, недавно бывшее ей в пору. У Данила сердце защемило от этого зрелища.

– Доброе утро, господин,– проговорила Ниминоа.

– Доброе. Зови меня Данил. Пожалуйста.

Ниминоа кивнула и опустила глаза. Данил, хоть и собирался всего только сообщить, что уходит, опустился на стул.

– Риганские монахи в городе,– сказал он.– И Дорманож. Попробую вернуть долг. Ты только не бойся – я им не по зубам!

– Я не боюсь,– спокойно ответила девушка.

– Со мной сотня монахов не совладает,– сказал светлорожденный.

Прозвучало хвастливо, и он решил пояснить:

– Все сто не подойдут, места не хватит, а кто подойдет – тех уже можно не считать.

Тоже походило на хвастовство, и Данил смущенно умолк.

– Ты удивительный воин,– мягко произнесла Ниминоа.– Мне спокойно, раз ты оберегаешь меня... Данил.

Светлорожденный ощутил ком в горле. Он быстро встал, коснулся мимоходом волос Ниминоа, велел: «Запрись!» – и покинул комнату.

Спот провел его крысиными лазейками через полгорода – к нужной двери, постучал хитрым стуком. Дверь незамедлительно открылась, и пара дюжих парней встала на пороге.

– Спот,– сказал проводник.

– Видим, не слепые,– отозвался один из черноповязочников.– Этот – кто?

– Человек,– с нажимом ответил Спот.– В почете, так что помалкивай. Нож тут?

– А где ж ему быть! Сидит, ногти грызет да грозится монахам яйца пооборвать! Как бы не заболел!

Второй крепыш фыркнул.

– Веди к нему,– распорядился Спот.– Брат наш,– кивок в сторону Данила,– ему навряд ли лекарства будет.

Вошли в просторную жарко натопленную комнату. Данил по привычке сбросил

мокрым плащом на руки одного из головорезов. Тот принял, некоторое время раздумывал, решил: должно, гость действительно в большой силе – и повесил плащ у очага.

Кривой Нож, длинный, как жердь, с острым подбородком и свернутым набок носом, на Данила посмотрел с интересом.

– Тот? – спросил Спот.

Проводник кивнул.

– Демон, – одобчительно сказал атаман.

Он знал Смерть-Бочку.

Спот присел на корточки у очага, протянул руки к огню.

– Сырость, – проворчал он. – Как твой должок, Нож?

– А тебе что? – насторожился атаман.

– Мне ничего! – Спот засмеялся, и Данил понял: его проводник – не последний в этой комнате, и к слову его прислушиваются.

– Мне-то ничего, – продолжал Спот. – Но есть человек, он не прочь у тебя подзанять вложенного. Вдвоем веселей взыскивать, а?

– Змеиный твой язык, Спот! – сердито сказал Кривой Нож. – Говори толком!

– Мне нужна кровь Дорманож! – вмешался Данил.

– Дорманож? Ну, ну... – Главарь черноповязочников одарил Данила кривой ухмылкой. – А я при чем?

– Да ладно тебе шерсть пудрить, Нож! – Спот поднялся, налил себе горячего из кувшина. – Тебе хвост прищипали, не лысой бабушке! Сведи его с Дорманожом без лишних – и все дела!

– Угу. Поцелуй хуруга в пасть! И все дела!

Левый глаз атамана заметно косил.

– Ты, Демон, думаешь – положишь Дорманож? – будто вскользь спросил главарь черноповязочников.

Данил не сразу понял, что Демон – это он сам. Спот усмехнулся. Прозвище Нож повесил – самое то.

– Ты их сведи, – посоветовал проводник. – Сам увидишь, как Демон пропихнет монаха через щелку в Нижний мир.

– А если наоборот? – с ехидством осведомился атаман. – Если монах попроворней окажется... Ы-ы-ы! – Кончик Данилова меча уперся Кривому Ножу в кадык. Никто из черноповязочников даже мигнуть не успел.

– Наоборот – вряд ли, – сказал Данил и отправил меч обратно в ножны.

Кривой Нож задумчиво тер горло, Спот ухмылялся, остальные одобчительно цокали языками.

– Вижу, за слова ты отвечаешь, – изрек наконец главарь черноповязочников.

– Тогда так, – Данил уселся на табурет напротив, упер ладони в колени. – Пустишь слух, что я – в определенном месте. Место выберешь сам. Монах придет, он ведь за мной приехал. Тогда ты со своими отрезаешь свору от жоака – двух-трех можешь оставить, управлюсь, – и выбиваешь пыль из их плащей. А я займусь Дорманожом. Так?

– Не так, – атаман покачал головой. – Мои ребята против монахов не стоят. Тебе нужен Дорманож – вот и бери его. Нас не впутывай.

– Струсил? – резко спросил Данил.

Но Спот тут же возник за его спиной.

– Не нужно горячиться, – проговорил он. – Кривой Нож – почетный человек. Такой же, как ты, Демон. Разве он может быть трусом? Дай ему договорить.

Главарь хрюкнул. Хитрюга Спот выставил его так, что и не вывернуться.

– Ты очень простой, Демон, – произнес атаман. – И очень быстрый. Так человека и обидеть можно... – Он выдержал паузу. – Монах тебе нужен? Я тебе его дам. По стенам лазать умеешь?

– Умею.

– Вот и хорошо. Я проведу тебя внутрь обиталища. Сам! – Оглядел всех: ну, кто теперь обвинит его в трусости? – Покажу окна Дорманожа.

– Ты что, уже вызнал, где его нора? – удивился Спот.

– А то! Другое дело, если я туда вскарабкаюсь, а я вскарабкаюсь, слава богам, в горах рожден, все равно мне монаха не свалить. И втроем не свалить, я его в заварушке видал. А ты, – узловатый палец уперся в кольчугу Данила, – ты завалишь!

– А стража внизу? – вмешался Спот. – Стража как?

– Стража – это стража, а воинствующие монахи – это воинствующие монахи! – назидательно изрек Кривой Нож.

– Ну ясно, баба не девка, а девка не баба, и что дальше?

– А дальше то, что стражу мы запростяк в ножи возьмем! Эй, кто там, налейте мне и Демону горячего! Как, Демон, годится?

– Да, – кивнул Данил. – Только учти: я тороплюсь.

– Этой ночью и устроим, брат! – Кривой Нож поднял чашку. – Сядь, Спот, не маячь. Ну давай, за потрошеного монаха!

И выпили оба: косоглазый вор-хуридит и светлорожденный Данил, сын светлейшего Волода Руса, третьего по значению человека в Высшем Совете Империи.

Причудливы извивы Судьбы.

VI

Ниминоа Данил казался богом. Или сыном бога. Из легенд, что рассказывала мама. Великим Освободителем, стершим в пыль кровожадных соххоггоев. Да, именно таким, высоким, сильным, с красивыми руками и лицом, будто вырезанным из солнечного фарангского мрамора. Эти серые глаза, переливчатые, как покрытая изморозью сталь, лишали сил, когда вспыхивали гневом. И согревали, словно весеннее солнце, когда обращались к ней, Ниминоа. И Данил казался девушке недостижимым, как само солнце. Она еще помнила тот, первый, день когда северный воин появился у них в доме. Тогда он еще не казался недоступным. Ними помнила, как ей очень захотелось потрогать его светлые усы, спускавшиеся ниже подбородка. Глупое желание, детское, подумала она. А потом отец объяснил ей, что значит «светлорожденный». Светлорожденный Данил Рус, который после смерти отца наследует титул «светлейший». Человек, который мог запросто разговаривать с Владыкой Империи. А ведь отец говорил: Наисвятейший Хуриды в сравнении с Императором – всего лишь крыса у лап боевого парда. Нет, дело не в титулах. Ниминоа помнит взгляд, брошенный на нее, когда она волшебством погасила горящий ковер. Взгляд, пронзивший насквозь. «Прозревающий суть». Так, по словам мамы, называли в Конге самых сильных магов. Данил – не маг. Он – больше. И больше, чем просто мужчина. Когда светлорожденный смотрел на Ниминоа, ей хотелось выпрямиться и сделать нечто достойное. Взгляд, требовавший от нее быть чем-то большим, чем она есть. Взгляд человека, которого никто никогда не сможет принудить силой. Десять, сто, тысяча воинов... Это потрясающее чувство: знать, что рядом человек, способный защитить от любой опасности. Он спас бы и Руджа, если б тот черноповязочник не подвел...

Вот Рудж был другим. Своим. Теплым, близким, нежным. Его голос превращал Ниминоа в растянувшуюся у огня кошку. Рудж был – ее...

Отец, Рудж... Они приходят каждую ночь. А днем... Она так и не поблагодарила Данила за собственную жизнь. Пусть даже эта жизнь и не нужна ей. Или – нужна? Сейчас, когда краски Мира понемногу возвращаются к ней. Данил спас ее, и она – в долгу. А долг – это свято. Так говорил отец. Долг – это выше Величайшего. Но ей, Ними, никогда не вернуть этого долга. Она может только следовать за Данилом, выполнять его волю и безропотно уйти, когда он прикажет. Руджу она могла стать женой, Данилу – только прислужницей. Той, что приносит воду для мытья и согревает постель в холодные ночи. Ними вспомнила Данила там, у озера. Мускулы, перекачивающиеся под бронзовой кожей. И сразу же – как пахла

кожа на руках Руджа, такая же гладкая и бронзовая...

Ниминоа напряглась. Холодные губы Калы-Смерти прикоснулись к ее груди и выпили сок жизни. Руки задрожали так сильно, что пришлось отложить шитье. Согнувшись, прижав ладони к животу, а колени к груди, Ниминоа ждала, пока отпустит боль сердца. Они встретятся там, к Нижнем мире.

«Будь милостива, Кала...» – чуть слышно прошептала девушка.

И стало легче. Мамины боги, они рядом. Не то что Величайший. Они помогут, если просишь всем существом.

Огонь в очаге угас. Ниминоа знала – это она выпила его тепло. Все ушли. Данил, Спот, хозяйка этого дома. Ними вздохнула, взяла зеркальце. Глаза покраснели, потому что она плакала. Еще два дня назад ей было бы все равно. А сейчас?

Дверь приоткрылась. В щелку проскользнула черная кошка-крысолов. Круглые глаза вопросительно взглянули на девушку: не выгонишь? Кошка бесшумно вспрыгнула на стол, понюхала миску с едой – ужином, к которому Ниминоа даже не притронулась, лизнула остывшую кашу. Не понравилось. Спрыгнула, задрав короткий хвост, важно прошествовала к Ниминоа, потерлась о ногу. Девушка подняла ее на колени, погладила между подрезанными ушами. Кошка была очень теплая и очень твердая. Сплошные мускулы. В Кариомере у них тоже был крысолов. Такой же мускулистый и важный. Ними почесала кошачью шейку, та заурчала... вдруг насторожилась. Спрыгнула на пол. За дверью раздались шаги, затем голос Данила:

– Ниминоа!

– Я здесь, – ответила девушка. И чуть помедлив: – Входи.

– Что ж ты в темноте сидишь? – спросил Данил ласково. – И очаг погас.

Он наклонился, чтобы раздуть угли.

– Не нужно, пожалуйста, – попросила Ниминоа.

– Ты ела?

– Принесла... хозяйка, – уклончиво ответила девушка. – Спасибо.

– Ты отдохнула?

– Да.

– Вот, возьми, – Данил протянул Ниминоа кожаный кошель. Внутри лежал фамильный перстень Русов и два письма: одно – Ниминоа, второе – отцу. Если, да не допустят этого боги, с ним что-то случится, Ниминоа все равно доставят в Конг. Там его письмо и фамильный перстень обеспечат девушке защиту и покровительство. А в Конг ее доставят. Спот и новый проводник, Камнепас, поклялись кровью. Впрочем, это всего лишь предосторожность.

Данил вышел. Ниминоа смотрела на закрывшуюся дверь и не замечала, что улыбается. Кошка, отошедшая подальше от мужчины, теперь вернулась, вспрыгнула на колени. Ее тепло напомнило Ними о погасшем очаге. Она хотела встать, но жаль было тревожить разомлевшего зверька. Тогда Ниминоа повернулась к очагу и, все еще улыбаясь, послала ему изнутри неосязаемый вздох. От этого волшебного дыхания несколько еле тлевших угольков перекатились к непрогоревшим дровам. Огонек вспыхнул. Обвился вокруг нижних полешек, щелкнул заливхvatски и вдруг разом поднялся к черному небу очага. Комната осветилась, кошка открыла глаза.

– Спи, глупая, – прошептала Ниминоа, погладив голову крысоловы. – Спи.

Обиталище Братства в Засове никто не назвал бы крепостью. Деревянный забор, подпертый снизу валунами, железные ворота, двор, а во дворе – квадратный дом из серого камня. Во двор прошли, будто на рыночную площадь. Кривой Нож отвел в сторону пару досок – вот и ворота. Спот остался снаружи. А Данил, Нож и еще двое парней пролезли внутрь. Тут трое черноповязочников разошлись в стороны, оставив Данила в одиночестве. От трехэтажного уродливого строения светлорожденного отделяли шагов тридцать раскисшей земли. Данил прислушался – и тут же уловил знакомый булькающий хрип:

черноповязочники убрали часовых. Минут через пять рядом появился Кривой Нож, завертел головой, отыскивая Данила. Светлорожденный выступил из тени.

– Управились,– сообщил атаман.– Гляди, три окна на самом верху, у правого угла. Он там. Уж не знаю, в какой из комнат, но там.

– Что еще?

– Монахи его и солдаты – кто там же, кто на втором. Двери стерегут крепко. Сами и стерегут, не здешние оболтусы. Без шума не войти. А если в окно – тут на удачу. Как кости выпадут. Я – внизу. Рискнешь?

– Пошли.

Пригибаясь, они пересекли открытое пространство и притаились у стен.

– Все тихо,– прошептал Нож.

– Где твои?

– На пригляде. Давай, становись на плечи.

– Обойдусь.

Данил сдвинул меч, чтоб не цеплялся за стену, ощупал камни. Стена старая, в трещинах и выбоинах. Лестница, а не стена. Через несколько секунд он уже заглядывал в одно из тех самых окон. Сквозь мутноватую пленку можно было разглядеть просторную комнату, масляный светильник на стене, камин, пару кроватей, прикрытых шерстяными пологам. На кроватях спали. Монахи, судя по сложенной одежде. Еще один воин спал на полу, завернувшись в одеяло. Сапоги его стояли рядом, еще ближе – вынутый из ножен меч. Данилу это совсем не понравилось. Он передвинулся вдоль стены. С края крыши на голову упала капля – пок! – звук, показавшийся оглушительным.

Следующее окно. Комната поменьше. Светильник чуть тлеет. Одна кровать... и – проклятье! – пес!

Третье окно, последнее. Светильник, стол. Шестеро. Трое спят на полу, трое играют в кости. Чем дальше, тем веселее. Дорманожа среди игравших не было.

Данил встал на карниз над окном второго этажа, дал рукам отдохнуть. Можно проникнуть в дом и как-нибудь иначе. Но в коридорах наверняка часовые. Входящий через окно имеет преимущество перед входящим через дверь. Преимущество неожиданности. Но псу все равно, а начать придется со второй комнаты. Чем можно удивить или отвлечь пса? Данил знал кое-какие уловки, и одна вполне подходила. Если только пес охотничий, а не боевой. Светлорожденный приник к пленке, но ничего, кроме размытых силуэтов, не разглядел. И все-таки пленка – это хорошо. Свет – не запах. Даже из-за двери пес учуял бы... Данил повис на одной руке, во второй – стилет.

– Доброй охоты,– шепнул он сам себе.

Быстрым ударом пробил оконную пленку, не выпуская оружие, двумя пальцами зацепился за подоконник, нырнул вперед, упал на пол, на четвереньки, и испустил протяжное шипение, каким самка черного леопарда предупреждает: не подходи!

Пес, уже вскочивший на ноги, оскалившийся... опешил. Данилу повезло: не боец, охотник! Но медлил зверь лишь мгновение, а затем прыгнул на врага. Но – главное – не залаял! Человек и зверь сшиблись, однако исход был предрешен. Когти безвредно скребнули по железу, а трехгранный клинок, пробивающий кольчугу, вошел под лопатку пса. Этот зверь был покрупней, чем дикие собаки северного Хольда, но сердце у него было там же, где и у них. Пес содрогнулся и обмяк. Почти никакого шума. Но человек на кровати проснулся и теперь смотрел на незваного гостя.

Данил в одно мгновение оказался на краю постели и прижал окровавленный клинок к горлу лежавшего. Светлорожденному повезло: это был тот, кого он искал.

Дорманож проснулся и понял: в комнате чужой. Сначала он подумал: явился проклятый чародей. Тем более, пес не издал ни звука. Но мгновением позже Брат-Хранитель понял, что ошибся. Крикнуть он не успел. Клинок приник к его горлу, и теплая влага потекла по коже. Дорманож подумал, что это его кровь, и удивился отсутствию боли.

– Это ты, имперец? – прошептал он.
Ответа не последовало, но он и не требовался.
– Ты меня убьешь?
– Верно, – отозвался Данил. – Ты задолжал мне кровь.
Дорманож мог бы закричать, но понимал – умрет тут же. А враг его ускользнет, как ускользал и раньше.
– Ты же не убьешь меня просто так? – прошептал Брат-Хранитель. – Ты же воин, а не палач. Это станет пятном на твоей чести.
Дорманож кое-что слышал об имперской знати и очень надеялся, что гонор окажется сильнее разума.
– Давай сразимся, как подобает воинам. Меч против меча. Как тебе и пристало. Разве я не прав?
– Да, – сказал Данил. – Конечно, ты прав. – Клинок оторвался от горла Дорманожа и сквозь одеяло уколол монаха в грудь. – Конечно, ты прав, – повторил светлорожденный. – Но разве ты дал меч моему другу?
И слегка нажал на рукоять. Стilet вошел в плоть, как в разогретый воск. Дорманож содрогнулся – и затих. В точности как пес. Но пса жаль, а монаха нет. Данил прислушался. Нет, он никого не потревожил. Стilet он оставил в груди Брата-Хранителя. Добрый клинок с клеймом глорианского мастера. Пусть монахи не гадают, кто отправил их собрата в Нижний мир.
Данил спрыгнул на землю в шаге от Кривого Ножа. Тот отпрянул, выставив кинжал, узнал светлорожденного и перевел дух.
– Не вышло? – сиплым шепотом спросил атаман.
Вместо ответа Данил кивком головы показал: уходим. Атаман засвистел, подражая ушастой ящерице. Тут же появились остальные. Спустя пять минут они были уже в полумиле от обиталища.
– Стой, – скомандовал Данил. – Дай руку! – И вложил в ладонь Кривого Ножа золотой перстень.
– Ты мне ничего не должен! – Атаман даже обиделся, но тут нащупал на печатке выпуклый пятиконечный крест и полоску меча внизу. Перстень Брата-Хранителя.
– Так ты его убил! – воскликнул он.
– Нет, он проиграл мне его в кости! – рассмеялся Данил. – Спот, что-то я озяб. Где тут можно выпить горячего вина?
– Лучше бы тебе не терять времени, – возразил Спот. – Как только узнают, Дорманожева свора пеной изойдет от ярости. Перекроют ворота – и концы.
– Как только узнают, – сказал Данил. – Но никак не раньше. Меня не видел никто, кроме Дорманожа. А я ни разу не слышал, чтоб труп поднял шум.

VII

Горы стояли над ними, величественные и тихие. Восходящее по левую руку солнце красило охрой края облаков, и длинные тени резали тропу поперек, упираясь в осыпь западного склона. Отдохнувшие парды рысили по забирающей вверх тропе. Впереди, на коротконогом коренастом звере – Камнепас, проводник, такой же приземистый и коренастый, как его пард, с пегой, веером, бородой. Данилу он нравился. Особенно тем, что с почтением отнесся к Ниминоа. Такое отношение – редкость в Хуриде, где женщину ставят чуть повыше кошки. С почтением и без страха. Сам проверил упряжь ее парда, подогнал поясной ремень.

– Горы, Демон, – сказал он Данилу. – Всякое случается.
Данила он не боялся, что тоже понравилось светлорожденному.
– Знаю, – кивнул он. – Бывал.
– И где же?

– Анты, горы Забвения, Вагаровы...

– Ну, тогда хорошо, – кивнул Камнепас.

Выехали еще затемно, миновали ворота, прикрыв серебром глаза стражников, а к восходу уже поднялись локтей на тысячу выше Засова. Сверху городок напоминал высунутый язык парда. Когда рассеялся туман, можно было разглядеть даже обиталище: черная блестящая крыша посреди коричневого прямоугольного подворья. Особого оживления Данил там не заметил. Значит, труп Дорманожа еще не обнаружили.

Впереди показалась гладкая, будто ножом отрезали, стена. Черный, с бурыми пятнами камень. Выше тропы не было.

Обеспокоенный Данил нагнал проводника.

– Ты же говорил – верхами пройдем!

– Говорил, – спокойно отозвался Камнепас. – И сейчас говорю.

– По этому? – Данил махнул в сторону подсвеченного солнцем монолита.

Проводник усмехнулся.

– По этому, Демон, по этому. Все увидишь, не торопись. Далеко еще.

Это Данил понимал. Гладкая стена казалась совсем близкой, но в горах расстояния обманчивы. Может, она не такая и гладкая, как кажется отсюда.

Спустя час въехали в небольшую долину с дождевым озерцом посередине.

Камнепас остановил парда и спешился.

– Поедим, – лаконично сообщил он. Его пард тут же принялся ощипывать темно-фиолетовые ягоды с ближайшего куста.

Разожгли костер, поели. Камнепас собрал полшапки ягод, бросил в кипяток, добавил меду, получилось вкусно. Данил и Ними выпили по несколько чашек, остаток проводник разлил по флягам, затем принялся собирать и увязывать сучья.

«Разумно», – подумал Данил. Наверху топлива может и не найтись.

Тронулись. Выехали из долинки. Стена оказалась почти рядом. Подножие густо заросло ползуном. Интересная стена – будто кто-то отсек часть горы взмахом гигантского меча. Погода испортилась. С востока, наваливаясь на угловатые пики черными тушами, ползли тучи. Данилу это не нравилось. Ливень в горах может обернуться бедой. Однако проводника близость грозы не смутила. Он все так же весело насвистывал, покачиваясь в высоком седле.

Теперь они ехали вдоль обрыва. Данил заметил: Камнепас чересчур внимательно разглядывает переплетения плюща. Светлорожденный начал кое о чем догадываться. Вдали прогрехотал гром. Гроза приближалась.

– Стой, – скомандовал проводник.

Распаковав один из выюков, извлек пару светильников, привязал их к шестам. Догадка Данила превратилась в уверенность. Ни слова не говоря, Камнепас вручил ему один из светильников, вскочил в седло, ухватился за ветку ползуна, заставил парда попятиться. Живой занавес отодвинулся, и Данил увидел то, что ожидал: вход в пещеру.

– Проезжай! – нетерпеливо крикнул проводник. – Тяжело держать-то!

Пард Ниминоа фыркнул и попятился. Не хотел под землю. Данил хлестнул его по крупу, послал вперед собственного зверя, и тот грудью подпихнул упряма. Камнепас проскользнул следом, живой полог упал. Рассеянный свет струился сквозь переплетения стеблей. Камнепас высек искру, зажег оба светильника. Ниминоа показалось: стало темнее. Словно ночь наступила.

– Тронулись, – сказал проводник.

Широкий коридор плавно опускался в нутро горы. Иногда он раздваивался, иногда в стенах обнаруживались черные отверстия, открытые или затянутые паутиной. Толщина ее не очень понравилась Данилу. И само ее присутствие – тоже. Большие пауки вряд ли довольствуются слизнями и крысами. А пища пауков, в свою очередь, может посчитать пищей самих всадников. Да и сами пауки могут не ограничивать рацион только теми, кто угодил в сеть. Впрочем, каких только тварей не встречал Данил на западной границе

Империи. И ничего. Выжил.

Сухой и теплый воздух напомнил ему воздух других подземных путей. В Вагаровых горах. В городах Малого Народа светлорожденный не бывал. Людей, которым вагары позволяли войти в сердце своих гор, можно пересчитать по пальцам одной руки. Но в рукотворных пещерах Данил провел достаточно времени. Вместе с Нилом Биоркитом. Тишина, темнота и неизвестность. Сама основа Мангхэл-сёрк. Только под землей по-настоящему ощущаешь дыхание Потрясателя Тверди. Только под землей исчезает Время. Может, поэтому вагары живут дольше обычных людей?

Данил вынырнул из воспоминаний, окинул взглядом Ниминоа и тут же понял, что ей далеко не так хорошо, как ему. Что ж, естественно для человека, впервые оказавшегося под землей. Если земле позволить, она выпьет тебя без остатка. Но если ее познать, она одарит тебя собственной силой.

– Одинокий голос вьюги,
Тающий вдали.
Втайне друг навстречу другу
Мы с тобою шли.
Осторожно, неизбежно
Умеряя шаг,
Шли на голос пляски снежной,
Рот рукой зажав.

Ниминоа оглянулась, улыбнулась в ответ на его улыбку. Она никогда раньше не слышала, как поет Данил. Он сумел подбодрить ее.

– А из тьмы за нами следом,
Сквозь сугробный наст —
Нами вскормленные беды,
Алчущие нас.
Но мела поземкой вьюга
Все сильнее, сильнее,
Воздух скручивая туго,
Взмучивая снег,
Вихревым слепящим кругом
Свертывалась мгла.
Это друг навстречу другу
Злая северная вьюга
Нас с тобой вела.

Ниминоа никогда не видела вьюги, да и снег — лишь однажды. Но песня тронула ее.

Камнепас придержал парда.

– Больше не пой, Демон,— сказал он.— Не стоит дразнить их.

Светлорожденный не стал уточнять, кого имел в виду Камнепас. Не хотел тревожить Ниминоа. Но когда впереди показался очередной отвод, поторопил парда и оказался между девушкой и черным зевом. На всякий случай.

Светлорожденный Данил Рус редко промахивался. Но иногда такое случалось. Если бы он не оставил клинок в груди Дорманожа, монах умер бы задолго до рассвета. Истек кровью. Но стилет, пробивший сердце пса, миновал сердце хозяина. Никто не рискнул тревожить грозного Брата-Хранителя, пока не обнаружили убитых часовых. Вот тут уж один из монахов-риганцев не выдержал — постучал в дверь командира. Ответа не было. Монах

постучал еще раз, сильнее. Ничего. Послали за братом Харом, а тот, не медля, самолично вышиб дверь. И обнаружил Брата-Хранителя со стилетом в груди.

«Мужество состоит в том, чтобы, перешагнув через страх и отчаяние, свершить все, на что способен». Это говорил сам Дорманож, и Хар не забыл наставления. Потому отбросил страх и отчаяние, склонился к лицу Брата-Хранителя и сумел уловить слабое дыхание. Дорманож был еще жив.

– Не трогать! – рывкнул он на монаха, потянувшегося к золоченой рукояти кинжала. – Кто-нибудь, живо за лекарем! – А сам присел около постели, снял у себя с груди кисет и развязал его. В кисете, завернутая сначала в кожу, а потом в тончайшую бумагу, хранилась крупинка урнгурской смолы. Крохотная, чуть больше ячменного зернышка. Конечно, этого мало, но больше у Хара не было. Эту крупинку брат Хар и передал явившемуся лекарю, когда тот, едва взглянув на раненого, покачал головой: не жалец.

Лекарь с сомнением поджал губы, но кивнул: попробую. Затем осторожно вытянул клинок из груди Дорманожа, взмахнул рукой, остановив кровь. То были единственные чары, какими лекарь владел. И у него было особое разрешение Братства на их применение. Промокнув рану, лекарь еще раз поджал губы: эти трехгранные клинки оставляют маленькие, но скверные дыры. За сим целитель велел приподнять раненого, убедился, что стилет не прошел насквозь. И только после этого, раздвинув пальцами края раны, лекарь уронил внутрь крохотный комочек смолы.

Красный дракон взмыл вверх, а его всадник побежал вниз по горной тропе. Бежать легче, чем идти, если не боишься оступиться. Унгат не боялся.

Спустя час он уже стоял у ворот Засова.

В ответ на стук между зубцов свесилась голова стражника.

– Кто таков? – гаркнул он.

Унгат продемонстрировал золотую монету. Ответ более чем удовлетворительный. Спустя полчаса он уже колотил молотком в другие ворота, вход в подворье Святого Братства.

И здесь золото оказалось наилучшим ключом. А вот чтобы попасть внутрь здания, золота оказалось недостаточно, пришлось прибегнуть к заклинанию невидимости.

Тело Дорманожа лежало в постели, терзаемое горячкой, а душа его болталась между Мирами, выжидая, пока крохотная частичка урнгурской смолы окончательно истает в огне болезни. Смерд близкой смерти уже висел в воздухе.

Унгат вернул душу в тело, чуть пошевелив пальцами. Волна боли захлестнула Дорманожа, но он нашел в себе силы открыть глаза.

– Ты пришел убить меня? – прошептал он.

Унгат с силой пнул жестяной таз с нечистотами у ложа больного. И ушел под покров невидимости.

Для глаз Дорманожа чародей исчез. Зато дверь распахнулась, и в комнату заглянул приставленный к Дорманожу монах. Увидев, что умирающий очнулся, он крикнул в коридор.

– Эй, кто там! Позовите брата Хара!

– Ну как ты, брат? – воскликнул Хар, упав на колени рядом с постелью. – Мы уж и не верили...

– В моем сундуке... – прохрипел Дорманож. – Желтая шкатулка. Смола.

Хар бросился в сундук, откинул крышку, живо отыскал шкатулку. Сломал кинжалом замок. О Величайший! Этого хватит на дюжину раненых.

– Лекаря сюда! – закричал он.

Спустя несколько минут лекарь открыл рану Брата-Хранителя и, морща нос от дурного запаха, пропихнул внутрь тонкую черную колбаску. Скверная рана, гнилая. Но урнгурская смола сильнее любой гнили.

Лекарь тщательно натер руки мыльным камнем и ополоснул водой.

– Ну? – спросил Хар, встревоженный тем, что Брат-Хранитель снова впал в

беспамятство.

– Теперь выживет,– уверенно ответил лекарь.

– Молодец.

Лекарь пожал плечами. Его заслуга в спасении монаха невелика. Со смолой любой может стать целителем.

Хар закрыл шкатулку. Там оставалось довольно волшебной смолы. Но кусочек размером в палец покоился теперь и у него в кошельке.

«Вот так Величайший вознаграждает за щедрость»,– подумал он.

Унгат поднялся на чердак, затем на крышу и послал зов дракону.

Его не волновало, что подумают хуридиты, увидевшие, как дракон садится на крышу обиталища.

Дорманож очнулся на третий день. Боль еще осталась, хотя жар спал. И первой его осознанной мыслью было: «Зачем он меня спас?»

VIII

– За нами присматривают,– негромко сказал Данил, поравнявшись с Камнепасом.– Кто?

Проводник прислушался. Но ему не под силу было вычленить посторонний звук из шума, создаваемого тремя бегущими пардами.

– Думаю, это земляхи,– сказал он.– Они всегда болтаются поблизости, когда мы идем по Горлу Горы. Не слышал, чтоб они нападали на людей. Правда,– тут же добавил он,– в караванах всегда не меньше дюжины людей. И еще псы. Земляхи боятся собак.

Светлорожденный оглянулся, но, конечно, ничего не увидел.

– Перестраиваемся,– приказал он.

Теперь они ехали рядом: Ниминоа в центре, Камнепас справа, Данил слева. К счастью, коридор был достаточно широк. Стены его испещряли дыры.словно хороший сыр. Данил подумал, что помимо главного коридора могут быть и другие, идущие параллельно. Оставалось гадать, кто и зачем пробил их в толще горы.

– Опиши мне земляхов,– сказал он.

– Я-то их не видал,– отозвался Камнепас.– Но говорят, они маленькие, локтя два росточком, хитрые, как крысы, и противные. И человечину жрут.

– Магхары?

Камнепас удивленно воззрился на него:

– Магхары – это кто?

Теперь в свою очередь удивился Данил. И вдруг сообразил: ответить на вопрос он не в состоянии. Описать магхара? Да один магхар похож на другого не больше, чем червь на парда. А есть совсем неотличимые от людей. Великие боги, магхар он и есть магхар!

– Нелюдь,– буркнул он.– И нежить. Много этих земляхов в стае?

Камнепас опять пожал плечами.

– Может, три, а может, и сто. Я ж их не видал. А кто видал, тот не расскажет.

– Кто-то же рассказал,– проворчал Данил.– А оружие?

– Насчет оружия ничего не слышал,– признался проводник.

Больше они не разговаривали, пока коридор не вывел их в просторную пещеру.

– Тут остановимся,– сказал Камнепас.– Мы всегда тут останавливаемся, здесь источник.

Данил предпочел бы более укромное место, но возражать не стал. Он поставил шесть светильника вертикально и укрепил камнями. Теперь худо-бедно, а можно было разглядеть оба выхода из пещер. Хорошо хоть, их только два.

Камнепас развел небольшой костер и сразу погасил обе лампы.

– Надо беречь масло,– заявил он.

Ниминоа присела у огня, обхватила руками плечи. Пока ехали, было тепло, а сейчас стало зябко. Это земля высасывала силы. Ними протянула ладони к огню. В окоченевших пальцах запрыгали искры, быстрее побежала кровь, но пламя костра поникло – и девушка убрала ладони.

Шерстяное одеяло легло на ее плечи. Ниминоа подняла глаза, увидела улыбку Данила и улыбнулась в ответ. Данил отошел к проводнику, присел на корточки, стал что-то втолковывать. Камнепас слушал, время от времени покачивая головой. Ними задремала.

Разбудил ее вкусный запах жареного мяса. Открыв глаза, Ниминоа увидела прямо перед собой изжаренные на костре круглые ломтики. Хвост ящерицы-трехрочки, настоящий деликатес. Данил вложил ей в руку палочку, на которую, вперемежку с ломтиками мяса, были нанизаны колечки горного лука. Сам устроился рядом.

– Хочешь лепешку?

Ниминоа покачала головой.

Камнепас, сидевший напротив, отпихнул парда, нахально сунувшегося через его плечо.

– Ты уже получил! – проворчал проводник.

– Запей, – Данил протянул Ниминоа флягу.

Грозный рык парда заставил ее вздрогнуть.

– Началось, – спокойно сказал светлорожденный и положил на камень недоеденное мясо. Все три парда заматались по пещере, вскидываясь на задние лапы. От оглушительного рева закладывало уши. Сначала Ними не поняла, с кем они дерутся, только чуть погодя разглядела множество странных существ, наполнивших пещеру.

Меч Данила мелькнул у нее перед носом. Звон – и отбитый камень упал на землю. Маленькие твари уже приплясывали вокруг людей. Уродцы с большими острыми ушами. Двунogie. Один метнулся в ноги Ниминоа, но Данил успел раньше, подсек клинком. Уродец плюхнулся в гущу сородичей – те порскнули в стороны – и остался лежать. Живот его был распорот до позвоночника. Ниминоа почему-то удивило, что кровь у карлика – красная. Как у человека.

Данил что-то кричал ей – девушка не понимала. Все звуки угасали, словно уши забило ватой. Затем Ниминоа сообразила, что светлорожденный сует ей в руку кинжал. Взяла. Кинжал оказался тяжелым, с шероховатой рукоятью, слишком толстой для ее пальцев.

Происходящее напоминало танец. Маленькие чудовища приплясывали вокруг, дружно отступали, когда Данил делал выпад, и снова приближались.

Левая рука светлорожденного обхватила талию Ниминоа. Ноги ее оторвались от земли – она даже удивиться не успела – и вот Ниминоа уже стоит спиной к костру. Мгновение – в ее голове что-то сдвинулось, и острота чувств восстановилась. Она услышала, как глубоко и размеренно дышит Данил, лопочут визгливыми голосами уродцы, услышала рывк парда и сочный шлепок. Оглянувшись, обнаружила, что парды больше не мечутся по пещере, а сбились вместе, а уродцы держатся от них на почтительном расстоянии. Лопотание карликов стало громче и пронзительней. Ними почувствовала в нем нехорошее колдовство. Хотела сказать об этом светлорожденному, но не успела. Данил рванулся вперед, меч его вспыхнул багровым отблеском, описал низкую дугу. Уродцы рассыпались в стороны, Данил прыгнул влево, где они сбились кучей. Замелькал меч. Звуки были такие, словно дюжина мясников разделывает баранью тушу. Откуда-то сбоку выскочил карлик с палкой. Ниминоа неловко ткнула ножом, уродец высоко подпрыгнул... и голова его еще в воздухе развалилась пополам. Позади – светлорожденный с окровавленным мечом. Камень ударил его в спину, со звоном отскочил от кольчуги, Данил развернулся так быстро, что девушка мигнула от неожиданности. Меч перелетел из правой руки в левую, два длинных прыжка – и воин снова в гуще маленьких чудовищ. Словно косарь по пояс в траве. Взмах, поворот, взмах – клинок прошелся по головам уродцев. Еще поворот, еще взмах, шаг вправо. Толпа нападавших оказалась сбитой вместе. Данил, как пастух, согнал их в плотное стадо. А затем быстро-быстро выкосил не меньше двух дюжин сразу, почти всех, кто оставался в их части пещеры. Уцелевшие бросились к выходу. Точь-в-точь – убегающие крысы.

Светлорожденный оглянулся, убедился – с Ними все в порядке, и свистнул. Его пард одним прыжком перемахнул через толпу карликов и оказался рядом с хозяином. Два других зверя продолжали вяло отмахиваться. Перед ними – с полсотни монотонно завывающих уродцев. Данил полоснул по ремню седельной сумы, выдернул запечатанный кувшин с маслом, размахнулся и швырнул в гущу нападавших. Кувшин разлетелся вдребезги, масло разбрызгалось. Данил выхватил из костра горящий сук и метнул следом за кувшином. Пламя вспыхнуло мгновенно. Парды завывали и шарахнулись в стороны. Несколько уродцев охватило огнем. Истошный визг иглой вонзился в уши Ниминоа. Тошнотворный запах паленой шерсти ударил в ноздри. Данил схватил парда за шею, прижал его голову к себе, удерживая от прыжка. Через полминуты, когда Данил отпустил зверя, в пещере остались только те карлики, что больше не могли двигаться. Данил приканчивал раненых. Парды ходили следом, обнюхивали трупы.

Светлорожденный подошел к Ниминоа, забрал кинжал.

– Они убили Камнепаса, – сказал он.

– Как? – До нее не сразу дошел смысл сказанного.

– Камнем. Разбили голову. Гнев Тура! Он даже не сопротивлялся.

– Их голоса, – проговорила девушка. – Они как-то лишают сил.

– Да? – Светлорожденный бросил на нее острый взгляд. – Я не заметил. Не важно. Надо уходить. Быстро, пока они не опомнились. Богам ведомо, сколько их здесь!

– Думаешь, они нападут еще раз, после такого?

Светлорожденный пожал плечами.

– Они как крысы. Помоги мне собрать вещи.

Пард Камнепаса подошел к нему сзади, толкнул в затылок. Данил мимоходом потрепал его по холке, успокоил.

– Собери посуду и съестное, – сказал он Ними.

Подошел к убитому проводнику, забрал нож. Копье, переломив пополам древко, тоже забрал – для Ниминоа. Бросил взгляд на свою спутницу: та укладывала сумку. Быстро и аккуратно.

«У нее дух светлорожденной, – подумал он. – Интересно, кто была ее мать?»

Ними упаковала мясо, тщательно переложив его листьями, флягу Камнепаса, вытекшую наполовину, заткнула деревянной пробкой. По сторонам не глядела и даже дышать старалась пореже. Еще казалось: ненастоящее всё. Только она и Данил настоящие. Только они тоже как будто спят.

Данил подтянул седельный ремень потуже, а пружины ослабил – пусть девочке помягче будет.

– Славный зверь, – сказал он парду, протянул на ладони кусочек мяса, который тут же смахнул шершавый язык.

Камнепасов Коротышка тоже сунулся. Он ни на шаг не отходил от Данила. Умный. Боится – бросят.

– Ты тоже молодец, – похвалил Данил, угостив и его. – А теперь тихо, зверье! Подумать надо.

Подумать, верно, надо. Эх, Камнепас, Камнепас! Завел нас на свою погибель. Все, чувства – прочь. Итак, два пути. Назад в Хуриду или вперед, в неизвестность. Назад поначалу проще. Дорогу он вспомнит, не собьется. А потом? Засов, взбудораженный убийством Брата-Хранителя. Новый проводник и – опять по той же дороге. «Время», – сказал кто-то внутри. Данил посмотрел на запястье, на черный браслет с капсулой. Да, время. Будь у него гадальные кости – бросил бы не раздумывая. Хотя и не любил выспрашивать у Судьбы. Данил вдруг поймал себя на том, что в третий раз развязывает шнурок куртки. Да, время принять решение.

«Поедем назад!» – сказал сам себе. Потому что колебание означало: оба пути равны для него. А поскольку сам он всегда склонен выбирать дорогу вперед, значит, надо

возвращаться.

Рычание пардов. Данил насторожился.

– Ними, – позвал он.

Девушка тотчас подошла, поставила у его ног сумку. Данил прицепил ее сумку к упряжи, помог Ними сесть в седло. Парды сбились вокруг светлорожденного. Рычали не переставая, шерсть – дыбом. Пять пар глаз напряженно вглядывались в темноту коридора. Того, откуда пришли. Теперь уже не только парды, но и Данил слышал странные звуки: цокот, постукивание, скрипы.

Коротышка вдруг завыл.

– Молчать! – рявкнул Данил, и пард умолк.

Данил втянул воздух, пытаясь по запаху угадать врага. В том, что приближается именно враг, светлорожденный не сомневался. У него было почти магическое чутье на опасность. Бесполезно. Все запахи перебивал смрад вывороченных внутренностей и горелой шерсти. Данил оглянулся. Второй путь свободен. Тот, который в неизвестность. Бежать? Сразу, не дожидаясь врага? Не стоит. Парды проворней любого зверя, для битвы простор пещеры может оказаться удобней. И костер горит. Темнота – преимущество пещерных обитателей.

Ниминоа чувствовала, как дрожит ее пард, погладила его по холке, успокаивая. Ей самой не страшно. Совсем не страшно. Данил не даст ее в обиду.

IX

Меднокрылый дракон кружил на облачной высоте. На западе и на востоке высились серые угловатые пики. За восточным гребнем узким лоскутом синело море.

«Конг, – думал Унгат с неудовольствием. – Конг – это плохо».

Конг не Хурида. В Конге есть настоящие маги, которые могут осложнить жизнь Алчущему Силы. В Конге он не сможет преследовать дичь так свободно, как здесь. А если Рус ускользнет в Конг... Будет плохо. Совсем плохо. Тогда его придется убить. Чтобы забрать послание и не допустить худшего. Но все равно плохо. Трудно, очень трудно найти человека, имеющего право встретиться с Императором глаза в глаза. И сумеет убить прежде, чем его самого изрубят на куски мечи телохранителей. Значит, Рус не должен спуститься по другую сторону гор.

«Люди, найди людей, – передал он дракону. И, очертив мысленно десятимильной ширины полосу, от Засова через хребет, показал дракону. – Здесь. Найди их».

Дракон взмахнул хвостом, сложил крылья и сорвался вниз. Ветер ударил в лицо Унгата. Чародей вцепился в передний шип, желудок прыгнул к горлу. Полусложенные крылья с шипением вспарывали холодный воздух. Голые, серые, лишь кое-где испятнанные синью выносливых трав склоны приближались с невероятной медлительностью. Глаза Унгата видели лишь серые плоскости, выступы скал, более светлые языки осыпей. Но дракон видел все. Крысу, застывшую на задних лапках, серую змею, подползающую к крысе...

Паруса крыльев развернулись с оглушительным хлопком. Сила оборванного движения вжала Унгата в горячую драконью шею. Медленные плавные круги. Каждый – на полсотни локтей выше предыдущего. И новое падение.

Спустя два часа от дракона пришла лаконичная мысль.

«Людей нет».

Унгат не усомнился. Драконы не лгут. И не ошибаются.

«Поднимись к седловине», – попросил маг.

Если человека нет на поверхности, значит, он забрался внутрь горы. Что ж, рано или поздно дичь выберется наружу. И змея схватит крысу.

Дракон висел в восходящем потоке над отполированным ветрами перевалом. Крохотный между подпирающими небо вершинами. И еще более крохотный человек у него на шее...

Приземистое существо размером с крупного пса вбежало в пещеру, затопталось, оказавшись на открытом месте. Тощие, оттопыренные в стороны лапы, точки глаз, рассыпанные по бочкообразному туловищу. Ниминоа взвизгнула и инстинктивно поджала ноги. Паук!

Все три парда зашипели, как змеи. Зашипели и попятились. Только Данил остался спокоен. Он видел пауков и покрупнее. Честно говоря, воин даже почувствовал облегчение. Паук куда лучше, чем неизвестная угроза. Хорошо бы этот оказался не из тех, что плюются ядом.

Паук боком просеменил в одну сторону, затем тем же манером – в другую.

«Ищет», – подумал Данил.

– Стоять! – крикнул светлорожденный пардам. Вроде бы пауки плохо видят неподвижное.

Тварь нашла, что искала. Труп уродца. От головы паука отделились серповидные жвала, воткнулись в мертвое тело. Паук замер, только задняя часть обросшего щетиной туловища мелко тряслась. Данил ждал. Знал: за одной тварью последуют другие.

Второй оказался раза в два крупнее. И устремился прямо к людям. По счастью, на пути его оказался костер. Паук шарахнулся в сторону, наткнулся на кучу трупов и последовал примеру первого.

Третий паук оказался совсем маленьким, зато сразу после него выскочило штук шесть... и словно плотину прорвало. Не меньше полусотни тварей – мелкие, размером с крысу, и здоровенные, в человеческий рост, – выкатились в пещеру, рассыпались, мгновенно заполнив ее мелькающими лапами и бугрящимися волосатыми спинами. Данил прыгнул в седло.

– Держись! – крикнул он и звонко шлепнул по крупу парда Ниминоа. Тот с места сиганул шагов на пятнадцать и стрелой помчал по темному коридору. Небольшой паук сбоку прыгнул на Данила. Тот отмахнулся мечом – плашмя. Клинок спружинил об хитиновый панцирь, отброшенный паук плюхнулся на сородича, а тот не долго думая запустил в него жвала. Еще два чудовища прыгнули на Коротышку. Пард взвился на дыбы, сбросил их, ушел высоким прыжком от третьего. Но когда оказался на земле, не меньше полудюжины тварей повисли на бедняге. Пард завизжал, но Данил уже не мог ему помочь. Светлорожденный сжал колени, и его зверь дал волю своему страху: понесся огромными прыжками, мигом оставив позади и пещеру, и пауков. Данилу оставалось только надеяться, что они не врежутся в стену на скорости сорок миль в час. По счастью, коридор шел прямо. Двойное счастье – спустя четверть часа Данил услышал впереди топот.

– Стой! – закричал светлорожденный, и голос его громом раскатился в замкнутом пространстве коридора.

Пард Данила тут же затормозил всеми четырьмя лапами. А вот зверь Ниминоа и не подумал остановиться. Несколько мгновений – и стук его лап растаял впереди.

– Марш, – скомандовал воин, послав парда вперед. Но уже не сумасшедшим галопом, а размеренной рысью.

Ниминоа они нагнали только через четверть часа. Девушке потребовалось время, чтобы остановить своего зверя. Обрадованные встречей парды потерлись мордами. Их бока соприкоснулись, Данил ощутил коленом ногу Ниминоа и неожиданно для самого себя потянулся и обнял девушку. Ними прижалась к нему, но тут парды разошлись, и Данилу пришлось разжать объятия.

– Сейчас я разожгу огонь, – проговорил Данил, постаравшись, чтоб голос его звучал спокойно. – Мой светильник приторочен к седлу. Ты в порядке?

– Я жутко испугалась, когда пард понес, – призналась Ниминоа. – Но с тобой, господин, я ничего не боюсь!

– Меня зовут Данил, – мягко напомнил светлорожденный, высекая искру.

Через минуту желтый свет лампы раздвинул темноту.

– Что ж,– произнес Данил.– Вообще, я намеревался вернуться, но раз уж Судьба распорядилась иначе, тогда вперед! Будем надеяться, что проложившие этот тоннель не оставили впереди ловушек! – И засмеялся, дав понять,– шутка.

Впрочем, у шуток такого рода есть скверная особенность обращаться в реальные неприятности.

Интересно, как эти мелкие уродцы-земляхи ухитряются избегать пауков? Не иначе как не без помощи магии...

Спустя час они наткнулись на первое серьезное препятствие. Вода.

Данил поднял лампу повыше. Коридор был залит насколько хватало света. Данил спешил, промерил хлыстом глубину. Мелко, меньше полулоктя. Однако, если тоннель и дальше пойдет вниз, через сотню шагов придется плыть. Светлорожденный задумался. Камнепас говорил: пройдем верхами до самого Конга. А с пути они сбиться не могли – все пройденные ответвления тесноваты для пардов. Собственно, думать было не о чем. Путь назад отрезан.

– Держись за мной в пяти шагах,– сказал Данил Ниминоа и вскочил в седло.

Пард заартачился, не хотел в воду. Но светлорожденный силой и лаской его заставил. Зверь Ниминоа пошел без понуканий. За вожак.

Плеск воды порождал многоголосое эхо. Ними казалось, кто-то крадется за ними. Или, наоборот,– едет впереди. Но тренированный слух Данила с легкостью вычленил отраженные звуки. Его больше беспокоила сама вода. И еще те, кто мог обитать под покрытой маслянистой пленкой поверхностью. Пард, разделяя опасения всадника, двигался очень осторожно.

Когда вода смочила брюхо парда, Данил оглянулся.

– Они здесь проходят,– сказал он.– Значит, и мы пройдем. Ты умеешь плавать?

– Нет.

– Тогда, если что, держись за упряжь. Или лучше оставайся в седле. Ты легкая, пард справится.

От воды шел запах земляного масла. Того, что используют при изготовлении огненного зелья. Данил старался держать светильник подальше от воды и стен. Он вспомнил об умении спутницы гасить пламя, но ничего ей не сказал. Хватит бедняжке и того, что есть. Перспектива сгореть заживо вряд ли укрепит ее силы.

Пожара не случилось. А вода, смочив верховые сапоги всадников, пошла на убыль. Спустя четверть часа они миновали залитый участок. Данил сжал коленями бока парда, и зверь с охотой перешел на рысь. Потому что замерз.

Коридор расширился, и Ниминоа поравнялась со светлорожденным.

– Ты как? – спросил он.

– Все хорошо.

Голос девушки дрогнул. Данил вспомнил, какими хрупкими показались плечи Ними, когда он обнимал ее, и нежность к этой маленькой отважной девочке перехватила горло. Он хотел сказать ей, что восхищен, что самообладание ее потрясающе, а отвагой и терпением она не сравнится ни с кем. Но сказал только:

– Ты молодец! – И послал парда вперед, не дожидаясь ответа.

Не умел он показать женщине, как много она для него значит.

Но Ниминоа и эта краткая похвала согрела сердце.

Внезапно тоннель разделился. На три совершенно равновеликих прохода. Данил смочил ладонь о шерсть парда и попытался уловить дуновение ветра. Не уловил, зато Ниминоа успела разглядеть более верный знак.

– Данил, крест!

Точно, над одним из ходов углем был намалеван полустертый пятиконечный крест.

Новый коридор сначала забрал круто вверх, затем еще круче – вниз. Пардам приходилось приседать на задние лапы и выпускать когти, чтоб удержать равновесие. А

когда пол выровнялся, потолок стал настолько низок, что Данилу пришлось спешиться, а Ниминоа – припасть к холке парда. Еще полмили. А потом – новое разветвление. И никаких значков. По счастью, в одном из тоннелей Данил заметил высохший комок хрума¹⁵. Следующий отрезок преодолели за полчаса... и оказались в пещере, размерами не уступающей той, где погиб Камнепас. С тринадцатью выходами.

– Всё, – решительно произнес Данил. – Привал.

Развели костер (осталось еще четыре вязанки хвороста), поели.

– Можешь поспать, – предложил Данил.

– Не хочу, – обхватив колени, Ниминоа смотрела на огонь. – Данил...

– Да?

– А что они сделают с нами, когда мы выберемся?

– Кто – они?

– Конгаи. – Отсветы огня пульсировали в рубинах сережек Ниминоа. – Мама говорила: конгаи ненавидят хуридитов. Я хуридитка, а ты... чужеземец.

– Я не чужеземец, а светлорожденный Империи, – напомнил Данил. – Законы Конга строги, но власть Тилода Зодчего тверда. Так же, как и дружба Конга и моей страны. Никто не осмелится свершить над нами насилие.

Дело обстояло не совсем так. Его – да, никто не посмеет тронуть, а вот в отношении уроженцев Хуриды правила другие. Ни один из них не имеет права ступить на землю Конга вне оговоренных для торговли мест. Наказание – смерть. Но уж если Данил сумел уберечь ее в проклятой Хуриде, то всяко сумеет защитить и в благословенном Конге.

– Отец шутил: нас, хуридитов, в Конге сначала убивают, а потом допрашивают.

– А тебе никто не говорил, что ты очень похожа на конгайку?

– Да, я похожа на маму, – согласилась Ниминоа. – Но и на отца тоже. И одета я по-хуридски.

– Я – светлорожденный Империи, – еще раз повторил Данил.

– Но они могут не поверить...

– Поверят! – усмехнулся Данил. – При мне – гербовый перстень Русов. Но главное доказательство – мое лицо.

Ниминоа внимательно посмотрела на него, брови ее приподнялись.

– Никаких знаков! – Данил засмеялся. – По матери я Асенар. А кровь Асенаров сильнее любой другой. Любой, кто видел Эйрис, жену Тилода Зодчего или ее сына Сантана-мага, тут же признает наше сходство. Без всяких верительных грамот. Хотя по наследному праву я не Асенар, а Рус.

– Какой он странный, большой Мир... – невпопад прошептала девушка.

– Ты всю жизнь прожила в Кариомере?

– Нет. Раньше мы жили в Морне. Потом переехали. Чтоб до меня не добрались монахи. Отец говорил: в большом городе легче спрятаться, но в маленьком – проще откупиться. Мой брат до сих пор живет в Морне.

– У тебя есть брат?

– Единокровный. Отец поддерживал с ним связь, но втайне. Чтоб брату легче было унаследовать дело, когда отец погибнет.

– Почему обязательно погибнет?

– В нашей семье уже много поколений мужчины не умирают своей смертью. Так говорил отец. Ты видишь – он прав.

– Не будем говорить об этом, – сказал Данил. – Тебе больно.

– Мне не станет больней от разговора, – возразила Ниминоа. – Я привыкла, что люди умирают. В Кариомере умирают чаще, чем рождаются. Говорят, из-за того, что Величайший любит хуридцев больше других народов и чаще призывает к себе.

¹⁵ Хрум – жвачка, слабый наркотик.

– Вздор,– сказал Данил.

– Надеюсь. Боги моей мамы нравятся мне больше. Я хотела бы попасть к ним после смерти. Но по закону Хуриды монахи отправили бы меня к Величайшему. Как колдунью.

– В Море много богов,– сказал Данил.– Есть достаточно омерзительные, вроде конгайского Равахша или урнгурского Хаора. Мой наставник слышал от фьёль, что это и не боги вовсе, а превзошедшие смерть и свою землю волшебники Махд-Шагош.

– Монахи говорят: нет богов, кроме Величайшего.

– Смелое утверждение,– усмехнулся Данил.– Мой наставник вряд ли согласился бы с ним, поскольку видел воочию самого Потрясателя Тверди. И не только его. Но не очень-то любит распространяться об этом. Он и выжил-то лишь благодаря Сантану-магу. Тому, кого конгаи называют Освободителем.

– Мама рассказывала о нем,– кивнула Ниминоа.– Говорят, он погиб.

– Говорят,– Данил охотно свернул с темы богов на более близкую ему по духу.– После свержения Великого Ангана Сантан уплыл на Красную Твердь. А через год в горах Хох разразилась магическая битва. Чудовищная. Целого куска хребта – как не бывало. Скалы текли, как вода. Я думал, мифы преувеличивают, когда читал подобное. Но потом я побывал там и сам видел последствия. Один огромный оплавленный кратер. И серый пепел на мили вокруг. Говорят, там Сантан и погиб. Жаль. Конг ему обязан свободой, а очень многие – жизнью. Потомки Асхенны могут им гордиться. Он – нашей крови. Первый великий маг нашей крови.

– Ты говоришь так, словно магический дар – выше благородного происхождения,– осторожно проговорила Ниминоа.– Но отец говорил: светлорожденные ставят благородство крови превыше всего.

Она с волнением ждала ответа, и Данил не разочаровал ее.

– Глупости! Честь – выше. Благородство духа – выше. Благородный по крови обязан встать выше других. Высота рождения обязывает его. Равное мужество, проявленное простолюдином и светлорожденным, для первого – честь, для второго – обычай. Мой наставник Нил Биоркит. В нем ни капли благородной крови. Да и человеческой только половина. А мой отец, светлейший, не раз говорил, что взирает на него снизу вверх. Правда,– Данил улыбнулся,– Нил выше него на полный локоть. И не только отец. Светлейший Эрд, Наследник Асенаров лично представлял его Императору и настоял, чтобы, вопреки церемониалу, мой наставник занял место выше его собственного. И Император согласился, хотя кое-кто из благородных и морщил нос. Особенно тайдуанцы. Но рта не открыли. У желтокожих ловко ткнут шелк и интриги, но скрестить меч с Эрдом или Нилом – кишка тонка. Так что мы, аристократы Империи, ценим человека, а не подвиги его прадедушки. А магический дар, Ними,– не пустая игрушка. И сродни благородству крови. Кому даровано больше, с того больше спрос.

– Магический дар...– чуть слышно проговорила Ниминоа.– Моего магического дара не хватит, чтобы вывести нас отсюда. Я чувствую, что могла бы... Но не знаю, как. Не умею.

– Иногда достаточно одного желания,– мягко произнес Данил.

– Желания? – Ниминоа чуть заметно улыбнулась.– Если желания достаточно, то...

Голубое сияние возникло в одном из коридоров. Данил вскочил, выхватив меч, загородил девушку, бросил быстрый взгляд на пардов. Животные и ухом не вели. Это успокаивало.

– Оставайся здесь,– бросил светлорожденный и двинулся навстречу таинственному свету.

Еще полчаса назад, до последнего разговора, Ними не осмелилась бы послушаться. Но теперь проигнорировала приказ Данила. В самом деле, если с ним что-нибудь случится, много ли будет стоить жизнь хуридской девушки?

Данил осторожно вошел в коридор. Он слышал за спиной шаги Ниминоа, но не отправил ее назад. Коридор узок. Чтобы напасть на девушку, врагу придется перешагнуть через вагарский клинок.

Впереди – светлое пятно. Камень. Белый, как турецкий мрамор. Белый камень, вмурованный в черную стену коридора. Еще три шага, поворот – Данил поднял левую ладонь. Знак Ниминоа: остановись.

И еще шаг.

Голубой свет ударил в лицо. Но свет этот не нес опасности. Впереди, в овальном вырезе коридора, висел огромный дымчатый, потрясающе близкий шар луны.

* * *

Они остались в пещере. Спускаться ночью по незнакомому склону Данил счел слишком опасным. И еще: там внизу – люди. Много людей. Целая страна. А здесь только они двое.

Расстелив одеяла, они сидели рядом у угасающего костра. Только стук капель в одном из тоннелей да глубокий вздох спящего парда нарушали абсолютную тишину подземного мира. Данил чувствовал, как расслабилось нечто у него внутри. Словно ослабили тетиву лука. Тишина, покой, Ниминоа. От девушки пахло дымом и ею самой. Лучшего запаха Данил не знал.

– Данил, помнишь, ты пел утром? Про вьюгу? Ты сам придумал ту песню?

– Нет, – светлорожденный улыбнулся. – Это хольдская песня. Старая.

– Спой ее еще раз.

– Из меня неважный певец.

– Разве здесь есть другой? – Шутка вышла неудачной.

Ниминоа прикусила губу. Другой уже никогда не споет.

– Есть, – сказал светлорожденный после паузы. – Ты.

– У нас в Хуриде не поют песен. Мама пела одну песню, мелодией похожую на твою, но я помню только кусочки...

Шелковинку золотую
В волосы вплету.
И беду, твою беду я
Заплутаю, заколдую,
И с огнем в руке приду я,
На берег приду...
Потом что-то про море Зур, и еще помню:

Бог Судьбы, седой и старый,
Забери, что хочешь даром,
Но отдай мне желтый парус,
Тот, который жду.

Мама знала много песен, но в последние годы редко пела. Она была очень красивая, моя мама.

Данил придвинулся ближе, обнял ее, подбросил в огонь несколько веток. Некоторое время оба смотрели, как оживает пламя.

– Одинокий голос вьюги,
Тающий вдали.
Втайне друг навстречу другу
Мы с тобою шли.
Осторожно, неизбежно
Умеряя шаг.
Шли на голос

Пляски снежной,
Рот рукой зажав.

Данил пел так, как учил его когда-то певец-странник, три месяца проживший у них в доме, пришедший ниоткуда и ушедший в никуда. Пел, восполняя чувством недостаток голоса, словно бы выдыхая сердцем каждое слово.

А из тьмы, за нами следом
Сквозь сугробный наст —
Нами вскормленные беды,
Алчущие нас.
Но мела поземкой вьюга
Все сильнее, сильнее,
Воздух скручивая туго,
Взмучивая снег,
Вихревым слепящим кругом
Свертывалась мгла.
Это друг навстречу другу,
Злая северная вьюга
Нас с тобой вела.

Голова Ними склонилась на его плечо. Когда последние слова песни растворились в тишине, девушка уже спала. И теплое дыхание ее ласкало шею Данила. Светлорожденный откинулся немного, оперся спиной на седло. Спустя несколько минут он тоже задремал, но сон его был чуток, а слух бодрствовал. Впрочем, никто их не потревожил в эту последнюю из тихих ночей.

Х

«Люди»,— пришла к Унгату мысль дракона.
Маг сел, сбросив на траву шерстяное одеяло.
«Где?»
Дракон привстал на коротких лапах, вытянул шею, расправил крылья.
«Скоро восход».
«Где люди? Сколько их?»
«Много миль. Двое».
Унгат торопливо запихнул одеяло в сумку, завязал шнурки куртки.
«Летим!»
Дракон широко растопырил крылья, выгнулся, шумно выдохнул.
«Я голоден»,— напомнил он.
Это был упрек.
«Отнеси меня к ним,— попросил чародей.— Быстро. Это важно. А потом лети к морю. Тут близко. Море Зур. Ты легко найдешь добычу».
«Да».
Гладкое крыло упало к ногам Унгата, и он поспешно вскарабкался на спину дракона.
Гигант неуклюже запрыгал вниз по склону, ловя крыльями ветер. Спустя минуту он уже парил над зеленой шкурой горы.

«Вот они!»
Унгат нагнулся и увидел внизу, на вьющейся нитке тропы двух всадников.
«Спуститься?» — Дракон знал: человек видит всего лишь две ползущие по склону точки.

«Позволь мне посмотреть твоими глазами».

«Да».

Ландшафт тут же переменялся. Мир словно раздвинулся. Зеленое стало синим, синее – фиолетовым. Зато теперь чародей видел каждый куст на пологом языке склона. А часть тропы со всадниками как будто прыгнула навстречу. Унгат увидел их так отчетливо, словно был в двадцати шагах. Увидел и вскрикнул от радости. Он, его Рус!

«Спускаемся?»

Подумав, Унгат ответил: «Нет».

Искушение велико, но при свете дня куда больше вероятность попасть на глаза конгаям.

«Лети вдоль тропы на юг».

«Я голоден», – еще раз напомнил дракон.

«Я не забыл, друг».

Четверть часа драконьего полета – дневной переход всадника по горной дороге.

«Сядь здесь», – попросил Унгат, выбрав место.

Провожая взглядом крылатого друга, Унгат думал о будущем. О великом будущем его, Унгата, тайдуанского мага, Алчущего Силы и уже почти обретшего ее.

Желтая дорога, словно присыпанная песком с зеленых пологих берегов озера Лейр. По обе стороны – высокий кустарник с узорчатыми листьями цвета морской волны. Белые пушистые шарики цветов. Небо, чистое, такого сочного голубого цвета, что Данил понял, откуда возник миф о «Небесной Тверди». Золотое солнце. Узкая полоска моря на востоке, то возникающая, то пропадающая за изгибом дороги. Лапы пардов, выбивающие частую дробь, теплый воздух, чистый и живительный. Конг. Благословенный Конг!

Данил улыбнулся Ниминоа, и девушка ответила ему чуть смущенной улыбкой. Лицо ее несло следы подземного странствия: пыль, копоть. То, что не сотрешь платком. Ничего. Грязь – до первого ручья.

Данил запрокинул голову и пронзительно свистнул. Горы откликнулись тройным эхом. Медовницы облаком вспорхнули с придорожных кустов и закружились над всадниками разноцветной метелью.

Три часа назад они наткнулись на эту дорогу. А еще через час – на каменный обелиск с надписью: «Земля Конга. Крепость Ангбион. 30 миль». Тут же от основной дороги ответвлялась еще одна, без всякой надписи. На восток, к морю. Данил без труда решил нехитрую загадку. Если ты не враг, то двинешься прямо к воротам крепости. Если же ты не хочешь встретиться с воинами Конга, то свернешь налево, к берегу моря Зур. И скорее всего очень скоро наткнешься на разъезд Береговой Стражи. Теперь половина из этих тридцати миль уже позади.

Дорожная петля вывела на просторную площадку с аккуратным кругом кострища в центре. С южной стороны – обрыв. Чья-то заботливая рука оградила его рядом крупных камней. Пард Ниминоа ловко сцапал подвернувшуюся ящерицу, отправил в пасть. Затем аккуратно подобрал языком синий ящеричий хвост.

Вот она, крепость Ангбион. Черный иззубренный монолит, господствующий над плато, лежащим ниже. Рядом – узкая щель, русло горной реки. Чуть подальше – водопад и, уже на плато, озеро, похожее на голубой шарф, брошенный на траву. У дальнего берега – крохотные желтые домики.

– Как здесь красиво... – проговорила Ниминоа.

– погоди, ты еще не видела горы моего Хольда! – сказал Данил.

Добраться до крепости засветло не успели. Конечно, они могли бы продолжить путь и в темноте. Светлая дорога, полная луна. Но Данил решил, что разумней разбить лагерь, а в Ангбионе появиться утром. По запаху он отыскал небольшой ручей. Около него Данил развел костер. Пардов светлорожденный отпустил пастись. Вряд ли здесь водились хищники, способные подстеречь и прикончить взрослого парда. Вообще, здесь, в Конге, Данил

чувствовал себя так же уверенно, как дома. Беспечность? Но, скорее всего, никакие предосторожности не уберегли бы воина от той опасности, что уготовила ему Судьба.

Унгату пришлось долго упрашивать дракона. Чародей хотел, чтобы, возвращаясь, крылатый гигант обогнул земли Конга. Не менее трудно будет уговорить его лететь в темноте. Драконы не любят кривые пути и ночные полеты. Унгату понадобится вся сила убеждения, но дракон согласится. Должен. Они ведь знают друг друга не первый век. Почти полстолетия понадобилось чародею, чтобы завоевать доверие дракона. Теперь он пожинал плоды. Разорвать связь мага и его дракона (именно его дракона, а не первого попавшегося, к которому волшебник обращается, если необходимо быстро перенестись с места на место) практически невозможно. Только смерть или нечто совсем уж отвратительное может оттолкнуть крылатого гиганта от его мага.

Дракон прилетел через полчаса после захода солнца. А еще через полчаса серые сумерки сменила полная темнота (луна еще не взошла), необходимая Унгату для завершения работы. Тончайшая сеть заклинаний, которую он приготовил для своей жертвы, мгновенно и полностью лишит пленника воли. Ни один из обладающих магическим чутьем не успеет уловить проявление Силы. По крайней мере Унгат на это твердо рассчитывал. Когда разорвется защитная оболочка, укрывающая сознание Руса, Унгат сможет лепить из пленника все, что пожелает. Конечно, останутся следы. Но Алчущий позаботится, чтобы это были ложные следы, ведущие прямо к Братству Света. Даже в памяти Данила останется не он, Унгат, а некий маг из Руны. Хольдский маг. О да, это будет блестящий ход. В сознании Руса останется лишь пылкое желание поскорее встретиться с Императором. А повеление Унгата, приказ: убей! – возникнет, только когда светлорожденный увидит своего верховного повелителя. И даже хорошо, если, свершив убийство, Рус останется жив. Пусть благородное сословие ополчится на Братство Света! Пусть выясняют отношения... пока их не станет некому выяснять! Унгат срастил все, стежок к стежку, без единого изъяна. Когда он развеял защитный купол, скрывавший его труд от умеющих видеть невидимое, великолепная ловушка, подобно свернутой пружине, ожидала только легкого толчка. Толчком же служило собственное имя чародея. Отличная работа. Не зря Унгат так тщательно изучил сущность светлорожденного Данила. Стоило теперь Унгату произнести собственное имя – и Рус мгновенно превратится в раба. Полагая, что остался свободным.

Унгат взобрался на спину дракона, тот поднялся в воздух и полетел в указанном направлении. Теперь уже Унгату пришлось «делиться» глазами с крылатым гигантом. Драконы плохо видят в темноте. Хуже, чем маги.

Столб огня с ревом взметнулся в небо, опалив хвою синих столетних кедров. Парды, проснувшись, взвыли от ужаса и сломя голову унеслись прочь. Данил подскочил как ужаленный: меч в руке, глаза – на гудящее пламя. Ниминоа села, огляделась, не понимая, что происходит. Она первой заметила маленькую фигурку в стороне от огненного столба.

– Доброй ночи, благородный Данил!

Воин мгновенно обернулся.

– Усик!

Чародей с четверть минуты наслаждался его замешательством.

– Нет, – произнес он гулким басом, никак не вязавшимся с тщедушным телом. – Мое имя Унгат!

Удар был подобен удару молнии. Ниминоа увидела, как пала на Данила из темноты пылающая многоголовая змея. Беззвучный вопль тьмы обрушился на девушку, и она без сил опустилась на траву.

Огненный столб, рожденный магом, рассыпался, обратившись в черную фигуру, напоминающую крест с обломанными концами. Зыбкие круги красного света расходились от него. Трава у ног чародея пожухла на шесть полных шагов, и... светлорожденный Данил Рус отпустил рукоять меча: клинок с шелестом вернулся в ножны.

– Приветствие тебе, почтенный Унгат! – с достоинством произнес сын Волода.– Могут ли я надеяться, что ты поможешь мне вернуться на родину?

– Вне всякого сомнения, благородный Данил! – с поклоном ответил чародей.– Если ты согласишься последовать за мной, мой дракон не позже, чем завтра, доставит тебя во дворец нашего повелителя.

– Благодарю тебя, почтенный Унгат,– Данил слегка поклонился тщедушному человечку и добавил, не скрывая нетерпения: – Не будем медлить!

«А я?» – беззвучно вскрикнула Ниминоа.

– Данил...– слабым голосом позвала девушка.

Чуть слышно, но светлорожденный услышал. Он повернулся, посмотрел на Ниминоа... не узнавая! Девушка видела: он нахмурился, пытаясь вспомнить...

Но Унгат не собирался терять время на девчонку. Он попросту не принимал ее в расчет. Если она выживет,– здесь, в Конге, никто не поверит ни одному слову хуридитки. А раз так, то она значит не более паука, карабкающегося по сапогу Унгата. Но если паук пытается взобраться выше...

Маг поднял руку. Струя огня вырвалась из его ладони и ударила в лицо глупой девки. Хорошая шутка. Даже конгаи не станут ее убивать, слепую, с обожженным, изуродованным пламенем лицом. Если конгаи успеют найти ее раньше болтающегося поблизости хуруга, которого, несомненно, привлечет ее вой. Что ж, если хуруг успеет первым, можно считать, и девке, и хищнику повезло.

Пламя ослепило Ниминоа. Жуткая боль пронзила ее мозг. Ниминоа страшно закричала... Но не от боли испепеленных глаз, а от смертной силы, сокрытой в темном огне. Ниминоа закричала... и пламя истаяло. Девушка поглотила его, как «пила» силу иного, живого пламени. Но то был другой огонь, и мощь его Ниминоа не могла перенести. Всепоглощающая ненависть овладела ею, преображенный пламень выметнулся наружу и объел самого чародея.

Разумеется, Унгат знал о начатках колдовского дара у хуридитки. Но считал смешным обращать на это внимание. Не больше, чем на чары деревенского колдуна. Он, могучий маг,– и безграмотная хуридская девка...

Гордыня подвела Унгата. Неожиданность заставила его отразить удар с несопоставимой мощью. Разумеется, посланное хуридиткой пламя истаяло, не причинив ему ни малейшего вреда. Разумеется, теперь он мог бы прикончить девку одним движением мизинца... Но теперь ему стало не до хуридских девок-ворожей! Сила Тьмы! Он не укрыв своего волшебства! Если бы Унгат выкрикнул свое имя на центральной площади Фаранга, он и тогда не сообщил бы яснее о своем присутствии.

Его учуяли! Унгат слышал это так же ясно, как тревожный зов дракона.

Бежать!

Уже не церемонясь, он вышиб из светлорожденного пленника остатки самостоятельности, повелел следовать за собой и бросился к дракону.

Ниминоа потребовалось несколько мгновений, чтобы выйти из шока. Еще мгновение – чтобы вскочить на ноги и броситься вслед за Данилом. Но она опоздала. Увидела только, как сорвался со скалы огромный темный силуэт, взмыл ввысь, промчался над девушкой, затмив на миг звезды, и исчез в бездонном небе.

Стоять было больно. Ниминоа бежала, не разбирая дороги, и до крови изранила ноги. Девушка опустилась на траву, поглядела ввысь и тихонько заплакала. О Даниле. Она еще не осознала, что осталась одна в совершенно чужой стране и не о светлорожденном надо ей плакать, а о себе.

Хуруг жадно обнюхал землю и лизнул ее толстым, покрытым вкусовыми бородавками языком. Кровь, свежая кровь! Короткий заостренный хвост хуруга задрожал от возбуждения, гребень на плоской голове вздулся, как во время гона. Самая сладкая кровь, кровь человека! Мощное приземистое тело развернулось, морда задралась кверху, раздулись ноздри, лоя

ароматный запах добычи, но ветер дул сбоку, и тяжелая голова снова упала к земле. Передние лапы хуруга торчали из туловища не снизу, как у других ящеров, а сбоку. Выгнутые в суставах под прямым углом, они делали тварь похожей на уродливое человекоподобное существо, ползущее по-пластунски. Но двигался хуруг значительно быстрее пластуна, хотя и уступал в скорости бегущему человеку. Уткнувшись мордой в землю, подстегиваемый голодом, хуруг устремился по следу. Все живое поспешно убиралось с его пути. Кроме человека, у прожорливой твари не было врагов. Мясо хуруга ядовито, запах омерзителен для любого хищника, способного справиться с этим ящером. Сам же хуруг считал добычей все, что попадалось на пути. Вот он достиг места, где его будущая жертва останавливалась. Испачканная кровью трава; запах, от которого густая слюна потекла из пасти хищника. Хуруг завертелся на месте, кружил целую минуту, пока не обнаружил второй след – ароматную ниточку к блаженству. В нетерпении ящер испустил пронзительный скрежещущий вопль. И припустил по следу.

Леденящий душу вой вывел Ниминоа из полузабытья. Она вздрогнула, подняла голову, посмотрела на угасающий костер. Страх пронзил ее. Ниминоа вскочила на ноги, вскрикнула от боли, но страх был сильнее, чем боль. Девушка торопливо набросала заготовленных сучьев поверх тлеющих углей. Через несколько мгновений огонь проснулся, и дрожащий свет озарил поляну. Ниминоа, механически, просто чтобы чем-то себя занять, ополоснула израненные ноги вином из фляги Данила и забинтовала их. Руки двигались быстро и умело, но в сердце ее не осталось ничего, кроме страха. Обуться в свои сапожки Ними теперь не могла, но в клади лежали запасные верховые сапоги Данила. Они почти подошли. В боковом кармашке одного обнаружился небольшой нож. Ними вынула его и положила на одеяло. Просто так. Если какой-нибудь ночной охотник пожелает ее загрызть – пускай. К чему ей жить?

Конец третьей части

Часть четвертая ОКРЫЛЕННАЯ КОЛЕСНИЦА

А было так.

На земле Атуи, что ныне в границах Красного и Черного зовут Проклятой, явился Тата-Харири, пророк. Шесть лун, от Севера до Юга, шел он по земле Атуи, пока не достиг холма, именуемого Бис-Шеба, Кувиин Жажды. И взошел Тата-Харири на вершину холма. И пророчествовал. Там же сказал: «Сильные Атуи! Грядет!»

Время же того: за шестую часть века до Эпохи Перемен.

И взят был Тата-Харири воином Шеном и привезен в Прохладный Дворец. С Шеном же было полумножество всадников, поскольку крепок был в ту пору щит Тата-Харири в Атуи.

И спросил Великий и Сильный, Опоясанный Огненным Бичом, Владычествующий над Миром, Повелевающий всем бескрайним Махд-Шагош:

– Почто пророчествуешь во зло мне?

Отвечал Тата-Харири:

– Слава моя – за мной! – к небесам обратив лик: – А сила моя – земля есть!

С тем и умолк.

Рассудил Великий и Сильный, Державший Место Свое в Прохладном Дворце посреди Доброго моря: о земле Атуи говорит пророк.

И послал он три множества воинов на окрыленных колесницах, и

обратились они к земле Атуи, и вскричала Атуи великим криком. И губили беспощадно воители Махд-Шагош. Которых же оставляли живыми, тем продевали вервие сквозь нижнюю челюсть и так влекли к берегу Доброго моря. А крови было столько, что земля превратилась в грязь.

Позвал тогда Великий и Сильный, Опоясанный Огненным Бичом, позвал Тата-Харири:

– Ты! – сказал. – Нет твоей силы!

И поведал о содеянном.

И поразил Тата-Харири Огненным Бичом.

Пал наземь пророк Тата-Харири, возопил гласом неистовым:

– Грядет! – И умер.

И не стало Махд-Шагош.

Такова сила истинной веры.

Фахри Праведный. Откровения

I

Одиннадцать всадников ехали по дороге. Ночной дозор, высланный командующим крепости. Командующий, человек неглупый и самостоятельный, решил не дожидаться восхода, когда можно будет зеркалами связаться с Фарангом и доложить о странных огнях на севере. Колдовство это или нет, но слишком близко от крепости, чтобы дожидаться утра. Подняв десяток Дуда, командующий передал им доклад наблюдателя, выдал направление и велел проверить, что там, мощь Тура, происходит? Об осторожности командующий не говорил. Дуд Кошачий Глаз на рожон не полезет.

Командующий понимал: быть может, он никогда больше не увидит ни Кошачьего Глаза, ни его парней. Но если на одной чаше весов – жизнь одиннадцати солдат, а на другой – безопасность крепости Ангбион, тут и выбирать нечего.

Дуд Кошачий Глаз построил своих в колонну по три, приказав тем, кто внутри, изготовить арбалеты, а наружным и замыкающим – обнажить мечи. Один хрен, если какая тварь прыгнет на круп парда, от арбалета толку – ноль. Сам Дуд выбрал арбалет, поскольку видел в темноте почти так же хорошо, как днем, и намеревался использовать это преимущество. В колдовские огни Дуд не очень-то поверил. Какие, к демонам, чародеи со стороны Хуриды! А вот всякая дрянь оттуда лезет, это точно!

Неподалеку взвыл хуруг. Парды недовольно зарычали, а Кошачий Глаз слегка обеспокоился и подумал: надо будет сказать Губастому. Пусть возьмет следопыта и пару ребят, выследит тварь и прикончит. Губастый хуругов ненавидел с тех пор, как один их этих уродов сожрал его племянника.

Хоть Кошачий Глаз лучше всех видел в темноте, но огонь впереди заметил не он, а лигонец¹⁶ Момугон. К немалой досаде десятника. Дуд тут же скомандовал: «Стой!» Отобрал троих, велел спешиться, сам слез с парда и отправился на разведку. Момугона в числе трех не оказалось, и солдат обиделся.

Еще за триста шагов стало ясно: никакие не чародейские огни, а обыкновенный костер. Кошачий Глаз на всякий случай скомандовал: «К бою!» – хотя вчетвером в драку лезть не собирался. Разве что при явном преимуществе. Сколько вокруг костра народу – издали не разглядеть.

Хуруг выбежал на поляну, увидел костер и злобно захрипел. Огня хищник терпеть не мог, а добыча оказалась по другую сторону пламени. Не сразу хуруг сообразил, что огонь можно обойти.

¹⁶ Лигон – город на севере Конга.

Тварь, выскочившая из темноты, показалась Ниминоа ожившим кошмаром. Широкая бледно-зеленая голова с сизым опухолеподобным наростом на макушке, ковшеобразная нижняя челюсть, отвисшая до земли, торчащие в стороны жилистые лапы и выпуклые сплошь красные глаза. Высотой тварь не превосходила двух локтей, но весила наверняка не меньше двух взрослых мужчин. Ничего более омерзительного Ниминоа в жизни не видела.

Тварь едва не угодила мордой в костер, отпрянула, издала звук, подобный хрипу удушаемого, заскребла землю когтями. Пятипалые лапы твари походили на изуродованные человеческие руки.

Ними сжалась в комочек, сжала в руке маленький нож. Она очень надеялась, что тварь испугается огня и убежит.

Зря надеялась. Уродливый хищник, потоптавшись на месте, боком двинулся в обход костра. Слизкие нити слюны, как черви свисавшие из пасти, волочились по земле, на них уже налип всякий мусор.

Тошнотворная вонь ударила в ноздри Ниминоа. Ее чуть не вывернуло. Она вскочила, закричала и бросилась бежать... Тварь прыгнула...

Ними ударилась о что-то твердое, железные объятия сдавили ее, вывернули нож...

Скрежещущий вопль хуруга оглушил ее...

– Ва! – сказал один из солдат, Кулган Красный. – Баба! Одна!

– Хуридитка, – поправил Дуд. – Дурак, не видишь: два седла лежат. Во имя Быкоглавого, хуруг!

– Ва! – сказал Кулган. – Чуть в костер не влетел! Стрельнуть, командир? Или пусть сначала сожрет хуридитку?

– Нет, – проворчал Кошачий Глаз. – Даже хуридитка слишком хороша для хуруга. – И поднял арбалет.

Тут хуридитка с визгом вскочила, заслонив хищника, и бросилась прямо к конгоям, а хуруг, заскрипев, как несмазанная телега, устремился за ней. Только вдвое проворней.

– Хватай ее! – закричал Дуд, отпрыгнул в сторону и (отличный выстрел!) всадил болт точно в красный глаз твари.

– Банг! – щелкнула тетива второго арбалета, и еще одна стрела ухнула в раззявленную пасть. Хуруг взвыл, юлой завертелся на месте, мешая Дуду сделать второй выстрел. За спиной десятника звонко вскрикнула женщина.

«Не упустили», – удовлетворенно подумал Кошачий Глаз.

Тут хуруг запутался в собственных лапах и повалился на бок. В унисон ударили три арбалета. Три хвостовика «выросли» на брюхе твари. Хуруг забился на земле, изгибаясь и суча лапами. Это уже была агония, которая, впрочем, могла продолжаться целый час. Живучесть хуруга – вещь известная. Но у Дуда не возникло желания подойти и добить тварь. Зато у одного из солдат появилась такая идея. Он выскочил на поляну, взмахнул мечом и на раз отмахнул хуругову башку. Ну конечно, Кулган, дурень здоровый! Не упустил возможности покрасоваться. Хорошо хоть отскочил вовремя, в дерьме не извозился! Удар, впрочем, хорош, ничего не скажешь.

Дуд закинул за спину арбалет, вышел на поляну.

Кулган вытер меч валявшимся на земле одеялом, присосался к фляге. Дуд схватил его за руку, флягу отобрал.

– Где второй, дурень? – рявкнул десятник. – Взял огонь и пошел искать! – И пронзительно засвистел.

С дороги ответили двойным свистом. Поняли: сейчас приедут.

– Вонница, аж в горле дерет, – извиняясь, проговорил Кулган.

– Это точно, – Дуд покосился на хуруга, сам глотнул из фляги Красного и вернул имущество хозяину.

Изловивший хуридитку солдат положил добычу у костра, по другую сторону от

смердящего хуруга, протянул Кошачьему Глазу нож.

– Отбивалась? – недовольно спросил десятник.

– Куда там! Сомлела враз.

Дуд оглядел ножик.

– Наша работа, – сказал удовлетворенно.

– А баба сочная, – сказал солдат. – Может ее – того? Все равно кончать...

– Сочная, говоришь? – Кошачий Глаз поглядел на лежащую на боку хуридитку. Густые черные волосы закрывали ее лицо. Десятник наклонился, откинул волосы ножом.

– А ничего девка, – сказал солдат и сглотнул. – Давай, командир, я на очереди.

Кошачий Глаз распрямился, поглядел на подчиненного, переложил нож в левую руку и аккуратно, без замаха, съездил его по морде.

– Ты что, сдурел? – заорал солдат, потом сообразил что к чему, побагровел и принялся извиняться.

– Заткнись, – оборвал десятник. – Не видишь, что ли, наша девка?

И верно, лицом девушка здорово напоминала сестренку Дуда, а никак не хуридитку. Сестренка жила в крепости (в Ангбионе обитало не так уж мало женщин, время не военное), и десятник уже не один раз «вразумлял» желающих познакомиться с ней поближе.

«Ну ясно, почему он так взъелся», – подумал солдат.

Прискакали остальные семеро. Напарник девушки так и не отыскался, и Кошачий Глаз решил: в темноте дальше рыскать бессмысленно. Да и ни к чему. Утром командующий пришлет сюда сотню бойцов со следопытами, псами и ангионским лекарем-колдуном. Если жив беглец – отыщут.

Дуд распорядился: вещи забрать, хуруга забросать ветками и поджечь, не то смердеть неделю будет. Кошачий Глаз набросил на холку парда одеяло (чтоб побережь шею зверя), взобрался в седло. Дуду подали девушку, которую десятник уложил поперек, на одеяло.

– Марш! – гаркнул он, и тронулись.

Через час въехали в крепость.

II

Командующий Виг, комендант-капитан Ангбиона, Бронзовый Дракон, Распорядитель северо-восточной области Черногорья, вторично слушал отчет десятника Дуда. Три сотни всадников с собаками, следопытами-горцами и колдуном только что покинули крепость. Им велено обшарить каждый пучок травы и заглянуть под каждый голыш. С восходом по зеркальной связи передали: в области Ангбиона появился Алчущий Силы. Враг. Конгайский чародей уже отплыл из Фаранга на самой быстрой шекке, но прибудет в крепость не раньше завтрашнего дня. А за это время Алчущий может натворить бед. Напоследок Дракон Севера Ганг предупреждал командующего Вига, что тому следует соблюдать осторожность и избегать лишних потерь. Нечего сказать, полезный совет. Иному чародею стереть с лица земли Ангбион – что парду мышку слизнуть. Но командующий понимал Ганга и понимал, что сам отдал бы точно такой же приказ. Он, собственно, его и отдал. Своим подчиненным. И теперь вот повторно слушал доклад Кошачьего Глаза. В свете новых обстоятельств.

– Кабы не мы – хуруг сожрал бы ее за милую душу, – говорил между тем десятник. – Где это видано, чтобы Алчущего сожрал хуруг, а, командир? Или, к примеру, чтобы Алчущий – баба? У меня такое ощущение...

– Ощущение свое засунь парду под хвост, – оборвал командующий. – Упустил второго!

– Ну... Э-э-э... – Десятник виновато потупился. Что тут скажешь? Да, упустил.

– Чародея упустил, – сердито проворчал Виг. – Разве что пленница твоя чародейкой окажется...

– Не! – уверенно заявил Кошачий Глаз. – Она ж молоденькая и суший цветочек! Разве ж колдуньи такими бывают?

– Ты что, прободи тебя Тур, специалист по колдуньям? – рявкнул Виг.

– Ну... Э-э-э...
– Что еще желаешь сказать?
– Да, это, вроде бы, все, – пробормотал десятник.
– Все? Или не все? – рыкнул командующий. – Что ты мямлишь и переминаешься, как вол перед кормушкой! Солдат!

Десятник мгновенно выпрямился, вытянулся, задрал подбородок:

– У меня все, достойнейший!

– Свободен!

Солнечный свет сочился через узкие окна под потолком. Белый потолок, стенные панели из белого, будто обесцвеченного дерева. На нем так красиво смотрятся крытые черным лаком ножны и вороненые наконечники боевых и охотничьих копий.

Собственно, особо винить десятника не за что. Настоящий чародей кому угодно глаза отведет.

Командующий снял со стены будничный меч, вынул на четверть, полюбовался игрой света на клинке, тонкой гравировкой, вложил меч в ножны и прицепил к поясу. Дремавший у стола на коврик боевой пес с обрезанными ушами поднял брыластую морду.

– Пойдем, – сказал ему командующий, и пес, вскочив, лапой открыл дверь.

Часовые привычно вскинули мечи, Виг махнул рукой: вольно. Легко, как молодой, сбежал вниз по лестнице, ответил на еще один салют и через гранитную арку вышел на Круглую площадь – внутренний двор крепости Ангбион.

На площади пара десятников муштровала новичков.

– Правой шаг!левой шаг! Коли! Прикройся! Коли! Правой шаг...

Полусотенная шеренга довольно стройно шагала, колола, прикрывалась щитами. Десятники метались перед строем, орали, лупили палками нерасторопных.

– Прикройсь! Дурак! Выше, выше щит! Коли! Раз! Дети навозных червей! Крепче, крепче держи! Это копье, а не бычий хвост!

Виг пес тщательно обнюхал флагшток. Свора из шести собак почтительно взираала. Понюхал, пометил и потрусил дальше. Площадные тоже по очереди задрали лапы. Строго по старшинству.

Виг неторопливо обходил свое хозяйство. Крепость Ангбион – почти как небольшой город. Тысяча солдат, две тысячи нестроевых: женщин, ремесленников, ветеранов, детей. Последним, впрочем, просто так по крепости болтаться не позволялось.

Прогрохотала пустая повозка. Площадная свора не преминула ее облаять.

«Хороший день», – подумал Виг, имея в виду погоду. Командующий поглядел на приземистые горы с черными облизанными вершинами. Граница.

«Надо взглянуть на пленницу», – решил Виг.

Пойманную девушку поместили в камере для проштрафившихся новобранцев. Только устроили покомфортней: в постели, а не на соломе. Второй крепостной лекарь, тот, что не колдун, осмотрел ее, обработал раны, а как только девушка пришла в себя, напоил своей лечебной дрянью – и пленница опять впала в беспамятство. Виг лекаря отругал: надо было сначала допросить. Но лекарь только фыркнул. Его можно понять. Красивая девушка и совсем не похожа на хуридитку. Если она окажется их соотечественницей, командующему придется не допрашивать ее, а расспрашивать. Законы Тилода-Зодчего защищали всех. Пока вина не доказана, любой подданный или подданная Владыки Конга свободна в своих действиях. Так что ее и пленницей пока нельзя назвать.

Приставленный к девушке караульный, увидев командующего, поспешно вскочил с единственного табурета, вытянулся.

– Достойнейший!

– Не ори, – сказал Виг и опустился на табурет рядом с постелью.

Славное личико. Виг вдруг понял, что огорчится, если девушка все-таки окажется хуридиткой.

Командующий задумался. С тех пор как он принял под командование Ангбион, ничего,

подобного событиям минувшей ночи, не происходило. По правде говоря, охранять северную границу Конга оказалось проще простого. За все эти годы через Черные горы ни разу не перебирался отряд численностью больше двух дюжин. В основном контрабандисты. Кое-кого солдаты Вига отправляли в Нижний мир, но большинство благополучно сбывало товары, закупало что надо и отправлялось обратно. Ангбион – сам себе таможня, и почему бы немного не подзаработать? Естественно, Виг не занимался этим сам, следил только, чтобы за границу уходили только разрешенные к вывозу товары. Но Алчущий – это далеко не контрабандист. Тем более такой, что заставил вертеться важных фарангских магов.

Пес вывел Вига из задумчивости, толкнув головой в колено. Командующий поднял голову: в дверях стоял подсоцкий, помощник начальника караула.

– Охотники вернулись, – вполголоса доложил он.

Чародея отправленные в поиск не нашли. Зато обнаружили следы еще двух человек. Один – определенно мужчина. Касательно второго мнения разделились. Один следопыт утверждал – женщина. По размеру отпечатка. Двое других полагали: мужчина. По тому, как ставил ногу. Но самое главное – обнаружили след дракона. А раз дракон, значит, точно чародей. Картина представлялась такой: третий (тот, который не то женщина, не то мужчина) прилетел на драконе, подошел к костру, поколдовал огнем, затем ушел вместе со вторым. А та, которую привез Кошачий Глаз, бежала за этими двумя босиком по камням, сильно изранилась, а потом пошла обратно.

«Недурно, – подумал Виг. – Наверняка ей есть что рассказать».

– Что еще?

Еще нашли двух пардов. Тех самых, на которых приехали двое хуридитов.

Что пленница может оказаться конгайкой, следопыты не знали. Зато знали: вещи, какие обнаружены у кострища, – все хуридские. Кроме оружия. Но оружие в Хуриде делают такое, что подсохшую лепешку не разрубишь. Это всем известно.

– Значит, – произнес командующий, – мы можем надеяться: чародей улетел?

Можем, заявили все три следопыта.

– Вот и хорошо, – кивнул Виг.

Меньше всего ему хотелось бросать своих ребят против чародейского пламени.

Виг знаком отпустил следопытов... и обнаружил, что вокруг собралась целая толпа слушателей.

– Та-ак... – грозно протянул командующий. – Эт-то еще что за сборище?

Толпа рассосалась как по волшебству. Остались только сотники, возглавлявшие поиски, и начальник утреннего караула, которому по уставу полагалось знать все новости.

– Завтра или послезавтра прибудет маг из Фаранга, – сказал Виг. – Вот он пусть и разбирается. Я лично доволен, что Алчущий Силы убрался к демонам.

Все три сотника полностью разделяли его мнение.

– Значит, – заключил Виг, – возвращаемся к обычному распорядку. Вопросы есть?

– Нет, – бодро ответили два сотника.

Третий молчал, смотрел на небо.

– Что ты там углядел? – недовольно осведомился командующий.

– Да вроде... дракон.

Тут все четверо, не исключая Вига, задрали головы.

– Мощь Быкоглавого! – хрипло сказал начальник караула. – Никак возвращается, демонов сын?

– Драконы и сами по себе летают, – с надеждой проговорил один из сотников.

– Летают! – рявкнул Виг. – Но не здесь, раздери тебя магхар! А ну живо поднимайте людей! Старший! Башни к бою! Бегом!

Когда через четверть часа тень черного, как ночное небо, дракона легла на Круглую площадь, все сорок восемь баллист Ангбиона были нацелены на него, расставленные в правильных местах арбалетки готовились по приказу командиров осыпать драконьего

всадника бронебойными стрелами, а сам Виг выглядывал в бойницу центральной башни, держа за спиной поднятую руку. Взмах – труба прокричит команду, и смертоносный град осыплет чародея.

Скверно только: Алчущему вся боевая мощь Ангбиона, может статься, – что пыль храмовому быку.

Но тут дракон неожиданно сложил крылья – и камнем упал на плоскую крышу арсенала. Все услышали, как заскрежетали могучие когти. Дракон свесил с крыши длиннущее крыло, и по нему, как по скату, съехал человек. До земли крыло не доставало локтя четыре, но чародей ловко приземлился на ноги, оглядел пустую площадь и закричал пронзительным тонким голосом:

– Виг, бронзовое брюхо! Ты почему не встречаешь старого друга?

– Магхар раздери! – с облегчением выругался командующий. – Не мог предупредить, бычья жопа!

И, отпихнув трубача, выскочил наружу.

Ниминоа снилось страшное. Черноликий монах с кнутом, хлещущий прикованного к столбу Данила, брызги крови на стенах, запах паленого мяса, пота и боли. Сморщенное хохочущее лицо чародея плавало в воздухе.

«Смотри, смотри, смотри! – хохотал он. – Скоро ты! Скоро тебя! Скоро! Скоро!»

Лицо Данила, гордое уверенное лицо, вздувалось пузырем, зрачки расширились от боли, губы лопались... А кто-то хватал Ниминоа сзади, давил груди, щипал, щупал, запускал пальцы между ног...

«Разорвут тебя пополам! – хохотал чародей. – Пополам!»

Черный монах вращал насаженное на вертел человеческое тело. Как баранью тушу. Руки человека были отрублены по локоть. Обрубки дергались. Человек мычал, разевая рот. Языка во рту не было...

– Тихо, тихо...

Ниминоа открыла глаза и увидела склонившуюся над ней женщину. Женщина держала ее за руки.

– Скверный сон? – спросила женщина. – Не бойся, это всего лишь сон.

Каменный потолок, сложенный из обтесанных блоков, под ним – зарешеченное окно.

– Где я? – спросила Ниминоа. – Кто ты?

Женщина нахмурилась. Рядом с ней появилось еще одно лицо. Солдат.

– Что она болтает? – спросил солдат.

Ниминоа сообразила: они говорят на конгаэне.

– Где я? – уже на языке своей матери спросила девушка. – Кто вы?

Увы, ее конгаэн уродовал жесткий хуридский акцент.

Женщина отпустила руки Ниминоа, отодвинулась.

– Ты можешь встать? – спросила она.

– Может, – перебил солдат. – Вставай, хуридитка, а ты, – он повернулся к женщине, – позови начальника караула. Скажи: пленница очухалась.

Тощий длиннолицый человек развалился в любимом кресле командующего Вига. На человеке не было никакой одежды, кроме набедренной повязки. Зато на темно-коричневой груди мастерски вытатуирована бычья голова, выдыхающая пламя.

– Трудно было предупредить? – проворчал Виг. – Вон дружки твои из Фаранга не поленились предупредить о посланце.

– И где он? – ухмыльнулся длиннолицый. – Что-то я его не вижу!

– Прибудет завтра или послезавтра.

– Чудесно! – заявил человек с бычьей головой. – Если Алчущий захочет поджарить тебе яйца, что ты предпочитаешь иметь под рукой: предупреждение или меня?

Командующий промолчал. Но ответ был очевиден. Тощего звали Турфанг. Чародей и верховный жрец Быкоглавого в Кесане (в те времена, когда Виг был там наместником), Турфанг в последние несколько лет был в Конге нечастым гостем, в основном обретаясь на севере, в Империи. Честно говоря, если бы Вига спросили, кого он предпочтет для защиты от вражьего чародейства, он не колеблясь назвал бы Турфанга. Но это еще не повод, чтобы терпеть дурные манеры жреца.

– Ну-ка марш из моего кресла! – потребовал командующий.

Кесанский маг ухмыльнулся, но вставать и не подумал. Вместо этого опорожнил кувшин в высокую чашу. Вышло по ободок. Турфанг подобрал под себя ноги, устраиваясь по привычке, потянулся к чаше... Виг ловко выхватил ее прямо из-под руки жреца и тоже ухмыльнулся.

– Чтоб тебя понос пробрал! – с досадой проговорил Турфанг.

В устах чародея это звучало многообещающе, но командующий не смутился, поднес чашу к губам, вино с бульканьем потекло в более подходящее вместилище. Но, опорожнив чашу до половины, Виг сжалился и бросил ее гостю. Чаша описала дугу и легла на ладонь жреца Тура. Ни капли не пролилось.

– Надо бы тебя покормить, – с подчеркнутой заботой произнес Виг. – А то смотреть не на что, волосы да кости. Всего-то мяса, что огузок, да и тот...

– Поговори еще, – огрызнулся чародей. И добавил мечтательно: – Вот наведу на тебя зеленый лишай...

Командующий только ухмыльнулся.

– Ты, поди уж, все заклинания перезабыл, пока по Миру болтался.

– Ну, вино у тебя, конечно, не чета настоящему тайскому, – сказал жрец и осушил чашу до дна.

– Я оглядел это барахло, – маг кивнул на кучу сложенных в углу вещей: ночную добычу Кошачьего Глаза. – Ничего путного. Магии тут не больше, чем в шерсти твоей собаки. – Турфанг задумчиво поглядел на пустую серебряную чашу и вдруг сжал ее в ладони – смял, как бумажную.

– Ты что делаешь! – возмутился Виг. – Это же старинная хушенская...

– Да? – задумчиво проговорил гость. – Ну извини.

Он аккуратно расправил серебро, провел над чашей ладонью – и она обрела тот же вид, что и минуту назад.

Виг смотрел как зачарованный.

– Ты что? – удивился Турфанг.

– Я? – Командующий покачал головой. – Отвык от твоих штучек, – проговорил он.

– А-а...

Жрец поставил чашу и встал.

– Начнем, – сказал он. – И начнем мы с пленницы.

III

Красавец-дракон летел сквозь ночь. Южный ровный ветер, который так любят имперские мореходы, нес его высоко над водами Межземного моря, и неподвижные звезды взирали на пронизающего тьму льдистыми равнодушными глазами. Но в груди дракона горел могучий огонь, наполняющий силой и упругие крылья, и сам воздух ночи. Немного в Мире могло согреть старое сердце Унгата так, как этот полет. Дракон, воплощенная мечта мага, непобедимый и мудрый. И покорная Тьма. Прижавшись щекой к горячей гладкой коже крылатого гиганта, Унгат дрожал от восторга, как мальчишка. Иногда он даже испытывал что-то вроде сочувствия к своему рабу-пленнику, притулившемуся позади Унгата. Человечку, думал Унгат, никогда не постичь такого величия. Человек живет по воле Унгата и умрет по его воле. А дракон свободен. Так же, как Унгат...

– **Остановись!**

Унгат дернулся, будто облили ледяной водой. Инстинктивно, как пригибается воин, услышав щелчок тетивы, чародей выбросил в темноту незримый шатер Силы, прикрылся и ошетинился, свернул и обострил мысли и чувства, пронзил магическим взглядом тьму. Сразу во всех направлениях... И уперся в Мощь.

Крохотное, иссушенное тело чародея затрепетало и еще теснее прижалось к шее дракона. И крылатый гигант спас: лег на правое крыло, ушел в крутую петлю, прикрыв собой друга. Чародей изо всех сил вцепился в шейный шип дракона, а вот пленник его не удержался и, кувыркаясь, полетел вниз.

Дракон выровнялся, взмахнул крыльями, вытянул длинную шею и помчал прочь с быстротой, не знакомой ни одному живому существу в Море. Кроме дракона. Унгат распластался на его спине. Сокращения могучих мышц подбрасывали мага с такой силой, что иногда только ладони его касались гладкой кожи. Но Унгат не решался упрочить свою посадку заклинанием. Все свою силу он отдал тому, чтобы затеряться в небе, раствориться во тьме, как щепотка соли в океане. Мощь, с которой он столкнулся, была невероятна. Ни один чародей в Море не обладал подобной непостижимой силой. По крайней мере Унгат не был способен даже представить подобное. Маг ощутил себя древесным листом, падающим в костер. Какое счастье, что драконы не подвластны магии!

Крылатый гигант пронзал тьму, как живая молния. Он делил все чувства всадника. Кроме страха. Он никогда не встречал существо, способное причинить ему боль. А то, что так напугало чародея, дракон не воспринял как существо. Слишком большое. Нелепо бояться бури или извергающегося вулкана. Проще – улететь.

Неизвестное осталось позади. В сотнях миль. Дракон перешел на спокойный парящий полет. Унгат тоже успокоился. И очень сожалел, что потерял пленника. Сколько сил и времени истрчено, какие возможности потеряны! А предоставь чародей пленнику миг свободы – и тот наверняка удержался бы на спине дракона... Или вцепился в горло Унгата. Эти благородные дураки совершенно непредсказуемы.

«Поспи», – пришла мысль дракона.

«Верно, – подумал Унгат. – Потерянного не вернешь. А я должен восстановить силы».

Об оставшемся позади чародей старался не думать. Чтоб не накликать...

Начальник караула встретил командующего и Турфанга на пороге центральной башни.

– Очнулась! – выпалил он.

Виг посмотрел на жреца. Жрец посмотрел на небо. Потом повернулся в Вигу и сказал:

– Хуридитку надо допросить сейчас.

– Хуридитку? – удивился командующий.

– Точно так! – вставил начальник караула. – Как рот открыла – сразу видно: не наша.

Это...

Виг двинул бровью, и сотник заткнулся.

– Приведи ее, – сказал командующий.

– В темницу? – понятно проговорил начальник караула.

Полминуты назад Виг сказал бы: да. Но уж слишком явно было пренебрежение сотника к чужестранке.

– Ко мне домой, – отрезал командующий, и сотник, придерживая меч, побежал выполнять приказ. Самолично, хотя мог бы погнать кого-нибудь из охраны.

– Пошли назад, – Виг повернулся к Турфангу. – Допрашивать ты будешь?

– Ты, – сказал жрец Тура. – А я наблюдаю.

Поесть Ниминоа не предложили, зато принесли воды. Питьевой и для омовения. Солдаты больше ей не грубили, но и особой доброжелательности не проявляли. Когда девушка умылась, ей связали руки и вывели наружу.

Молодой парнишка, разбрызгивавший по камням воду из лохани (для чистоты и прохлады), загляделся на пленницу, споткнулся и выплеснул лохань под ноги Ними. Один из

сопровождавших награбил раззяву подзатыльником и извинился перед девушкой. Ниминоа терялась в догадках. Кто она? Пленница? Пленнице не приносят извинений. Но свободных не держат под стражей и не связывают им рук. Наверно, обычаи Конга еще сильнее отличаются от порядков Хуриды, чем ей казалось.

Крепость и те, кто в ней обитал, внушали ощущение силы. Ниминоа делала вид, что не интересуется укреплениями (чтоб не думали: шпионит), но нужно быть слепой, чтоб не оценить толщину этих стен. А вооружение простых солдат получше, чем у воинствующих монахов.

Ними привели к южному бастиону. Здесь, в тени стен, защищавших не только от врага, но и от полуденного солнца, располагался дом командующего Вига.

Ниминоа впервые видела настоящий конгский дом. Широкие террасы на обоих этажах, полукруглые арки окон, цветущие деревья в кадках, бронзовые фигурки драконов на загнутых углах крыши.

Сопровождающие салютовали часовому. Тот ответил и посторонился. Ниминоа ввели в дом.

Тростниковые маты хрустывали под сандалиями, которые дали девушке взамен верховых сапог Данила. Идущий впереди солдат раздвинул занавес из пестрых шелковых лент. Ниминоа увидела просторную светлую комнату. И двух мужчин.

Первый – совершенно седой, огромный. Длинные волосы сколоты на затылке. Широкий прорезанный складками лоб, почти сросшиеся брови. Руки испещрены белыми полосками шрамов. На указательном пальце левой руки – перстень с печаткой. Эмалевый медальон с драконом поверх синей шелковой куртки. Больше никаких украшений, если не считать сапфира на оголовье меча.

Второго Ними сначала приняла за слугу: приткнулся в уголке, босой, в каких-то обносках, но, перехватив его взгляд, поняла, что ошиблась. У слуг не бывает таких глаз.

– Стул, – отрывисто бросил седой.

Один из солдат тут же пододвинул Ниминоа шестиногий стул с толстой, обитой шелком подушкой.

С минуту седой молча глядел на девушку. Если он надеялся ее смутить, то напрасно. Ниминоа видела: конгай суров, но не жесток. Куда ему до святых братьев! А уж комната и вовсе не имела ничего общего с застенками обиталищ Братства. Каждая деталь – от рисунка на шелковых портъерах до цвета листьев домашних растений – подобрана с настоящим вкусом. И воздух в комнате приятный: свежий, с запахом цветов, слегка приправленный ароматом благовоний. Ниминоа расслабилась: все так напоминало дом ее отца...

– Развяжите ее! – велел командующий.

Приказ был исполнен мгновенно.

– Ты – хуридитка?

Девушка вздрогнула: голос седого прозвучал, как удар.

– Да, – ответила она.

– Ты не похожа на хуридитку.

– Моя мать родилась в Конге.

– А твой отец?

– Он – купец.

Сказано было с гордостью, но Виг понятия не имел, что значит быть купцом в Хуриде. Зато отлично понимал: девушка с такой внешностью – идеальный шпион. Если не обращать внимания на ак-цент.

– Твоя мать – его наложница?

Ниминоа оскорбилась: от человека, столь достойного внешне, она ожидала достойных вопросов.

– Она была его женой, – холодно ответила девушка. – Она умерла.

– А твой отец?

– Его убили монахи три недели назад.

Виг смутился. Эта хуридитка держится с редким достоинством. И непохоже, что лжет. Будь командующий не командующим, а просто человеком, он обращался бы с чужеземкой куда деликатней. Но поскольку дело касалось безопасности Конга, Виг не мог позволить себе сострадания. Но кое-что мог.

– Ты голодна? – спросил он. – Хочешь фруктов? Вина?

– Да, немного, – Ниминоа опустила глаза.

Командующий сделал знак, и через полминуты рядом с Ниминоа появился столик, кувшин вина и ваза с фруктами. Слуга наполнил серебряный бокал.

– Попробуй, – сказал седой. – Это хорошее вино.

Ниминоа пригубила и поняла: вино действительно хорошее. Хотя и хуже того, что пила девушка в доме отца.

Виг внимательно следил за ней. Допрос не имеет смысла, если не научишься определять, где ложь, а где правда. Командующий не забыл о присутствии Турфанга, но не собирался обращаться к нему за помощью без необходимости.

Ниминоа взяла кисть винограда. Большие фиолетовые ягоды таяли на языке.

– Ты бежала? – спросил седой.

– Да.

Пленница не поднимала глаз, и это командующему не нравилось. Это и еще подозрительно спокойный голос хуридитки.

– Кто твои спутники?

– Спутник.

Девушка положила виноград и посмотрела прямо в глаза командующего. И опять Виг почувствовал неловкость. Как будто у него нет права допрашивать ее. Но у него есть больше, чем право. Долг.

– Мои люди видели следы троих, – сказал командующий. – Кто третий?

– Я не знаю, – Ниминоа опустила глаза.

– Допустим, – кивнул Виг. – А твой спутник? Кто он? Хуридит?

– Нет.

– Имя?

Ниминоа колебалась. Ей очень не хотелось говорить правду.

Командующий видел: пленница прикидывает – солгать или нет.

– Будет лучше, если ты ответишь честно!

– Хорошо, – равнодушно сказала Ниминоа. – Его имя Данил Рус. Светлорожденный Данил Рус.

Лучше бы она солгала. Командующий Виг даже не усомнился: пленница врет. Чтобы светлорожденный из древнейшего рода Империи пришел из Хуриды в одиночку да еще спас прекрасную хуридитку? Такое случается нередко. В балладах. Но не в жизни. Виг прожил длинную жизнь. Он сражался бок о бок с Освободителем. Он сам стал частью не одной баллады. И очень хорошо знал, как далеко то, что поют, от того, что говорят.

Командующий не поверил и искренне огорчился. Во-первых, потому, что пленница солгала, во-вторых, из-за того, что ответ ее, на взгляд Вига, прозвучал абсолютно искренне. Значит, придется обращаться за помощью к магу.

Турфанг, как всегда, угадал желание Вига раньше, чем тот его высказал. Жрец встал. В отличие от командующего, он не собирался ничего анализировать. Без надобности.

Длинная тощая фигура в бесформенной рубахе из блеклой шерсти. Этот, второй, Ними совсем не понравился. Чувств у него было не больше, чем у кугурра, вытканного на гобелене. А двигался он не как кугурр, а скорее как ящерица.

Длинный наклонился к ней – черные космы свесились до колен сидящей Ниминоа, – вперился в ее лицо черными выпуклыми глазами. Дыхание его пахло как скошенная трава. Девушке показалось: крохотный паучок заскребся у нее у голове, пытаясь выбраться наружу. Не больно, но очень неприятно. Ниминоа напряглась – паучок пропал.

В выпуклых глазах тощего отразилось разочарование. Он медленно распрямился, повернулся к седому и покачал головой.

Седой вздохнул. Он был огорчен.

– Увести,– приказал он солдатам.

Ниминоа поднялась, не дожидаясь, пока ее поднимут.

– Благодарю,– девушка кивнула на столик.

– Больше ты ничего не хочешь сказать? – дал ей еще один шанс Виг.

Пленница покачала головой.

Командующий махнул рукой, и солдаты вывели девушку. Задержался только десятник.

– Куда ее, достойнейший?

– В подвал,– сердито сказал Виг.

Когда десятник вышел, командующий повернулся к Турфангу:

– Думал, ты покрепче! – раздраженно бросил комендант-капитан Ангбиона.

Маг вздохнул.

– Понимаю тебя,– сказал он.– Девушка по-настоящему хороша. После общения с палачом тело ее уже никто не назовет прекрасным. Но неужели ты думаешь, что мне, слуге Быкоглавого, это по вкусу?

Виг промолчал.

– Она лжет,– Турфанг запустил пальцы в свою взлохмаченную шевелюру, откинул голову назад.– Она лжет, друг мой, но это еще не самое плохое. Хуже то, что она колдунья. Силу ее мне не оценить – из-за ее полного невежества...

– Это как? – удивился Виг.

– Все равно что проверять прыткость парда, спутав ему лапы,– пояснил жрец.– Но чтоб выкинуть меня из своих мыслей, ее силенок хватило.

– Выходит, это она начудила в горах? – сказал командующий.

– Глупости! От того колдовства на сто миль разило волшебством Алчуших. При том, что творил его настоящий мастер. Хотел бы я, чтоб ты был прав. Думаешь, мне по сердцу мучить женщину? Но я должен знать все, что знает она. И быть уверенным, что все сказанное – правда. Если ты знаешь другой способ – назови.

Командующий продолжал хмуриться: он не знал другого способа.

– А ты уверен, что колдунья позволит себя пытать?

– Ну уж с этим-то я управлюсь,– не без самодовольства заявил Турфанг.– Надо отделить истину от фантазии. А уж в фантазии ей не откажешь.

– Что да, то да,– согласился Виг.– Эта шутка о светлорожденном...

Как ни надеялся командующий на сотрудничество пленницы, но кое-какие меры он принял заранее. Например, велел растопить печь и прибраться в пыточном подвале. Уж месяца три не пользовались: плесени небосьросло на палец. Палач, десятник, потерявший ногу в стычке с хуридскими контрабандистами, передвигался на своей деревяшке проворней, чем иной на двух ногах. Ремесло свое палач знал туго: навестишься за пять лет. Виг его ценил. Хорошего заплочных дел мастера найти трудно. Даже за двойное жалованье.

Когда командующий и его друг спустились в застенок, все уже было готово. Воздух согрет, плесень и грязь убраны. Пленница томила в уголке под присмотром двух охранников.

Командующий уселся в деревянное кресло подальше от очага.

– Начинай,– кивнул он палачу.

В подземелье было жарко и душно. Здесь не было ни лежащих рядом клещей, ни хитроумных машин для истязания плоти. Каменный пол чисто вымыт. И все-таки Ниминоа сразу поняла, что это за место. И ей стало горько. От того, что конгаи оказались ничуть не лучше хуридских монахов. Яркий огонь горел в открытой печи – Ниминоа щекой чувствовала его тепло. Огонь – друг. Мускулистый мужчина с наголо обритой головой, в кожаном фартуке возился у очага. Из одной штанины вместо ноги торчала подбитая толстой

кожей деревяшка.

Ниминоа посмотрела на его лоснящуюся от пота спину, потом на равнодушные гладкие лица солдат-конгаев. И решила: не даст себя мучить. Хватит! Огонь горел в очаге и источал силу. Пусть только попробуют!

По лестнице спустились седой и тощий. Солдаты вытянулись. Седой уселся в кресло, тощий – на скамью.

– Начинай, – сказал седой палачу.

Солдаты вытолкнули Ниминоа в центр, к вмурованным в пол кольцам. Над головой раскачивались на цепях еще два кольца.

– Раздевайся, – по-хуридски скомандовал палач.

Ниминоа не шевельнулась.

Одноногий чуть заметно пожал плечами и сделал знак солдатам...

Ниминоа прикрыла глаза. Первый, кто к ней прикоснется...

– Отойдите от нее! – быстро сказал Турфанг.

Солдаты посмотрели на командующего. Виг кивнул, и они отодвинулись от пленницы.

– Я сам, – жрец подошел к Ниминоа и медленно, как в танце, положил руки на плечи хуридитки...

Спина Ниминоа стала влажной. Не потому, что в подвале жарко. Она видела, как сгорают люди. Ей было страшно. Конгай смотрел ей в глаза.

«Не тронь меня!» – мысленно попросила она.

Кажется, тощий услышал ее. Но ему было наплевать. Он протянул руки... И Ниминоа решила.

Пламя в печи угасло, померкли факелы – Ниминоа вдохнула, вобрала силу огня – и выдохнула! Прямо в костлявое лицо конгая.

И ничего не произошло. Факелы запылали, как прежде, пламя в очаге ожило, накинлось весело на сухое дерево.

Турфанг покачал головой, затем сделал знак солдатам – и те принялись за дело. Пленница не сопротивлялась. Скорее всего, у нее просто не осталось сил. Жрец вернулся на свое место, подмигнул Вигу: видишь, кое-что я умею.

– Набедренную повязку оставить, – бросил командующий. Он кое-что знал о морали Хуриды и не собирался унижать пленницу сверх необходимого.

Хуридитку привязали к кольцам, палач провернул ворот – по-конгайски смуглое тело пленницы вытянулось. Но не настолько, чтобы причинить боль.

– Ах, какая красotka, – сказал один солдат другому.

Шепотом, но Виг услышал.

– Караул свободен, – рявкнул он, и солдаты покинули подвал.

Приказ их не огорчил. Смотреть, как истязают женщину, – не велико удовольствие. Они же не омбанту.

Турфанг подошел к пленнице, присел на корточки, проверил ремни на лодыжках. Хороши: мягкие и прочные. Ноги девушки пахли страхом. Жрец выпрямился, провел ладонью по гладкой напрягшейся спине, определяя силу тела. Пленница вздрогнула, попыталась отстраниться. Хорошее тело, здоровое. Выдержит не один десяток ударов. Жаль портить такое совершенство. Турфанг представил, как вздуваются рубцы на этом нежном животе, как лопается тонкая смуглая кожа... Власть Быкоглавого! У Турфанга всегда было прекрасное воображение. На то он и маг. Но он умел и обуздывать чувства.

– Я не сержусь на тебя, – сказал он ласково. – Поверь, твой дар не спасет от боли. Назови имя Алчущего – и тебе не придется страдать.

Пленница молчала.

Турфанг отошел от нее, кивнул палачу. Одноногий взял кнут из специально обработанной бычьей кожи, пропустил его между пальцев, проверяя. Таким кнутом можно

перешибить позвоночник. Если умеючи. Или вырвать клочок из шелкового полотна. Палач несильно взмахнул рукой – кнут свистнул и обвился вокруг пленницы. Девушка пронзительно вскрикнула. Красная полоса вспухла поперек ее спины ниже лопаток.

Турфанг поднял руку – и второго удара не последовало. По щекам девушки катились слезы.

– Назови нам имя Алчущего, назови нам имя своего спутника, – мягко произнес жрец. – Расскажи нам правду, и тебя не будут мучить.

– Светлорожденный Данил Рус, – прошептала девушка.

Турфанг покачал головой.

– Не лги нам, колдунья. Все равно придется сказать правду. Но...

– Достойнейший!

На лестнице стоял начальник караула.

– В чем дело? – недовольно спросил Виг.

Сотник вытянулся, приложил ладонь ко лбу в знак скорби.

– Что? – выкрикнул командующий, вскакивая.

– Достойнейший... По зеркальной связи... передали... – Сотник задохнулся, закашлялся.

Виг схватил его за плечи:

– Что?!

– Беда, – выдохнул сотник. – Беда, достойнейший, умер...

IV

Тилод Зодчий проснулся в дурном настроении. Это всё сон. самого сна Владыка Конга не помнил, но ощущение осталось отвратительное.

Слуга появился словно по волшебству. Иногда у Тилода возникало ощущение: постельничий наблюдает за ним, спящим, в замочную скважину.

Вода для омовения, бодрящий напиток, массажистка. Час утренних процедур, призванных укрепить силы Владыки Конга, который давно уже разменял седьмой десяток.

Завтракал Тилод вдвоем с женой. Скромно, как рекомендовал лекарь. В последние годы Тилод здорово прибавил в весе. А вот над Эйрис годы, казалось, не властны. Жена Владыки оставалась такой же стройной. Нет, конечно, никто не дал бы ей двадцати, но уж никак не больше пятидесяти. Лишь один недостаток у супруги Тилода: всего одного сына подарила она мужу. И больше у нее детей не было. А взять наложницу Тилод категорически отказывался. Раньше. Теперь, может быть, и согласился бы, да поздно. Единственная надежда: Сантан. Но сына Тилод Зодчий не видел почти тридцать лет.

После завтрака Тилод отправился в город. Сопровождали его жена и дюжина телохранителей из Черных Охотников. Тилод не любил пышной свиты, а для охраны этого вполне достаточно.

Кортеж Владыки выехал из дворца, чьи белые острые башни, казалось, вот-вот устремятся в небо, – в город, утонченная красота которого в Мире успела стать нарицательной. Хотя построен он был совсем недавно. Вернее, возрожден. Обновленный Ангтян. Древняя столица Конга. Прекрасное дитя Тилода Зодчего.

Ангтян невелик. Меньше Фаранга, а в сравнении с Сарбуром – совсем крошка. Зато к столице сходятся все дороги Конга, а в его просторной гавани никогда не бывает меньше сотни кораблей.

Кортеж выехал на площадь Ветра. Всадники спешили. С трех сторон площади – утопающие в садах павильоны с цветными многоступенчатыми крышами. С четвертой – причудливо изгибающаяся балюстрада из розового мрамора. Такого чистого, что кажется прозрачным. Ниже балюстрады – море. Изумрудное зеркало залива Данхен.

Людей на площади было немного, и все они, завидев кортеж Владыки, деликатно отошли к павильонам. Каждому ангтянцу известно: Тилод Зодчий приезжает на площадь

Ветра размышлять. Как же можно тревожить в этот час любимого Владыку!

Тилод неторопливо проследовал к балюстраде, оперся грудью на гладкий, теплый, как живое тело, мрамор, задумался, глядя на корабли. Эйрис остановилась в трех шагах позади, телохранители – подальше. Прошел час. Владыка Конга пребывал в неподвижности. Солнце уже заметно припекало. Последний месяц осени в Конге – не то что где-нибудь на севере Империи.

Эйрис посмотрела на солнце.

«Пора», – подумала она.

Хушенскому посланнику назначено к началу второй стражи. Обидится, если заставить ждать сверх положенного этикетом. А отношения с Гурамом и так натянутые.

Эйрис подошла к мужу, положила ему на плечо руку.

– Тилод...

Владыка Конга не шевельнулся.

– Тилод!

Вялое плечо подалось, Тилод Зодчий повернулся к жене... и рухнул навзничь на светло-серые пятиугольные плиты площади Ветра. Эйрис успела поймать его голову прежде, чем затылок ударился о камень. Бессмысленная предосторожность. Неподвижные глаза слепо глядели вверх и не видели ни жены, ни высокого прозрачного неба. Владыка Конга Тилод Зодчий был мертв.

Виг отпустил сотника, сделал три шага к лестнице, остановился, поглядел на Турфанга:

– Как же так? – проговорил он.

– Все мы умрем, – спокойно ответил жрец. – Не думай о мертвых, думай о живых.

Виг кивнул.

– Пошли наверх, – сказал он.

– Достойнейший! – воскликнул палач. – Что прикажешь делать с этой?

Ответил Турфанг.

– Отвяжи и накорми. И держи ее подальше от открытого огня, если не хочешь поджариться. Мы побеседуем с ней позже.

Южная эскадра Империи вышла в море Зур на четвертый день третьего месяца осени. Ближе к полудню дозорный на мачте флагмана крикнул, что прямо по курсу – конгайская почтовая шекка. А еще через час командующий эскадры светлейший Эрд Асенар узнал: его друга Тилода Зодчего больше нет среди живых. К вечеру того же дня большая часть эскадры, как и предполагалось, совершила полный поворот и взяла курс на север. Флагман же в сопровождении еще трех кораблей продолжал идти на юг. Адмирал Эрд пожелал в последний раз взглянуть на своего друга. Кроме того, здесь, в южных водах, именно он, Эрд Асенар, олицетворял Империю. А Империи тоже следовало отдать последний долг правителю, не одно десятилетие бывшему ее другом.

Еще один друг Тилода Зодчего узнал о смерти Владыки Конга значительно позже. Впрочем, получи он весть вовремя, это ничего бы не изменило. Страж Севера Нил Биоркит во главе десяти тысячного войска спешно двигался на запад. А навстречу ему безумной волной катились орды магхаров. Что-то произошло там, на Проклятых землях. Позднее маги постараются выяснить, что именно. Но сейчас армия Нила должна была стать тем камнем, о который разобьется смертоносный вал. Такое уже случалось: порождения Проклятых земель врывались в пределы Империи, натывались на копья ее стражей и отбрасывались назад. А потом долго хольдские патрули отлавливали и убивали уцелевших тварей. Страж Севера Нил еще не знал то, что было известно в Вагаровых горах, где спешно собравшиеся старейшины Малого Народа уже избрали туринга – военного вождя, – и сорок сотен вооруженных вагаров двинулись наперерез проклятому полчищу. Практически одновременно со сторожевым войском Империи. Не ведал Нил и того, что шестеро рунских

магов призвали своих драконов и также устремились на север. Потому что знали: на сей раз вал может захлестнуть камень и покатиться дальше, неся смерть всем, кому дарована жизнь.

Данил открыл глаза и не увидел неба. А между тем лицо его обдувал ветер, а ладонь чувствовала землю и траву на ней. Первое движение – к поясу. Данил вздохнул с облегчением: меч на месте. И руки-ноги тоже. Ровный свет, свежий воздух. Больше ничего. А между тем Данил лежал на спине и смотрел вверх. Светлорожденный прислушался... Ничего необычного. Кроме тишины. Незнакомый запах. Приятный. Данил осторожно перевернулся на живот. Теплая земля, ровно поросшая серо-зеленой тонкой травой, легкий туман. Вставать Данил не спешил. Лежащий привлекает меньше внимания. Неплохо бы знать, где он. И как сюда попал. Последнее воспоминание – полет в черную бездну. Все что раньше, помнилось смутно. Вроде бы его пригласил какой-то чародей. Куда и зачем? Вопросов явно больше, чем ответов. Данил выждал еще минуту. Вроде никто не собирался на него нападать. Светлорожденный встал. Все что дальше двадцати шагов, поглощала дымка. Ждать или идти? Для Данила выбор был очевиден: он двинулся вперед. Или назад. В тумане все пути одинаковы. Странно, в воздухе не ощущалось влаги. Выходит, этот туман – не сгустившийся пар, а нечто иное? Данил считал шаги. Когда он дошел до ста тридцати, из тумана проступило нечто, напоминающее округлый бугор высотой около четырех локтей. Еще несколько шагов – и оказалось, что это не бугор, а удлинённый валун, покрытый все той же сероватой травой. Поскольку он был единственным украшением однообразного ландшафта, Данил подошел поближе и... На макушке валуна внезапно обнаружился тусклый серо-зеленый глаз на коротком крабьем стебельке. Данил не успел даже как следует удивиться, а глаз уже втянулся обратно у лунку, поверхность валуна, чмокнув, разъехалась, образовав подобие воронки, и в следующее мгновение светлорожденный оказался внутри, в полной темноте, сдавленный со всех сторон так, что, даже будь здесь воздух, вдохнуть Данил все равно не смог бы... А еще через мгновение ловушка раскрылась и светлорожденного выплюнули (самое подходящее слово) наружу. Совершенно ошеломленный, Данил сидел на траве и глядел, как из земли уходит ввысь серая колонна, унося на своей вершине хищный валун, который побрезговал отужинать благородным потомком Русов.

Боковым зрением Данил уловил сбоку какое-то движение. Он быстро повернулся. Воистину это был час неожиданностей. В двух шагах Данил увидел себя, сидящего на корточках и наблюдающего за поднимающейся из земли колонной.

Второй «Данил Рус» негромко прищелкнул языком.

– Не обижайся, – сказал он, не поворачиваясь.

«Не обижайся?» – Светлорожденный ничего не понимал. Но оказалось, обращаются не к нему. Серая колонна остановилась и, помедлив немного, начала втягиваться обратно.

Человек повернулся к Данилу, и сын Волода Руса понял: не так уж они похожи. Просто в жилах обоих течет кровь Асхенны.

– Прости за неприятные мгновения, – сказал человек. – Я не мог прийти сразу. Но не беспокойся: ничто здесь не причинит тебе вреда, Данил Рус!

– Где я? – спросил светлорожденный.

– У меня в гостях.

– Не соблаговолишь ли ты в таком случае назвать свое имя, достойный?

Человек улыбнулся, и Данилу показалось: его собеседник – совсем юн, куда моложе светлорожденного.

– В прежние времена друзья звали меня Сантан.

Дракон принес Унгата в Гурам следующей ночью. И сразу улетел. Чародей отпустил его: оставшиеся до Хушена¹⁷ десять миль он мог пройти и собственными ногами. Миновав

¹⁷ Хушен – столицы государства Гурам, расположенного на северо-западе Красного материка.

предмestья, Унгат перебрался через развалины крепостной стены и сразу оказался на узкой улочке, зажатой боками домов. Случайных прохожих здесь не было. Поэтому не было и воров. Пару раз чародею попались навстречу стражники, но Унгат отвел им глаза. А вот у Весеннего Дворца Правителя, отданного нынешним Владыкой Гурама в вечное пользование Алчущим Силы, магией пользоваться не стоило. Да и не требовалось: стража знала Унгата. Миновав погруженный в темноту сад, Унгат проник во дворец через одну из десятков малых дверей и уверенно направился в Яшмовую залу. Он ничуть не сомневался: ни в эту ночь, ни в прошлую, ни в будущую никто из властных обитателей Весеннего Дворца не станет спать.

Их было девять, и каждый – сильнее Унгата. Разумеется, они знали о его возвращении. Унгат молча поклонился каждому и начал говорить. Когда слов оказывалось недостаточно, чародей прибегал к помощи иллюзий. Когда же и иллюзий не хватало, Унгат приоткрывал часть сознания, чтобы каждый из девяти мог воспринять информацию без искажений. Впрочем, последнее понадобилось, лишь когда Унгат повествовал о Силе, с которой столкнулся прошлой ночью.

Закончив, Унгат опустился на бархатные подушки, и глухонемой раб тут же поднес ему чашу. Кто из девяти приказал рабу, Унгат не знал. Но знал, что чаша – хороший признак. Значит, они не считают, что он провалил дело. Да и почему, собственно, провалил? Соглядатай установлен и мертв, посланник тоже, а само послание покоится на дне моря Зур. К тому же он принес весть о Необычном. Унгат не прятал мыслей. Пусть Девятеро знают: он честен.

И его удостоили. Первый из Девяти, Возрожденный, открыл Унгату неслыханное. Они нашли! Пятеро братьев проникли в сердце Красной Тверди и там, в Запретных землях, отыскали, наконец, Истинную Силу. И теперь уже не важно, останется ли в живых северный Император или умрет. Теперь не флот Гурама, не монахи Хуриды и не восстание в Тайдуане или Конге решают судьбу Мира, а она, Истинная Сила. Но, конечно, ни пираты, ни гурамцы не окажутся лишними. Тем более что хуридиты уже в сорока милях от Орэлей, а боевые корабли Гурама завтра утром выйдут из Ковровой бухты. Теперь Унгат понимал, что встретилось ему прошлой ночью. Понимал и радовался. Ему уже дали понять: его не оставят в стороне. Скоро он полетит в Конг, чтобы довершить начатое. Напоследок Возрожденный показал ему то, что творит подвластная Алчущим Сила, и сердце Унгата наполнилось ликованием от такого торжества. Воистину приближалось великое время!

Драконы летели неполным клином. Мощно взмахивали огромные крылья, тянулись вперед треугольные головы. Драконы спешили. Вернее, спешили их всадники – драконы никогда не спешат. Драконы летели так близко, что всадники могли переговариваться. И они не упустили такой возможности. Ведь на земле они так и не успели обсудить и осмыслить пришедшую с запада беду. Разумеется, были пророчества. Самые мрачные. Но кто из рунских магов первой величины принимает в расчет болтовню прорицателей? Да никто. Собственное чутье и факты – вот что движет искателями мудрости. Чувственный аспект магии большинство рунских чародеев оставляли Алчущим. Как недостойное. Впрочем, находились и те, кто не разделял общих взглядов. Что ж, в Мире достаточно уединенных мест, где никто и ничто не помешает магу постигать истину так, как ему по вкусу. У шестерых, летящих вслед заходящему солнцу, разногласий в путях постижения не было. Но каждый по-своему оценивал небывалое по численности вторжение. И обсуждение разных гипотез приятно скрашивало долгий полет. А под крыльями, внизу, проплывали зеленые поля южного Хольда, перемежающиеся кудрявыми полосками леса и желтыми, похожими на грибы, скоплениями домов. Добрая ухоженная земля. Подлинная основа Империи.

Серое облако, затмившее уходящее солнце, драконы заметили первыми, но особого внимания на него не обратили. Облако и облако. А увлеченные беседой маги и вовсе позабыли об осторожности. Они же дома, а не где-нибудь на границе диких земель. Когда

один из чародеев, Скриптус Большая Рука, вдруг сообразил, что облако принадлежит к доселе неизвестному виду, и оповестил об этом своих соратников, было еще не поздно. Но все шестеро, вместо того чтобы, объединившись, прозреть природу облака, пустились в приятный и утонченный спор. И опоздали. Облако рассеялось, явив взорам нечто невиданное.

Клин распался. Шестеро драконов круто развернулись и унеслись прочь. Уже без всадников. А серое облако вновь сгустилось и полетело на запад. Хотя ветер дул с юга.

– Выходит, ты спас мне жизнь, – сказал Данил. – Благодарю тебя.

– Пустое, – отмахнулся Сантан. – Это проще, чем вернуть тебе память.

– Память?

Сантан посмотрел ему в глаза, завеса, сотканная Алчушим, растаяла и потерянное прошлое, ручеек воспоминаний, потек в сознание Данила. Сначала – горящий корабль в Воркарской гавани, потом... Данил посмотрел на руку. Слава Туру, браслет был на месте. Светлорожденный снял его, отсоединил капсулу и протянул ее своему спасителю. Тот кивнул, легко разломил капсулу пополам и расправил узкую бумажную полоску. Прочитав, молча протянул ее Данилу.

«Крылатая змея – светлейшему Володу. Для Большого Совета.

Начало – на шестой день третьего месяца осени. Участвуют Гурам, Хурида, тайдуанские Алчушие. В Хуриде уверены: Конг и Империя не смогут драться. Почему, в Святом Братстве не знают: так сказал Наисвятейший. Опасаются только Урнгура, но рассчитывают на помощь гурамиди и чародеев. Это все».

Данил поднял глаза.

– Не верю! – проговорил он. – Почему Империя и Конг не смогут драться? Это же чушь!

Сантан покачал головой. Лицо его вдруг показалось Данилу совсем старым.

– Завтра на всех башнях Конга поднимут белые флаги, – сказал он.

Данил не понял: он плохо знал обычаи Конга.

– Траур, – сказал Сантан. – Вчера, в шестой день третьего месяца осени умер мой отец, Тилод Зодчий.

О Ниминоа Данил вспомнил только под утро.

V

Виг и Турфанг спустились в подвал. Пленница уже была здесь, растянута между четырьмя кольцами.

– Холодно, – жрец поежился. – Почему печь не топишь? – сердито сказал он палачу.

– Приказ вашей мудрости, – ухмыльнулся одноногий.

Увечье не лишило его чувства юмора.

– Десятник! – рыкнул Виг, и палач заковылял к очагу.

Пока он возился с растопкой, чародей подошел к пленнице, заглянул ей в глаза.

– Ну что, хуридитка, – сказал он. – Одумалась?

Длинный на этот раз сбросил свое тряпье, оставшись только в красной набедренной повязке. На груди его была изображена черная бычья голова, выдыхающая красное пламя. Голый, он не выглядел оборванцем. Наоборот, обрел какое-то неопределимое величие. Ниминоа он внушал страх. Во имя Величайшего! Что ему нужно?

Человек с головой быка угадал ее мысли.

– Как тебя зовут? – спросил он.

– Ниминоа, – прошептала девушка. – Дочь купца Гривуша из Кариомера.
– Гривуша? – повторил жрец. – Что ж, хорошее имя для контрабандиста-хуридита. Это он был с тобой?
– Моего отца убили святые братья, – монотонно произнесла Ниминоа.
– Сочувствую, – холодно сказал человек с бычьей головой. – И кто же был с тобой?
– Светлорожденный Данил Рус, – Ними знала: длинный ей не поверит, но цеплялась за имя как за последнюю надежду. Это имя – все, что у нее осталось.
– Жаль, – сказал человек с бычьей головой. – Палач, ты закончил с дровами? Отлично! Займись-ка своей главной работой.

– Погоди, – остановил палача Виг.
У командующего возникло ощущение: что-то не так. А ощущениям своим Виг доверял.
– Может, колдунья говорит правду, Турфанг?
– Правду? – Жрец улыбнулся. – Правду, которая заключается в том, что светлорожденный из рода Русов якшается с Алчущим Силы и нянчит колдунью-хуридитку?
– Думаешь, это невозможно?
– Не думаю, а уверен! – отрезал жрец. – Палач! За работу!
Турфанг был сердит. Внезапная смерть Владыки Конга пахивала магией. И он, жрец Быкоглавого, должен сейчас лететь в Ангтьян, а не возиться с упрямой хуридиткой.
Кнут свистнул в воздухе и с характерным звуком полоснул по коже. Ниминоа вскрикнула. Кнут свистнул еще раз...

– Раньше ты не мучил девушек, Виг, – раздался спокойный голос.
Командующий обернулся: на лестнице стоял человек. Первая мысль: как его пропустила стража? А вторая...
Командующий поднялся, мотнул головой, словно отгоняя наваждение: нет, глаза его не обманывали. Но это же невозможно!

Ниминоа подняла голову. Слезы туманили глаза, но ни слезы, ни боль не могли помешать ей узнать того, кто пришел. Это было невозможно, но – было. В пятнадцати шагах от нее на ступенях каменной лестницы стоял светлорожденный Данил Рус.

– Освободитель! – воскликнул Виг. – Сантан!
Пришелец улыбнулся. О, командующий помнил эту улыбку! Виг просиял. Он вновь почувствовал себя молодым. Освободитель! Конечно, разве Тилод – не его отец? Разве не долг сына – явиться на похороны отца?
Турфанг схватил командующего за плечо, с силой встряхнул.
– Глупец! – зарычал он. – Это морок! Прочь!
– Ба! – сказал пришелец мощным басом северянина Нила Биоркита. – Никак кое-кто отрастил себе бычьи рога? А как насчет остальных причиндалов?
Пришелец шагнул вперед, а Турфанг отпрянул.
– В сторону! – закричал жрец Вигу, оказавшемуся между ним и пришельцем.
Командующий отскочил к стене. Он не знал, верить ли собственным глазам или словам старого друга? В любом случае, встать между двумя чародеями может только самоубийца.
Пришелец, так похожий на Сантана Освободителя (ничуть не изменился за все эти годы), все еще улыбался. Улыбался, даже когда черная бычья голова на груди жреца вдруг ожила, повернулась и выдохнула тугую красную струю пламени. Но струя не долетела до цели. Пришелец двинул бровью – и огненный стол ослабел, согнулся к полу и рассеялся. Пришелец поднял руку и сделал такой жест, будто вывинчивал пробку из бурдюка. Турфанг взвизгнул неожиданно тонким голосом, ноги его оторвались от пола. Извиваясь и дергаясь, как вытянутая из норы змея, жрец медленно перевернулся в воздухе и повис в локте над полом головой вниз.

Ниминоа не верила своим глазам. Перед ней стоял Данил, но Данил не мог...

Не обращая внимания на изрыгающего проклятия жреца, пришелец подошел к пленнице, шепнул что-то — и ремни, обвившие ее руки, рассыпались, а следы от кнута исчезли. Колени Ниминоа подкосились, но пришелец шепнул еще одно слово, и невидимые руки подхватили девушку...

Спаситель наклонился к Ниминоа, и девушка поняла: это не Рус. Только очень похож на Данила.

— Ними, девочка,— произнес спаситель по-хуридски голосом Гривуша.— Не бойся. Я не позволю им тебя мучить.

Незримые руки все еще держали Ниминоа в нежных объятиях, а похожий на Данила незнакомец уже отошел от нее. Двигался он странным скольльзящим шагом, почти не касаясь пола. Незнакомец остановился перед Турфангом. Жрец рычал от бессильной ярости и унижения.

Незнакомец поднял ладонь, и жрец «всплыл» еще на пару локтей. Пришелец заглянул ему в глаза.

— Прекрати,— спокойно сказал похожий на Данила незнакомец. И Турфанг заткнулся. Пришелец с полминуты глядел на него, потом щелкнул пальцами: жрец медленно опустился на пол, тут же сделал попытку подняться, но не смог справиться с головокружением.

Незнакомец глянул на палача, предусмотрительно убравшегося подальше.

— Помоги ему,— приказал человек, похожий на Данила.— А то еще голову расшибет.

Наконец наступила очередь терявшегося в догадках капитана-коменданта Ангбиона.

— Виг,— строго сказал пришелец.— Я знаю, что могу тебе доверять. Позаботься о девушке. Как о своей дочери. Не подведи меня, Виг!

— Да, Освободитель!

Командующий больше не сомневался. Он помнил: когда Сантан просит — ему невозможно отказать. И не верить — невозможно.

— Ты еще вернешься? — спросил старый воин.

Сантан улыбнулся. Той, прежней улыбкой восемнадцатилетнего юноши-певца.

— Да, Виг,— сказал он.— Конечно, я вернусь.

* * *

— О ней позаботятся,— сказал Данилу тот, кого когда-то звали в Конге Освободителем.— Теперь, светлорожденный, займемся делами твоей родины.

* * *

— Великий Тур! — выдохнул командир хольдской пехоты тысяцкий Хаггард.— Сколько их!

Пятнистый поток магхаров залил ущелье. Сотни тысяч тварей. Нилу показалось: он чувствует их вонь. Но это, конечно, было невозможно. Между отвратительной ордой и его войском еще оставалось милю полторы. Да и ветер дул с востока, в спину.

Нил прикинул: уже сейчас на каждого из его бойцов приходится с полсотни тварей. А сколько еще осталось за гребнем?

— Они нас растопчут,— сказал светлорожденный Хаггард. Просто отметил, как факт.

— Поглядим,— буркнул Страж Севера.

Нил был старше своего тысяцкого на сорок лет, но выглядел ровесником Хаггарда: сказывалась кровь вагаров.

Светлорожденный посмотрел на своего командира. Реализм боролся с надеждой.

Все-таки Нила Биоркита считали любимцем Тура. И сыном удачи. Чтобы выжить в мясорубке, которой станет через четверть часа восточное горло расщелины, потребуется целая гора удачи.

Тень облака накрыла ущелье.

«Плохо,— подумал Хаггард.— Большинство магхаров терпеть не может солнца. Великий Тур! Откуда их столько? И сколько их вообще на Проклятых землях?»

Светлорожденный поглядел вниз.

Четыре тысячи тяжеловооруженных копейщиков выстроились тремя параллельными линиями. Перед первой — тройная шеренга арбалетчиков. Выкрашенные зеленым доспехи копейщиков сливались с растительностью. Так же, как и защитные куртки стрелков. Четыре тысячи копейщиков, четыре тысячи стрелков и две тысячи всадников, практически бесполезных в грядущей битве. Парды не способны держать неподвижный строй. Всадники — резерв на случай прорыва.

Хаггард вздохнул.

— Пойду к своим,— сказал он.

Командир кивнул, и тысяцкий начал спускаться по заросшему диким виноградом склону. Тень облака ползла по ущелью. Чуть быстрее, чем накатывающаяся орда магхаров.

Нил остался один. Телохранителей он отослал в строй: дюжина бойцов не решит исхода битвы, но лишней точно не будет. Не нужны Нилу ни телохранители, ни вестовые. Первых заменит меч, вторых — рожок. Сын вагара охотно последовал бы примеру Хаггарда и тоже встал в строй, но — нельзя. У каждого воина в битве свое место, и место Нила Биоркита здесь, на сто локтей выше ошестинившихся копьями шеренг.

— Недурно бы узнать, что их гонит,— произнес голос за спиной.

Нил стремительно развернулся, всем телом сразу. Тяжелый меч, узкий хармшарков клинок в локоть длиной наполовину выскользнул из ножен... и вернулся обратно. В трех шагах от Стража Севера стояли двое. Один — младший сын Волода Руса Данил. О нем говорили: погиб два месяца назад. Нил ощутил тройную радость: за Волода, за Данила и за себя — сын вагара любил парня. Второй, спутник Данила, походил на Руса как родной брат. Нил узнал его не сразу: кровь Асенаров текла в жилах почти сотни светлорожденных, и каждый выглядел едва ли не точь-в-точь как легендарный Асхенна. Но только у одного были зеленые глаза. И только один...

— Сантан? — негромко проговорил Нил.

— А то кто же? — отозвался тот, кого сын вагара уже и не надеялся увидеть.— Многовато их, брат, ты не находишь? Склонен думать, кто-то помог им собраться вместе. Что скажешь?

— Не знаю,— проворчал Нил.

Жестокая реальность проглотила радость встречи.

Сантан кивнул. Нет, он все-таки изменился. Это издали он выглядел намного моложе Данила Руса. Издали. Он очень старался выглядеть, как раньше. Но Нилу почему-то вспомнился тот страшный миг, когда его сжимала каменная рука бога. И даже полчища магхаров как бы отступили на второй план. Хотя не пройдет и десяти минут, как проклятая волна ударит в щиты его воинов.

— Да,— сказал Сантан.— Пора. Смотри, брат. На это стоит посмотреть.

Он поднял руку и произнес вполголоса:

— Арш махд аршарх.

Серое облако, повисшее над ущельем, рассеялось.

Нил с силой сжал рукоять меча. Прищурившись, глядел он на то, что никогда не смог бы описать. Глядел на мертвое солнце мертвого неба, и ему вдруг показалось: Врата распахнулись, и глаза Нижнего мира обратились на Мир живых.

Шесть столбов уперлись в землю. Гигантские ноги чудовища, настолько кромешно черные, насколько ослепительно было его тело. Пронзительный вой затмил визг тысяч магхаровых глоток. Шесть непрерывных потоков беспомощных тел устремились вверх.

Шесть смерчей плавно двигались по ущелью. Там, где они прошли, не оставалось

ничего. Магхары даже не пытались спастись. Только несколько тысяч докатились до воинов и, прореженные залпом арбалетчиков, были приняты на копья хольдской пехоты. Воинам легче, чем их командиру. У воинов – дело. Великий Тур! Нил Биоркит, которого некогда называли Неуязвимым, очень редко испытывал страх. Может, пару раз в жизни. И сейчас...

– Проголодалась, – ласково сказал Сантан.

Его тихий голос был отчетливо слышен сквозь истошный вой чудовища.

– Что это? – Нилу, в отличие от Сантана, приходилось кричать.

– Окрыленная колесница Властителя Махд-Шагош, – ответил сын Тилода. И добавил после небольшой паузы: – Моя колесница.

Нил перевел взгляд на Данила. В глазах Руса плескался ужас.

Сантан резко сжал пальцы. Вой смолк. В вибрирующей тишине вспыхивали и гасли разрозненные вопли уцелевших магхаров.

Сантан опустил руку на плечо Данила и сказал, обращаясь к Нилу:

– Пришлось, брат. Алчущие нашли, что искали. И забыли, что настоящий боевой пард признает только хозяина. Кому хватит смелости, может сесть в седло. Но тому, кто не усидит, зверь вырвет глотку. Я прав, брат?

– Ты хочешь вернуть времена Махд-Шагош? – хриплым голосом спросил Нил.

– Не знаю, – Сантан сделал жест – и серое облако вновь скрыло ослепляющий огонь. – Время сохранило почти все, что стоило сохранить. Кроме главного.

Нил посмотрел на потерянного друга. Он ждал ответа.

– Я мог бы вернуть прошлое, – сказал Сантан. – Но зачем?

VI

Капля пота стекла по виску Эрда. Палило солнце, мутный жар тек от погребального костра, раскаленный воздух поднимался от раскаленных камней. Никаких скорбных мыслей не осталось: жара съела все.

Справа от Эрда точно так же истекал потом великий сирхар Урнгура достоправный Биорк Эйриксон, слева бормотал прощальную молитву верховный жрец ангтьянского храма Быкоглавого Дуантур. Этот от жары не мучился, привык.

Эрд украдкой разглядывал шеренгу конгайских правителей. Незнакомых лиц хватало, но знакомых оказалось больше. Керанраон, Ганг, Кэнау, Рех, Ратсай... Тилод никого не забыл. Тысячников, сотников, чиновников, первыми поддержавших новую власть. По другую сторону костра – конгаи рангом помельче и жители Ангтьяна, мужчины, женщины. Многие плакали. Эрд посмотрел поверх голов на легкие, устремленные ввысь башни дворца. В одной из башен – Эйрис. Общими усилиями ее уговорили остаться. Друзья опасались: бросится в костер. По старинным законам Конга никто не смел остановить жену, пожелавшую последовать за мужем. Да и кто сумел бы остановить Черную Охотницу Эйрис? Эх, Тилод, Тилод! Да будет милостива к тебе Кала! Да будут милостивы боги к благословенному Конгу! Владыка его ушел, не оставив наследника, а Эйрис, как ни взгляни, чужеземка.

«Кто из вас?» – думал светлейший, разглядывая смуглые скорбные лица. Ганг? Керанраон? Оба – почти ровесники Тилода. Но превратится ли мирное соперничество в открытую войну? А может быть, есть кто-то третий? Эрд давно не был в Конге и не знал, за кем пойдет его народ. Эх, Тилод, Тилод!

Тень одинокого облачка накрыла площадь. Эрд вздохнул с облегчением, но тут Биорк тронул его локоть, показал на море. Корабли. Далеко, не разглядеть.

– Чьи? – шепотом спросил светлейший.

– Гурам.

Может быть, Владыка Владык тоже пожелал попрощаться с Тилодом Зодчим? Хорошо если так. В последние годы Конг и Гурам не очень ладили. Кое-кто даже жалел, что омбамту так основательно разгромлены. Все-таки общий враг.

– Сколько?

– Около сотни.

Эрду это совсем не понравилось. Особенно это не понравилось адмиралу Эрду. Адмирал Эрд предпочел бы видеть сейчас не три своих корабля и пару-тройку конгайских сторожевиков, а всю Южную эскадру Империи. Что бы, интересно, сказал светлейший Эрд, если бы узнал: его эскадра на всех парусах движется на запад и не куда-нибудь, а на Воркар. Потому что ровно три часа назад флагман-капитан Алев, временный командующий эскадрой, получил весть: хуридиты сожгли Орэлею, красивейший из городов Империи, а может быть, и всего Мира.

Серый погребальный дым поднимался вверх. Серое облачко, подарившее людям милосердную тень, опускалось вниз. Вопреки всем законам природы. Но на него никто не обращал внимания. Теперь уже не только острые глаза вагара могли разглядеть желтые паруса Гурама. И почти каждый задавался вопросом: зачем плывет к Ангтьяну этот чужеземный флот? И ответы выходили сплошь неприятные.

– Эрд, – сказал сирхар Урнгура. – Пойдем-ка к нашим конгайским друзьям.

– Тысяча демонов, – проворчал Дракон Севера Ганг. – Почему я, дурень, взял с собой только личную охрану?

– Хороший вопрос, – буркнул Дракон Юга Керанраон, который тоже ограничился лишь сотней телохранителей. – И куда глядели наши разведчики?

– Сколько в Ангтьяне воинов? – спросил Эрд.

Ганг выругался.

– Тысячи полторы, – ответил Керанраон.

– Моих – около тысячи, – сказал Эрд. – А если кликнуть ополчение?

Керанраон подумал немного:

– Тысячу, может, и наберем. Против такого флота – пардам на смех.

– А башни в гавани?

– Это не башни, а украшение, – проворчал Ганг. – Наш Владыка строил дворцы, а не крепости.

– Защита страны – не крепости, а воины! – вступился за покойного Керанраон.

– И где же эти воины?

– Достойные, – вмешался Биорк. – Не будем спорить о стратегии. Давайте займемся делом.

Керанраон и Ганг одновременно посмотрели на погребальный костер, потом – на маленького сирхара. И совершенно одинаковым движением наклонили головы.

Комментариев не требовалось.

– Идемте-ка вниз, – сказал Биорк.

И тут их всех объял серый туман.

Эрд слышал вокруг голоса, но ничего не видел дальше протянутой руки.

– Биорк!

– Я здесь, – пальцы вагара сжали локоть светлейшего. – Оу, отзовитесь, кто меня слышит!

Ответило не меньше полусотни голосов.

– А теперь – тихо. Говорить буду я, а остальные пусть сходятся на звук. Как ты думаешь, светлейший, что это за фокус?

– Облако, – не раздумывая ответил Эрд. – Оно с самого начала показалось мне странным.

– Если это облако, то нам беспокоиться нечего, – заявил Ганг. Он уже стоял рядом с северянами. – Любое облако имеет пределы.

– Разумно, – согласился вагар. – А теперь, достойные, возьмите друг друга за руки и потихонечку двинемся на запад. Там, кажется, посвободней и здания поближе.

– Хотел бы я знать, где тут запад! – заметил кто-то.

– Думаю, что я знаю,– спокойно произнес вагар.– Все взялись? Отлично. Тогда медленно и аккуратно... марш!

– Хорошая была идея,– сказал Эрд, когда они прошли добрых три сотни шагов.– Занятное облачко!

– Стой,– скомандовал Биорк.– Значит, мы имеем дело с магией. У кого есть предположения?

Никто не ответил. Среди угодивших в ловушку, как назло, не оказалось ни одного мага. Хотя на площади их оставалось не меньше десяти.

– Светлейший,– сказал вагар.– Насколько я помню, Меч Асенаров с тобой?

«Старею,– подумал Эрд.– Должен был сам вспомнить».

И положил руку на эфес.

Серый туман исчез. Эрд снова увидел площадь, погребальный костер, толпу чуть поодаль. И с полсотни людей, почтенных и достойных, взявшихся за руки, словно дети, и обративших к нему напряженные лица. И только через мгновение светлейший заметил: огонь погребального костра неподвижен. Прозрачные красноватые языки застыли, как нарисованные, застыл, вскинутый ветром, шелковый флаг и всплывшие вверх лоскутки пепла.

Не выпуская меча, Эрд шагнул вперед... и картина ожила. Затрещал костер, люди задвигались, заиграл золотой Дракон на флаге... И взгляды всех, кто был на площади, пересеклись на светлейшем. Почуввав недоброе, Эрд обернулся...

Все, кого накрыл серый туман, исчезли. Вместе с туманом. Площадь за спиной Эрда была пуста.

– О Владыка Судеб! – проговорил Данил.– Как же так?

– Мы опоздали,– спокойно произнес Сантан.– Но ты должен это видеть.

Прекрасной Орэлеи больше не было. Не было ее вишневых садов и воздушно-легких храмов. Не было ни великолепных дворцов, сложенных из желтого и белого мрамора, ни фонтанных каскадов. Кровь и пепел смешались в бассейнах увеселительных парков. Кровь и пепел запятнали солнечные площади. Данил видел, как один за другим ползут вверх страшные возы погребальных команд. Тысячи мертвых, десятки, сотни тысяч. Хуридиты не щадили никого и ничего. Орэлея. Драгоценный камень Аркиды. Как Данил любил этот город! Как любил его каждый, хоть раз ступивший на его площади! Все, что невозможно убить, сожжено, все, что невозможно сжечь, осквернено и изуродовано. Данил увидел на мостовой две отрубленные женские руки: одну – из мрамора, вторую – из плоти.

– Посторонись! – сердито крикнул погонщик.

Железный обод раздавил мрамор, а затем размазал по мостовой то, что было когда-то живым. Волы равнодушно повлекли повозку дальше. Они уже принялись к крови. Привыкли. Людям – труднее.

– Когда-то жили в Конге такие существа, соххоггои,– сказал Сантан.

Данил бросил на него быстрый взгляд.

– Нил говорил, они были нелюди, вроде магхаров.

Сантан покачал головой.

– Нет, друг мой, они не были магхарами. Они – слуги, пережившие хозяев. Всего лишь слуги, верные и преданные, благородный Данил. И это самое страшное, воин. Слуги, взявшие то, что им не принадлежит, и возомнившие, что хозяину это понравится. А потом пришел хозяин, и ему это совсем не понравилось.

Сантан засмеялся. Данил смотрел на него с ужасом. Разум его отказывался воспринимать слова спутника. Поверить в то, что этому магу с лицом восемнадцатилетнего юноши ведомы времена до Эпохи Перемен. И не просто ведомы.

– Смотри, воин,– сказал Сантан.– Смотри и запоминай. Это избавит тебя от вредной жалости.

И Данил смотрел до тех пор, пока не понял: хватит.

Повернувшись к своему спутнику, светлорожденный вынул меч, коснулся губами клинка:

– Клянусь именем Повелителя Судеб,— произнес он.— Клянусь, что не успокоюсь, пока последний хуридский монах не отправится в Нижний мир!

Мимо катились погребальные возы, прошагал отряд воинов-моряков. Черный пепел прилип к их лицам. Никто из них не обратил внимания на человека с мечом в руке.

– Хорошо,— сказал тот, кого называли Освободителем.— Теперь ты в руках Судьбы. А сейчас пойдем, пора мне позаботиться и о благословенном Конге.

Ангтьянская гавань горела. Горели башни форта, горели торговые суда, горели военные корабли, малые и большие. Горел флагман Южной эскадры и еще два больших боевых корабля Империи. Они сражались до последнего, но сто шесть кораблей – слишком много даже для флагмана Южной эскадры. Почернел и обуглился Белый Меч Асенаров. Почернела и обуглилась кожа светлейшего Эрда. Лежать им вместе на желтом песке залива Донхен. Не такой уж плохой конец для старого воина и его меча.

Когда с тремя имперскими кораблями было покончено, эскадра Владыки владык в три залпа сокрушила все, что могло оказать сопротивление на море, а затем пятьдесят тысяч солдат-гурамиди сошли на берег. Сошли и двинулись к дворцу Владыки Конга, устлая просторные улицы Ангтьяна трупами тех, кто не успел бежать.

Три тысячи конгаев собрались во дворце. Все, кого удалось собрать Эйрис. Будь дворец Владыки крепостью наподобие той, что стояла в Далаанге, может быть, его и удалось бы отстоять. Но дворец, построенный Тилодом Зодчим, не мог противопоставить врагам ничего, кроме красоты. А красота сама нуждается в защите.

Гурамиди с ходу, обломком колонны вышибли резные двери, опрокинули дворцовую стражу и, разделившись на несколько десятков отрядов, рассыпались по дворцу. Кое-где они встречали сопротивление. Кое-где им даже приходилось отступать. На некоторое время. Но не прошло и часа, как последних защитников подняли на копья, и теперь никто уже не мешал захватчикам предаться самой веселой из солдатских игр – грабежу.

Эйрис среди убитых не было. Черные Охотники из личной стражи Владыки позаботились о ней по-своему. Шесть всадников стояли на холме в десяти милях от дворца. Причем руки одного из всадников были крепко привязаны к луке высокого седла. Эйрис не пыталась освободиться, ей было все равно. Пятеро смотрели на дорогу. И через четверть часа увидели небольшой отряд, скачущий на запад.

Только половина Черных Охотников сопровождала Эйрис-Харрок. Вторая половина задержалась: приготовить последний подарок Харрок, Возжигающей пламя.

И еще раньше, чем оба отряда соединились, полыхнуло огненное зелье в подвалах ангтьянского дворца. И Черная Эйрис смотрела на огонь, охвативший лучшее из творений ее мужа, и улыбалась. Потому что очень многим гурамиди огонь этот заменит пламя погребального костра.

И тут один из Охотников негромким возгласом привлек к себе внимание. Нечто, не поддающееся описанию, возникло в воздухе над синим заливом Донхен.

– Что это? – спросил самый молодой из Охотников.

Никто ему не ответил. Но спустя всего лишь десять ударов спокойного сердца, когда огненный демон выдохнул, ответ узнали все. Демон выдохнул – и один из больших кораблей гурамской эскадры, крутобокий четырехмачтовик с отделанными бронзой портами баллист, вспыхнул и за долю мгновения превратился в белый легкий пепел. Демон выдохнул еще раз – и еще один корабль обратился в летучий прах. И еще.

Черные Охотники переглянулись. Приятно убедиться воочию, что старейшины говорили правду: демоны дышат чаще, чем люди.

Конец четвертой части

Часть пятая МЕРТВОЕ НЕБО

И даровал Неизъяснимый немногим из них способность творить волшебство. И иные искусства даровал, о коих нынче помнят или забыли. И стали люди сильны. Стали некоторые из них – как боги. И возомнили себя выше богов. И забыли Неизъяснимого. И стали для братьев своих страшнее демонов. И даже боги были бессильны, ибо исходила мощь повелителей магов из первозданных алчущих бездн.

И разгневался Неизъяснимый. И встал над миром День Гибели, коий еще называют Эпохой Перемен, ибо длился не день, не год и не век. Ибо что для Неизъяснимого – час, то для человека – вечность. И пали повелители-маги. Воды поглотили дворцы их и земли их. И стерлась память о них.

Гурамская легенда

I

Сантан покатал между пальцами вишневую косточку.

– В конце концов, любой город можно отстроить,– сказал он.– А вот вернуть из Нижнего мира твоего мужа – возможно ли это?

Эйрис смотрела на того, кто когда-то был ее сыном, и кожей чувствовала исходящий от него холод. И она почти верила: ему под силу вернуть жизнь Тилоду. Вернуть ему плоть, сгоревшую на погребальном костре.

– Нам всегда приходится выбирать,– задумчиво произнес Сантан.

Вишневая косточка на его ладони раскололась, выпустив крохотный зеленый росток.

– Предположим, нам придется выбирать между спасением Ангтьяна и спасением его зодчего. Ты, мать, безусловно, выбрала бы Тилода. А он сам?

Вопрос прозвучал неожиданно резко, как щелчок спущенной тетивы.

Эйрис посмотрела вниз. Дворец все еще горел. Третий день. Некому было гасить пожар. Да и незачем. Что выбрал бы Тилод? О, Эйрис-Охотница знала ответ. Она подняла взгляд. Ах как похожи эти зеленые глаза на глаза Тилода! Его глаза на ее собственном лице. И еще этот холод.

«Он играет мной,– подумала она.– Никто не может вернуть к жизни развеянный пепел».

Она смотрела в бездонные глаза и видела вчерашний кошмар. Огненного демона, затмившего солнце, и вспыхивавшие один за другие гурамские боевые корабли. Вспыхивавшие так легко, словно сплетенные из тростника игрушечные лодочки. И хлопья белого пепла, плывущие по воде. Как лепестки мертвых цветов.

«А если он действительно может?»

С трудом Эйрис отвела глаза. Теперь она смотрела на запыленные носки своих верховых сапог. Вдруг ей захотелось выхватить кинжал и вонзить его прямо в черное сердце мага. Она так ярко представила, как узкий клинок входит в грудь, как окровавленный кончик разрывает куртку ниже левой лопатки, а в зеленых глазах появляется недоумение человека, постепенно осознающего, что сейчас умрет...

Эйрис снова подняла глаза и увидела: удар и смерть – только в ее воображении. Она могла бы убить человека, но человек уже убит. Там, в горах Хох. Погребен в толще расплавленного камня. А убить мага, такого мага, не под силу даже Черной Охотнице Эйрис.

– Так что выбрал бы Тилод? – спросил Сантан, и Эйрис стало ясно: он видит все ее мысли, и они для него – не более чем порхание медовниц над цветочной клумбой.

– Тилод выбрал бы город,– твердо ответила Эйрис.

– Что ж, это правда,– согласился тот, кто был ее сыном.

Зеленый росток втянулся внутрь вишневой косточки. Скорлупа срослась.

– И это правильный выбор. С точки зрения Зодчего. Цена названа. Прощай, Эйрис. Повелительница Нижнего мира Кала будет милостива к тебе,– улыбнувшись одними уголками рта: – Я попрошу ее об этом.

...Сантан легко разломил капсулу пополам и расправил узкую бумажную полоску. Прочитав, молча протянул ее Данилу.

Крылатая змея – светлейшему Володу. Для Большого Совета.

Начало – на шестой день третьего месяца осени. Участвуют Гурам, Хурида, тайдуанские Алчушие. В Хуриде уверены: Конг и Империя не смогут драться. Почему, в Святом Братстве не знают: так сказал Наисвятейший. Опасаются только Урнгура, но рассчитывают на помощь гурамиди и чародеев. Это все.

Данил поднял глаза.

– Не верю! – проговорил он. – Почему Империя и Конг не смогут драться? Это же чушь!

Сантан покачал головой. Лицо его вдруг показалось Данилу совсем старым.

– Завтра на всех башнях Конга поднимут белые флаги,– сказал он.

Данил не понял: он плохо знал обычаи Конга.

– Траур,– сказал Сантан. – Вчера, в шестой день третьего месяца осени умер мой отец, Тилод Зодчий. Но это далеко не все, Данил сын Волода. Завтра флот Хуриды подойдет к Орэлее. До самого последнего момента он будет скрыт от человеческих глаз магией Алчуших. Хуридиты сожгут город и отступят раньше, чем подспеют императорские войска. Южная эскадра, предводительствуемая флагман-капитаном Алевом...

– Алевом? – удивился Данил. – А что с адмиралом?

– Адмирал Эрд получит известие о смерти Тилода и поспешит на похороны в Ангтьян. Через несколько дней, защищая Ангтьян от солдат Гурама, адмирал Эрд будет убит, а Ангтьян сожжен. Днем позже гурамский флот будет уничтожен подошедшей с севера конгайской эскадрой, и еще через три дня армия Конга высадится на гурамский берег, а Южная эскадра, потеряв почти две трети кораблей, уничтожит сторожевые башни Воркарской гавани и начнет бомбардировку Воркара.

Ровный спокойный голос мага почему-то вызвал в сознании Данила образ ткацкого челнока. Но от этого смысл сказанного казался еще более ужасным.

– ...подстрекаемый Алчущими, наместник Тайдуана объявит об отделении восточной части Империи, а полчища магхаров сметут десятитысячный заслон Северной Стражи и ворвутся в Хольд...

– Это невозможно...– прошептал Данил. – Это же конец Мира...

– Не то чтобы конец Мира, но возвращение Времени Смута – наверняка,– сказал Сантан. – И все будет именно так, если...

– Если?

– Если кое-кто не опередит время.

Данил с надеждой посмотрел на мага.

– Собственно, мы с тобой это уже сделали,– сказал тот, улыбнувшись. – Почти.

* * *

Палач несильно взмахнул рукой – кнут свистнул и обвился вокруг пленницы. Ниминоа пронзительно вскрикнула. Красная полоса вспухла поперек ее спины ниже лопаток.

Турфанг поднял руку – и второго удара не последовало.

По щекам девушки катились слезы.

– Назови нам имя Алчущего, назови нам имя своего спутника,– мягко произнес жрец. – Расскажи нам правду – и тебя не будут мучить.

– Светлорожденный Данил Рус,– прошептала девушка.

Турфанг покачал головой.

– Не лги нам, колдунья. Все равно придется сказать правду.

– Это и есть правда! – прогремел над головами конгаев яростный голос.

Виг вскочил на ноги, его меч с шелестом вышел из ножен. Турфанг отреагировал более спокойно: просто повернулся и поглядел на вошедшего.

– Данил! – вскрикнула Ниминоа.

– Освободитель?..– прошептал Виг, отказываясь верить собственным глазам. Рука, держащая меч, опустилась.

– Я, Данил Рус, светлорожденный Империи,– северянин прыгнул с лестницы на пол, еще в воздухе выхватив меч.– И клянусь мощью Тура! – Одно стремительное движение – и холодный клинок коснулся шеи Турфанга (Данил безошибочно опознал наиболее опасного противника).– Если вы, ублюдки шелудивых крыс, посмеете причинить боль этой девушке...

– Спокойней, благородный господин,– произнес Турфанг с похвальным хладнокровием.– Допустим, ты действительно светлорожденный Данил Рус. Но ни закон Конга, ни закон Империи не дают тебе права приказывать нам...– Пальцы Турфанга тем временем шевелились, вычерчивая заклинание.– ...Эта девушка – хуридитка, захваченная солдатами, незаконно проникшая на землю Конга. Она...

– Даже и не думай, колдун! – свирепо прорычал Данил.– Ну-ка, руки в стороны! Один чародейский фокус – и твоя голова покатится по полу! Одноногий! Отвяжи девушку! Поживей!

Лицо Вига покраснело от гнева.

– Кто бы ты ни был! – прорычал он со свирепостью, не меньшей, чем у Данила.– Тронь его – и я самолично тебя прикончу! И пусть хоть сам Владыка Тилод...

– Тилод умер,– холодно произнес Данил.– И если ты не перестанешь валять дурака, умрут еще очень многие.

– Ты лжешь,– вдруг севшим голосом произнес Виг.

Но командующий сам не верил своим словам. На редкость убедительно звучал голос северянина. Никаких сомнений в том, что перед ним светлорожденный Империи, у Вига уже не осталось. И не только из-за отрывистого хольдского акцента. Сходство с Освободителем – убедительнейшее доказательство. Кровь Асенаров.

– Убери меч,– сухо сказал Турфанг. Он точно знал: северянин сказал правду.– Убери меч. Клянусь благосклонностью Быкоглавого, я не воспользуюсь магией. Но еще раз повторяю: твои права не распространяются на хуридитку. В остальном же...

– Нет, колдун, распространяются,– усмехнулся Данил.– Эта девушка – моя обрученная невеста.

– Чем ты это можешь доказать? – осведомился жрец.

– Своим словом.

Турфанг скептически поднял бровь.

– Вот что, колдун,– спокойно произнес Данил.– Твой приятель уже обвинил меня во лжи. Я его прощаю. (Виг нашел в себе силы промолчать.) Но если и ты усомнишься в моем слове – умрешь. И раз ты такой законник, то должен знать, что такое смертельное оскорбление и по праву Конга, и по праву Империи.

– Я верю тебе,– быстро сказал Турфанг.

Ровный тон светлорожденного подействовал на жреца куда сильнее, чем гнев.

– Я тебе верю. Палач, освободи девушку. И помоги ей одеться.

– Турфанг! – сердито воскликнул Виг.

– Да,– отозвался жрец.– Убери меч, я знаю, что делаю. Кстати, светлорожденный Данил, Турфанг – это мое имя. Я – жрец Тура Быкоглавого, и мне не нравится, когда меня зовут колдуном. А тот, кого ты изволил назвать моим приятелем,– командующий Виг, комендант-капитан Ангбиона, Бронзовый Дракон и Распорядитель северо-восточной области Черногорья.

– Это хорошо,— кивнул Данил.— Мне как раз нужен кто-то, способный принимать решения. Сколько у тебя солдат, командующий? Тысяч двадцать наберется?

Виг не успел ответить.

– Достойнейший!

На лестнице стоял начальник караула.

– В чем дело? – недовольно спросил капитан-комендант.

Сотник вытянулся, приложил ладонь ко лбу в знак скорби.

– Достойнейший... По зеркальной связи... передали...— Сотник задохнулся, закашлялся.

– Умер Владыка Тилод,— сказал Турфанг.— Мы уже знаем.

– Значит, это правда,— мрачно сказал Виг.— Ну, светлорожденный Данил, что ты еще скажешь?

– Я спросил, сколько у тебя людей?

Виг бросил взгляд на Турфанга, тот кивнул.

– Тысяча,— ответил командующий.

– Проклятие,— странный северянин всерьез огорчился.— И это все... командующий?

– Этого хватает, чтобы держать хуридитов на поводке,— отрезал Виг.

– Но не хватит, чтобы взять их на поводок по ту сторону гор! – не менее сердито заявил Данил.

Воины внесли тело Владыки Конга в алтарную храма Калы и уложили согласно обычаю на пол у изваяния богини. Эйрис жестом велела им уйти. Верховный жрец Калы осведомился, желает ли властительница, чтобы он приступил к обряду немедленно.

– Нет,— ответила Эйрис, и жрец с поклоном удалился.

Черная Эйрис осталась одна. Черная Эйрис не смотрела на мертвое лицо мужа, она смотрела на черное лицо богини смерти.

– Ты была милостива к нам, Кала,— прошептала она.— Благодарю тебя, позволившую нам столько лет быть вместе...

Эйрис знала: не многим из женщин досталось столько счастья, сколько ей. Потому что Судьба соединила ее с лучшим из мужчин. Навсегда. Ради него Эйрис оставила свой Народ, ради него сменила сладость и остроту юга на безмятежность благословенного Конга. Теперь Эйрис могла бы вернуться домой. Могла остаться в Ангтьяне и править Конгом. Конгаи не любили ее так, как Тилода Зодчего. Но, безусловно, никто: ни народ, ни наделенные властью – не стали бы возражать. Из уважения к Тилоду. Однако Эйрис не собиралась повелевать Конгом. Без Тилода эта страна стала ей безразлична. И к Народу она тоже не вернется...

– Благодарю тебя, Кала...— Эйрис, опустившись на колени, поцеловала холодные губы Тилода.— Благодарю тебя и надеюсь, что ты позволишь нам быть вместе.

Черная Охотница поклонилась Черной Богине, легла на пол рядом с телом мужа, вытянувшись, закрыла глаза и остановила сердце.

Тропа была узкой, и пардам приходилось идти бок о бок. Зверь Данила время от времени недовольно рычал: слева, в шаге от него пропасть в сто локтей, береговой обрыв. Справа поднимался почти отвесный склон, густо заросший ползуном и синей свежей травой. Еще на двести локтей выше начинался лес.

Тропу проложили для патрулей стражи. С нее вся береговая линия – как на ладони. И зеленая гладь моря Зур. И вражеские корабли, если они вдруг рискнут приблизиться к берегам Конга. Но сейчас в пределах видимости – ни одного боевого корабля. Пара рыбачьих лодок, вот и все.

– Хочешь, спустимся вниз? – предложил Данил.— У меня есть веревка. Посмотри, какой белый песок там, внизу.

Ниминоа покачала головой.

– Ними, неужели ты боишься? – удивился светлорожденный. Он не ожидал отказа.— Не

бойся. Ты просто обнимешь меня – и через минуту будешь внизу.

– А наверх? – улыбнулась девушка. – Тоже минута?

– Дольше, – Данил улыбнулся. – Три. Спустимся?

– Нет.

– Ними! Пожалуйста! Это же море! Море! Как можно смотреть на него – и не потрогать!

«Как мальчишка! – подумала девушка. – Совсем как мальчишка!» Это было – как теплое дыхание у самого сердца.

– Я поучу тебя плавать, – не сдавался Данил. – Мой отец будет смеяться, если узнает, что моя невеста не умеет держаться на воде.

Ниминоа покачала головой.

«Величайший, пусть это будет единственный мой недостаток в глазах твоего отца!» – подумала девушка.

– Поцелуй меня.

– Что?

– Поцелуй меня, Данил! – Голос Ниминоа дрогнул – она увидела, как потемнели глаза ее спутника.

Но это был не гнев. Пард светлорожденного, повинувшись коленям всадника, прыгнул вперед и резко остановился, преградив дорогу зверю Ниминоа. Тот недовольно заворчал. Данил соскочил на землю, отстегнул поясной ремень Ниминоа, легко, как ребенка, вынул из седла и поставил рядом с собой.

– Ними, прости меня! Я должен был сказать это намного раньше!

– Что? – чуть слышно выдохнула девушка, не осмеливаясь поднять глаза на светлорожденного.

– Ними... Я люблю тебя!

II

– Всесильные боги, – прошептал Дракон Севера. – Почему вы не взяли мою жизнь?

Дракон Севера Ганг чувствовал себя старым, слишком старым для того, чтобы драться за власть. Хуже того, Ганг отлично знал, что его соперник, не менее старый, попытается вырвать ее у кого бы то ни было. А это значило: Юг задавит Север. Если бы Эйрис пожила еще немного. Он, Ганг, поддержал бы жену Тилода Зодчего, и вдвоем они пресекли бы амбиции Керанраона. Теперь же соперничество Юга и Севера может перейти в гражданскую войну. А он, Ганг, слишком стар, чтобы пережить еще одну гражданскую войну.

– Достойнейший!

Домашний управитель Ганга откинул шелковый занавес и, склонившись, ожидал на пороге.

– Говори, – отрывисто бросил Дракон Севера.

– По зеркальной связи пришла весть от Бронзового Дракона Вига. Если позволишь...

Управитель приблизился и вложил в руку Ганга лист бумаги. Сообщение было написано крупными четкими буквами. Специально для Ганга. Несмотря на все усилия личного мага, глаза Дракона Севера видели все хуже и хуже.

Сообщение было длинным. Ганг глянул мельком, но читать не стал.

– Перескажи, – сказал он управителю.

– В крепость Ангибион явился светлорожденный Империи Данил Рус...

– Какого демона светлорожденному Империи понадобилось в Ангибине? – сердито перебил Ганг. – И почему мне не доложили, когда светлорожденный прибыл в Конг? Я бы послал за ним... Проклятие! – Ганг хлопнул себя по колену. – Вига обманули! Помнишь, пару недель назад пришло сообщение о сгоревшем в Воркаре имперском корабле? Я отлично помню: Данил Рус был на нем командиром моряков-воинов.

Управляющий молчал. Это значило: с хозяином он не согласен. Ганг недовольно

посмотрел на него.

– У меня сдают глаза, но не память! – проворчал старый воин. – Я даже помню имя корабля: «Баловень ветров». Можешь проверить в архивах.

– Ни к чему, – сказал управитель. – Мой господин не ошибается. Но в Ангбионе именно Данил Рус. Это подтверждает не только достойнейший Виг, но и известный моему господину жрец Быкоглавого Турфанг.

– А этот что там делает?

Управитель вздохнул:

– Неподалеку от границы было совершено чародейство. Фарангские маги узнали об этом и отправили Турфанга выяснить, что произошло. Поскольку чародейство не причинило явного вреда, я не счел нужным доложить об этом моему господину. Я виноват!

– Пустое, – отмахнулся Ганг. – Чародейство – чародеям. Но я очень сомневаюсь...

– В чем, мой господин?

– Что такого гордеца, как Турфанг, отправили в Ангбион.

– Мой господин как всегда прав, – согласился управитель. – Турфанг вызвался сам. Но в любом случае его свидетельству можно верить.

– Допустим. Что еще?

– Виг сообщает: светлорожденный Данил пришел из Хуриды и утверждает: Хурида готовится напасть на Империю.

– Что?!

– Хурида готовится напасть на Империю.

Ганг захохотал. Управитель терпеливо ждал, пока хозяин закончит смеяться, затем добавил:

– По утверждению благородного Данила, Хурида выступит в союзе с Гурамом и Алчущими Силы.

Улыбка сошла с лица Ганга.

– Так, – сказал Дракон Севера. – А чем благородный Данил подкрепит эти утверждения?

– Своим словом, мой господин. Еще сказано: по просьбе благородного Данила Турфанг через Королеву Урнгура связался с сирхаром Урнгура Биорком и передал ему слова Руса.

– Что же ответил сирхар Биорк?

– Не позднее чем через два дня воины Урнгура войдут в пределы Хуриды.

Ганг только крикнул. Он-то отлично знал Биорка. Старый вагар обладал безошибочной интуицией, когда дело касалось большой драки.

– Что еще?

Турфанг также связался с Руной и сообщил для передачи Императорскому советнику Володу Русу. Дословно. «Крылатая змея – светлейшему Володу. Для Большого Совета. Начало – на шестой день третьего месяца осени. Участвуют Гурам, Хурида, тайдуанские Алчущие. В Хуриде уверены: Конг и Империя не смогут драться. Почему, в Святом Братстве не знают: так сказал Наисвятейший. Опасаются только Урнгура, но рассчитывают на помощь гурами и чародеев. Это все». От себя же светлорожденный Данил добавил: хуридиты готовят налет на Орэлю.

– Будем надеяться, их там встретят как подобает, – проворчал Ганг.

Он бывал в Орэлее и полагал, что даже смотреть на нее издали – слишком большая честь для хуридского монаха.

– Что еще?

– Светлейший Данил предлагает воинам Конга выступить против Хуриды. Утверждает, что ему известен тайный проход в горах, по которому могут пройти всадники и обоз.

Дракон Севера потер старый шрам на подбородке. У него вдруг возникла очень любопытная мысль. Но ее следовало обдумать.

О существовании прохода знали все капитан-коменданты крепости Ангбион. Не знали только точного места, но особенно не докапывались. Потому что через проход в Конг текло хуридское золото. И еще потому, что контрабандистам нет никакого резона сообщать о

проходе Святому Братству, а если такое произойдет... Что ж, пару повозок можно спрятать в зарослях. Но не армию. Если верить имеющимся сведениям, пограничная охрана по ту сторону Черногорья далеко не так бдительна, как по эту. Конечно, богатств в нищей Хуриде не найдешь, но с политической точки зрения это можно обыграть. И совсем неплохо обыграть. Тем более что тройственный договор Империи, Конга и Урнгура, подписанный Тилодом, Императором и сирхаром Урнгура, никто не отменял. А в договоре ясно сказано: в случае военной угрозы одному из государств союзники обязаны незамедлительно прийти на помощь.

Ганг думал. Управитель ждал.

Прошло около четверти часа.

Дракон Севера прикинул все «за» и «против». «За» явно перевешивали.

– Так, – произнес он наконец. – Оповести старших командиров Береговой Стражи. Всех, кто сейчас в Фаранге. Я жду их у себя через час. Мой приказ Начальнику Фарангской гавани: подготовить корабли для транспортировки войск на север. Подготовить все боевые корабли и вывести в море утроенные дозоры. Если Гурам захочет драки, он ее получит, клянусь Рогами!

– Мой господин лично поведет войско? – осведомился управитель.

– Нет. Армию поведет Виг. И благородный Данил Рус. Коли уж он оказался таким расторопным. В Империи готовят хороших офицеров.

– А мой господин?

– Твой господин отправится в Ангтьян, – ответил Ганг. – На похороны Владыки Тилода. Как только войско отплывет на север.

– Какой эскорт желает взять с собой достойнейший?

– Сотню телохранителей, – сказал Ганг и усмехнулся.

Даже если Керанраон приведет с собой из Сарбура всех «синих» латников, пусть попробует обратить их против Ганга, когда он, Ганг, направил своих воинов сражаться за благословенный Конг. И заодно и за северную Империю. Пусть только попробует...

Данил, Ниминоа и Турфанг ехали впереди колонны. Это куда приятней, чем тащиться где-нибудь в хвосте, глотая пыль, поднятую лапами пардов. Надо сказать, Данил вовсе не собирался брать девушку с собой, но ее просьбу неожиданно поддержали Турфанг и Виг. Светлорожденному пришлось смириться. Став невестой Данила, девушка одновременно приобрела все подобающие права. Командующий Виг принес ей публичные извинения. Причем совершенно искренние. Турфанг извиняться не стал, зато тут же принялся обучать Ниминоа чародейским премудростям. Превращение из презираемой пленницы в благородную даму поначалу очень смущало девушку. Тем более что совсем недавно она жила затворницей в отцовском доме. Однажды она рискнула спросить Данила: объявил бы он ее невестой, если бы не обстоятельства?

Светлорожденный не колеблясь ответил: нет. Правда, он тут же объяснил: это противоречит традициям Русов. Сначала следует испросить одобрения отца.

– Но не беспокойся, Ними, мой отец не станет возражать! – тут же заявил светлорожденный. – Это моя забота. Слово сказано. Скорее полноводная Фуа повернет вспять, чем Рус откажется от своего слова! – И добавил более мягко: – Ты понравишься светлейшему Володу, я уверен! Мой отец мудр: он сразу увидит, что ты – прекрасная жена для воина!

Ниминоа огорчилась. Она предпочла бы еще раз услышать, что ее любят.

Колонна огромным железным червем ползла вверх по горе. Восемь тысяч всадников, двенадцать – пехоты, почти полтысячи упряжек обоза.

Вчера Турфанг призвал дракона и летал на ту сторону гор. Ничего подозрительного не обнаружил. Связался с сирхаром Биорком. Договорились войти в Хуриду одновременно. Для пущего эффекта. Хотя ни Биорк, ни Виг армию Хуриды всерьез не принимали. И Данил склонен был с ними согласиться: восемь тысяч всадников Береговой Стражи Конга разгонят

полсотни тысяч хуридитов. А урнгрия Биорка однажды уже прогулялись по Хуриде...

– Здесь, – сказал Данил, показав хлыстом на тропу. – Узковато, но возы должны пройти.

– Пройдут, – уверенно произнес Виг.

– Предупреди сотников, чтобы держались плотней. И держали оружие наготове. Там полно мерзких тварей.

– Ничего, – сказал Турфанг. – Я их шугану. Ты, главное, с дороги не сбейся. А лучше проглоти-ка вот это!

Чародей протянул светлорожденному коричневую лепешку.

– Это что? – насторожился Данил.

– Сушеная травка. Обостряет память.

Вкус у травки оказался омерзительный, но – полфляжки вина – и горечь пропала.

Шесть драконов летели на запад. Шесть драконов несли шестерых магов из славного города Руны. Внизу проплывали зеленые поля южного Хольда, перемежающиеся полосками леса. У синих зеркальных озер толпились крохотные домики с желтыми крышами. Добрая ухоженная земля. Сердце и основа Империи.

Драконы летели плотным клином. Так близко, что маги могли разговаривать, почти не повышая голоса. И они разговаривали, ибо известно: ученая беседа способствует накоплению Силы.

Серое облако, затмившее уходящее солнце, драконы заметили первыми, но особого внимания на него не обратили. Облако и облако. А маги и вовсе ни о чем не тревожились. Они же дома, а не где-нибудь на границе диких земель. Когда один из чародеев, Скриптус Большая Рука, вдруг сообразил, что облако принадлежит к доселе не известному виду, и оповестил об этом своих соратников, было еще не поздно. Но все шестеро, вместо того чтобы, объединившись, прозреть природу облака, пустились в приятный и утонченный спор. И опоздали. Облако рассеялось.

Нечто невероятно огромное, черное, текучее пало сверху на драконий клин. Невидимые щупальца устремились вниз. Собственная сила шестерых магов высвободилась одновременно. Тела их разорвались, лопнули и рассыпались, как рассыпается спорами созревший дождевой гриб. Только это были не споры, а человеческая плоть. Шестеро драконов разом закричали: щупальца не причинили им вреда, но боль всадников обожгла их сознания. Клин распался. Шестеро крылатых гигантов бросились врассыпную, как испуганные медовницы. Серое облако сгустилось вновь и плыло на запад. Хотя ветер дул с юга.

– Великий Тур! – выдохнул командир хольдской пехоты тысяцкий Хаггард. – Сколько их!

Шевелящаяся волна магхаров захлестнула ущелье. Сотни тысяч тварей. Нилу показалось: он чувствует их вонь. Но это, конечно, иллюзия. Между отвратительной ордой и его войском еще оставалось мили полторы. Да и ветер дул с востока, в спину.

Нил прикинул: уже сейчас на каждого из его бойцов приходится с полсотни тварей. А сколько еще осталось за гребнем?

– Они нас растопчут, – сказал светлорожденный Хаггард. Сказал просто, как факт.

– Поглядим, – ответил Страж Севера.

Нил был старше своего тысяцкого на сорок лет, но выглядел ровесником Хаггарда: сказывалась кровь вагаров.

Светлорожденный посмотрел на своего командира. Сын вагара – их единственная надежда. Все-таки Нила Биоркита считали любимцем Тура. И избранныком удачи. А чтобы выжить в мясорубке, которой станет через четверть часа восточное горло расщелины, потребуется целое море удачи.

Хаггард поглядел на почти отвесные, кое-где сглаженные осыпями склоны ущелья.

Эх, поставить бы поверху полсотни баллист. Да прижарить тварей огненным зельем!

«Великий Тур, откуда их столько?»

Светлорожденный перевел взгляд на восточное горло ущелья. Четыре тысячи тяжеловооруженных копейщиков выстроились там тремя параллельными линиями. Перед первой линией – тройная шеренга арбалетчиков. Выкрашенные зеленым доспехи копейщиков сливались с растительностью. Так же, как и защитные куртки стрелков. Четыре тысячи копейщиков, четыре тысячи стрелков и две тысячи всадников, практически бесполезных в грядущей битве. Парды не способны держать неподвижный строй.

Хаггард вздохнул: страшно даже представить, что устроит орда магхаров в Хольде. Прихватить бы с собой в Нижний мир хоть половину!

– Пойду к своим, – сказал он.

Командир кивнул, и тысяцкий начал спускаться по заросшему диким виноградом склону.

Нил остался один. Телохранителей он отослал в строй: дюжина бойцов не решит исхода битвы, но лишней точно не будет. Не нужны Нилу ни телохранители, ни вестовые. Первых заменит меч, вторых – рожок. Сын вагара охотно последовал бы примеру Хаггарда и тоже встал в строй, но – нельзя. У каждого воина в битве свое место, и место Нила Биоркита здесь, на сто локтей выше ошестинившихся копьями шеренг.

Скопище магхаров напоминало катящийся с гор грязевой поток. Но в этом потоке Нил Биоркит без труда различал отдельных тварей. Черных, желтых, пятнистых и изумрудно-зеленых. Голых, покрытых чешуей или шерстью, передвигающихся рысью, прыжками, семенящих на коротких лапах или широко шагающих на длинных, тощих, похожих на ходули ногах. Нил повидал в жизни не одну сотню магхаров. Тех, что прорывались с Проклятых земель. Тех, что жили среди людей, иногда внешне почти не отличаясь от нормального человека. Видел Нил и созданных специально. Но никогда не встречал двух одинаковых. Сын вагара знал: полчища тварей не первый раз рвутся на человеческие земли. Было в этом нечто от стихии. Словно там, за Границей, отвратительная жизнь кипит и множится, как зелье в котле колдуна. И переливается через край. Сейчас, глядя на накатывающуюся орду, Нил точно знал: ею никто не управляет. Половине тварей ничего не стоит вскарабкаться по стенам ущелья, вообще обойти его и ударить в спину копейщикам Нила. Или, не тратя времени на драку, устремиться дальше. Но век за веком магхары всегда шли одним и тем же путем, и только потом те из них, что все-таки прорывались через заслоны Северной Стражи, обретали собственную волю, хитрость и осторожность. Иных охотники Нила выслеживали месяцами. Поэтому так важно было остановить их здесь, в ущелье, пока твари с тупой свирепостью перли на копыта. Вот только копий у Стражи в этот раз явно недостаточно.

Нил снял с пояса рожок, протрубил сигнал: арбалетчикам изготавиться. Визг, храп, топот. Между ближайшими магхарами и строем – чуть больше ста шагов. Но тварей следовало подпустить как можно ближе, чтобы тяжелые стрелы пробивали их насквозь, опрокидывали друг на друга. Смешать первые ряды, сбить скорость, образовать живую преграду между копейщиками и остальной ордой.

Нил выждал ровно столько, сколько требовалось. Затем трижды дунул, коротко и мощно. И услышал слитный грохот залпа. А затем многоголосый вой, визг, вопли. На какое-то мгновение, казалось, поток остановился и даже подался назад. Но уже через несколько мгновений задние ряды перекатились через окровавленные, бьющиеся в агонии тела. Сигнал – и вторая тысяча арбалетов ударила в живую волну. Вновь вопли, визг, надсадный истошный вой. Нил увидел, как разом соединились щиты первой шеренги, а воины второй подняли щиты над головами, прикрываясь, словно при атаке всадников. Арбалетчики подали назад. Теперь каждый будет держать свой сектор и стрелять только при необходимости.

Встретились. Поток магхаров достиг зеленых шеренг и теперь действительно остановился. Нил мог с легкостью представить себя на месте прикрывшегося щитом пехотинца. Это был бой, в котором не требовалось фехтовального мастерства. Ударить,

повернуть, выдернуть, ударить, повернуть, выдернуть. Когти и зубы, пусть даже ядовитые, послабей закаленной стали. Магхары-прыгуны попытались перемахнуть через строй, но их еще в воздухе сшибали арбалетки. Всего лишь несколько минут – и перед строем образовался отвратительный барьер из мертвых и раненых тварей. В нескольких местах магхарам удалось надорвать строй. В одном случае это сделало невероятно огромное, в два человеческих роста, чудовище, подмявшее под себя копейщика. В другом – верткий прыгун, вскочивший на щиты и ухитрившийся, просунув лапу в щель, полоснуть ядовитыми когтями раньше, чем его достала арбалетная стрела. Но таких было немного. Главная опасность – не отдельные твари. Главный и самый опасный враг – усталость. Но Нил знал, как с ним бороться.

Голос рожка перекрыл шум битвы. Слаженным быстрым движением первая шеренга подалась назад, вторая опустила щиты, а третья заняла место второй.

Поток магхаров разбухал и поднимался, как запертая плотиной река, но натиск заметно ослабел. Это могло вселить надежду в человека менее опытного, чем Нил Биоркит. Но сын вагара знал наверняка: противник не отступит. Добиться этого так же невозможно, как погнать вверх сорвавшуюся снежную лавину. Даже если каждый копейщик унесет с собой полсотни магхаров, конечный счет окажется не в пользу Северной Стражи.

III

Подземный путь проделали без помех. Турфанг разогнал всех безмозглых тварей, а у тех, что поумнее, хватило ума не связываться с таким многочисленным противником. Данил же помнил каждую отметину на стене и шел, как по собственному дому. Топот тысяч пардовых лап зловещим гулом наполнял сдавленную грузом горы пустоту. Но сердцу Данила этот умноженный эхом ропот был слаще орэлейских арф. Будущее Мира рокотало за его спиной.

«Не месть,— думал он.— Справедливость».

Когда-то его родич Сантан стер с облика Мира мерзкое племя соххогоев. А ему, Данилу Русу, назначено избавить землю от проказы Святого Братства. Светлорожденный не испытывал гордости от своего будущего предназначения. Его с детства учили править. А править – это не только наказывать, но и принимать ответственность за то, что сделано. Данил, пробивавшийся к границе Хуриды, дрался, чтобы выжить, а Данил, ехавший во главе конгайского войска, готовился творить Будущее. Как и подобает потомку славного рода Русов.

Подгорный проход войско преодолело менее чем за двенадцать часов, но на поверхность выбраться не торопились. Даже ночью снаружи мог оказаться случайный или неслучайный наблюдатель. Так что лагерь разбили под землей, прямо в коридоре, расставив караулы и осветив подземелье на полмили.

А утром Данил и Виг, взяв с собой тысячу всадников, на рысях двинулись вниз. Данил очень хорошо помнил, что представляет из себя Засов. Без тяжелых машин с ним придется повозиться, а это означало бы – потерять преимущество внезапности. Командующий Виг пришел к тому же мнению, когда получил возможность поглядеть сверху на хуридскую цитадель.

– Крепкий орешек,— задумчиво произнес он.

Но светлорожденный и не намеревался брать Засов штурмом.

– Крепкий, но с гнильцой,— заявил он.

Войско змеиным хвостом растянулось по каменистой тропе. Спустившись на дорогу, всадники перестроились более компактно и пустили пардов крупной рысью. Встречных не было. Прошедший ночью дождь смочил землю. Лапы пардов скользили, зато не поднимали пыли.

Последний поворот. За ним – часть дороги, просматриваемая с привратных башен. Светлорожденный скомандовал: всем спешиться.

– Попробую уговорить стражу быть поскромнее,– сказал он Вигу.

Войско спешилось, и из-за поворота перед глазами стражи появился один-единственный всадник. Данил Рус.

Ворота, как и следовало ожидать, оказались на запоре.

– Эй! – гаркнул светлорожденный. – Выгляни, кто хочет разбогатеть!

Через полминуты между надвратными зубцами показалась голова в круглом шлеме.

– Ты что за хрен? – осведомилась голова.

Вместо ответа Данил левой рукой сдвинул на затылок шлем, а правой встряхнул кожаный мешочек.

Хуридский стражник может не услышать топот тысячи пардов в двухстах шагах, но звон монет слышит за три мили. Оказалось, это тот самый стражник, не так давно выпустивший из города Данила, Ними и Спота. Для стражника Данил был не имперским шпионом, а крутым парнем из «черных повязок», повздоровившим с монахами. Поскольку монахи платили стражнику втрое меньше, чем «черные повязки», хуридит даже и раздумывать не стал.

– Ты, это, не ори,– сказал он. – Счас открою.

«Счас» растянулось минут на десять. Стражник отпирал ворота в одиночку: не делиться же, в самом деле, с этими пьянчугами!

– Шуми не особо,– предупредил он, когда Данил въехал в ворота и заветный кошелёк переменял хозяина. – Разбудишь десятника – тады будешь по новой платить.

– Ни в коем случае,– пообещал Данил, наклонился, снял с головы стражника шлем (хуридит даже не потрудился застегнуть подбородочный ремень) и опустил кулак на стражников затылок.

Подъехав к караулке, Данил убедился, что вывел из строя единственного бодрствующего привратника. Остальные преспокойно дрыхли. Что ж, здоровый сон удлиняет жизнь.

Данил выехал из ворот и подал сигнал.

Через десять минут тысяча всадников без помех въехала в ничего не подозревающий Засов. На рысях конгаи проследовали к солдатским казармам и без особых проблем разоружили гарнизон. Неважная репутация солдат-хуридитов вполне оправдалась: сопротивления они не оказали ни малейшего. Разобравшись с гарнизоном, конгаи обложили обиталище. Обложили, но штурмовать не стали. Этим занялись попозже, когда подтянулись осадные орудия.

Спустя пару часов светлорожденный Данил Рус и Бронзовый Дракон Виг сидели за черным столом, пили черное вино вместе с городским атаманом Кривым Ножом и слушали, как грохочут конгайские туры¹⁸. Туры долбили стену обиталища. О запершихся монахах, впрочем, собеседники не беспокоились. Данила больше заботило то, что его старый недруг Дорманож, оказывается, выжил и несколько дней назад отбыл в Воркар вместе с риганцами. Ну а Кривой Нож, поглядев на стальные наголовники конгайских боевых пардов и сверкающие доспехи всадников, вообще вычеркнул монахов из списка своих забот. Атамана куда больше интересовало, какие порядки заведут в Засове конгаи. Бывший контрабандист, он хорошо знал строгость Закона по ту сторону гор. Но знал также, что соблюдение закона часто зависит от десятника, перехватившего контрабандный товар. А поэтому упирал на то, какой полезной станет для завоевателей дружба с «черными повязками».

– Мы преподнесем вам Хуриду на серебряном блюде! – сладко пел косоглазый атаман. – Вам останется перебить монахов, только и всего.

Виг посмотрел на светлорожденного. Данил кивнул. Да, «черные повязки» – реальная сила. И косоглазый знает, что говорит.

¹⁸ Тур – здесь осадное орудие типа «онагра».

– Поручите мне навести порядок в городе – и не пожалеете! – заявил атаман. – В Засове каждая крыса у меня в кулаке.

Вигу совсем не хотелось отдавать Засов воровскому атаману, но командующий понимал: у них слишком мало воинов, чтобы оставлять гарнизоны в каждом захваченном городе.

– Что скажешь, светлорожденный Данил?

Светлорожденный Данил, более известный в Засове под именем Демон, окинул атамана холодным взглядом.

– Так, – сказал он. – Думаю, через час мы разобьем стену и возьмем обиталище. Монахов, что уцелеют, я передам тебе. Знаешь, что с ними делать?

Кривой Нож ухмыльнулся. Демон хочет повязать его кровью святых братьев. Что ж, Нож не против.

– Знаю, – сказал он. – Тебе понравится, Демон!

– Хорошо. С этой минуты за порядок в городе отвечаешь ты. И не дай тебе боги порешить или выпотрошить кого-нибудь, кроме монахов. Ясно?

– Без вопросов! Тебе понравится.

– Тогда по рукам, – произнес светлорожденный. – Только не забудь... – Сдвинув брови, он одарил атамана свирепым взглядом, – если вздумаешь предать нас, я сам тебя отыщу и, клянусь Рогами, тебе это совсем не понравится!

Алчущий Силы Гатаург отдыхал, лежа на подвесной койке в крохотной каюте на баке хуридского флагмана «Гнев Величайшего». Под потолком каюты парил волшебный огонь, освещая покрытые потрескавшимся лаком стены и плавающий в воздухе фолиант, раскрытый на описании заклятий Приношения. Но чародей не читал, он грезил. Может быть, поэтому он не сразу заметил, как медленно угас, будто вытек, волшебный свет. Очнувшись Гатаург, только когда рухнул на пол тяжелый, окованный по углам бронзой фолиант. Вернувшийся к реальности чародей скорее удивился, чем встревожился. И попытался снова создать светящийся шар. Но вместо сгустка яркого света в воздухе возник жалкий едва-едва мерцающий клубок. Вот теперь Гатаург обеспокоился не на шутку и сотворил более сложное заклинание, долженствующее обострить его ночное зрение. Результат оказался пренебрежительно ничтожным. И Гатаург по-настоящему испугался.

IV

– Вижу! – прилетел сверху крик мачтового. – Вижу много чужих кораблей!

– Четверть на правый борт, – скомандовал Эрд кормчему.

Затем знаками показал сигнальщику: «Всем. Боевой порядок первый».

Флагман, опередивший остальные корабли на четверть мили, круто взял к востоку.

Повинуясь команде с идеальной четкостью, Южная эскадра в считанные минуты сломала походный ордер, расходясь широкой дугой, обеспечивающей наилучшую позицию для огненного боя. Перестроившись, точно выдерживая интервалы, эскадра, почти не потеряв в скорости, продолжала идти на север. Вскоре уже не только драконьи глаза впередсмотрящих в мачтовых бочках, но и те палубные, у кого зрение поострей, смогли разглядеть красные точки у вставшей впереди земли.

На хуридских кораблях противника заметили с изрядным опозданием – очень уж увлеклись перестрелкой с защищающими гавань фортами. Перестрелкой малоэффективной с обеих сторон, поскольку велась она со слишком большой дистанции. Налетчики уже успели убедиться в меткости имперских баллистеров и держались на почтительном расстоянии.

Вообще-то хуридцы рассчитывали захватить город ночью, врасплох. Но врасплох захватили их самих. Влепили огненный залп прямо в передовый корабль. Точнехонько, несмотря на темень безлунной ночи. А как вспыхнул: полфлота – будто на ладони.

Отступили, конечно. Понадеялись на Алчущего, которого передал армаде Наисвятейший. Алчущий же, хоть, говорят, и принял Истинную веру, а все равно оплошал. Сначала вообще ничего не смог, а потом и вовсе, вместо того чтоб развалить, как обещал, форты, поджег надстройку собственного корабля. Пожар потушили, но капитан осерчал, велел колдуна повязать, вырвать язык и повесить за ноги на рею. Колдун и тут оплошал – никого в прах не обратил, только ругался. А как язык вырвали, и ругаться перестал.

Тут бы пиратам и отплыть восвояси. Но город-то – вот он. Ах, какой город! Слюнки текут...

Так и прохлопали беду.

– Ах, какой подарок! – произнес светлейший Эрд, глядя на скопище краснопарусных судов. – Ах, какая радость! Спасибо вам, боги!

Надо сказать, не было на флагмане человека, не разделявшего сейчас радость адмирала. На флагмане и на каждом из кораблей Южной эскадры.

Наконец хуридиты опомнились. Прекратили бессмысленную бомбардировку и принялись, кто во что горазд, разворачиваться навстречу противнику. Ударь они сейчас слаженно, может, часть и пробилась бы сквозь растянутую дугу имперцев. Но это же пираты! Разве они могут ударить слаженно? Адмирал Эрд совершенно точно знал, как себя поведет эта свора. И оказался абсолютно прав. Как запахло паленой шерстью, «отважные» рейдеры кинулись врассыпную, как стая ургов.

Расставив ноги для устойчивости, адмирал стоял на носу и наблюдал. Флагман-капитан светлейший Алев сам знал что делать. Так же, как любой из капитанов и командиров воинов-моряков эскадры. Плавный разворот, залп – и хуридская шекка превратилась в костер. Поворот, залп с другого борта – и еще один враг пылает. Краснопарусные даже не сопротивлялись. Видят боги, с омбамту было интереснее. Те хоть дрались. Поворот, грохот подпалубных баллист, едкий дым огненного зелья, истошные вопли. Словом, обычные звуки морской битвы. Только без победных криков и лязга клинков. Брать краснопарусных на абордаж Эрд не собирался. Вдоволь будет акулам жареной хуридятины.

Дракон Севера Ганг смотрел на погребальный костер и вместо подобающей скорби испытывал большое удовольствие. Не потому, что умер Владыка Тилод. Не потому, что жена его Эйрис покончила с собой. А потому что, как он и предполагал, Дракон Юга Керанраон явился на похороны, словно на битву. Тридцать тысяч всадников. Одних только «синих» латников – одиннадцать тысяч. А с Гангом – только полсотни телохранителей. Ах, как неудобно стало Керанраону, когда он узнал, куда ушли воины Ганга. Даже не поверил сначала Дракону Севера. Но другие подтвердили: правда. Поэтому мрачно сейчас изрезанное морщинами лицо Керанраона. Любят его сарбурцы, но не больше любят, чем свой благословенный Конг. Попробуй Керанраон сейчас взять власть силой – даже «синие» его не поддержат.

Капля пота скатилась по щеке Ганга. Но к жаре он привычен. И твердо стоять на ногах тоже привычен. А вот кому зной и вовсе нипочем, так это тем, Черным.

«Интересно, кому они теперь станут служить?» – подумал Ганг.

Скорее всего, никому. Вернутся в Гибельный Лес, к сородичам. А жаль. Заполучить бы поддержку Черных Охотников – и никакие «синие» латники не помогут Керанраону. Сколько лет прошло, а Ганг, стоило лишь глаза закрыть, словно воочию видел бегущих через брод гигантских крабов. А уж сиргибры... От воспоминания о ящерах Ганга передернуло. Стоявший рядом Ратсай удивленно поглядел на Дракона Севера. Ганг опомнился, отогнал дурные мысли и стал слушать верховного жреца, возглашающего прощальную песнь.

Примерно через четверть часа Ратсай тронул Ганга за руку, а когда тот повернулся, показал в сторону залива Донхен. И Дракон Севера увидел: множество кораблей под парусами Гурама, скользящие по зеленому морю.

Сверху они казались маленькими, будто игрушечными. Но моряцкий глаз Ганга без

труда различал: более половины – мощные четырехмачтовики с тремя рядами баллистных портов и по меньшей мере двумя сотнями моряков-воинов на борту каждого. Первая мысль: как их пропустили сторожевики? Вторая: как хорошо, что Керанраон взял с собой столько воинов. Ганг встретился взглядом с Драконом Юга. В глазах Керанраона не было радости. Ганг без труда догадался, о чем думает повелитель южного Конга: что если подобная же армада подходит сейчас к Сарбуру? И Ганг чуть заметно покачал головой: не может Гурам выставить сразу два таких флота. Керанраон понял, улыбнулся еле, уголками губ и повернулся к погребальному костру. Он не собирался прерывать похоронный обряд. На море армаду не побить, на берег же они высадутся еще не скоро. А уж тогда...

Тень облака упала на площадь. Сразу замечен стал дым над погребальным костром. Ароматный дым пропитанных благовониями кипарисовых поленьев. Ганг смотрел на построенный всего четырнадцать лет назад легкий, будто сотканный из воздуха дворец Владыки и думал о том, что вот умер Тилод Зодчий, а дворец остался. И еще много прекрасного осталось. А что останется после него, Ганга?

Церемония продолжалась. Продолжалась даже тогда, когда внизу, в гавани, застучали баллисты. Это гурамские корабли, не встретив сопротивления, пересекли залив и начали обстреливать форт, единственный бастион которого вспыхнул, не сделав ни одного ответного выстрела. Впрочем, гарнизон покинул его еще раньше. По приказу Дракона Юга.

По его же приказу на краю площади ждали, спешившись, три тысячника «синих». Их огромные боевые парды сверху вниз, надменно, взирали на толпу. Верховный жрец зачастил, торопясь закончить церемонию. Пепел можно собрать и потом.

Керанраон посмотрел на Ганга. Тот кивнул. «Твои люди – тебе командовать».

– Храни! – в последний раз рыкнул жрец.

– Мощный! О-о-о! Могучий! О-о-о! – заревел хор.

Но толпа уже «потекла». Военачальники устремились к своим солдатам, горожане – к семьям. Форт горел, гурамские корабли подходили к ангтьянским причалам. Тысячников «синих» на площади уже не было. Не было и Керанраона.

Тень одинокого облака легла на поле битвы.

«Плохо», – подумал Нил.

Большинство магхаров не любят солнечного света. С другой стороны, есть и такие, что, подобно змеям, оживают от тепла и становятся вялыми от холода.

Нил отсчитал еще двести ударов сердца и протрубил в рожок. Первая шеренга подалась назад, вторая опустила щиты и выставила копья. Широкий вал трупов, замедливший натиск чудовищных порождений магии, позволил копейщикам совершить маневр практически без потерь. Страж Севера мог гордиться своими солдатами. Мужество и умение творят чудеса. И предусмотрительность. Например, тройной запас стрел у арбалетчиков. Пожалуй, есть надежда...

Одинокое облако, кружась, словно сорванный лист, опускалось все ниже и ниже. Нил, наверно, единственный из воинов, обратил внимание на то, как странно оно движется. Он заподозрил неладное и призвал свой более чем скромный магический дар, пытаясь определить сущность явления. Но это оказалось не под силу Стражу Севера. Как не под силу это оказалось куда более умелым рунским чародеям, чьи души уже странствовали по сумрачным равнинам Нижнего мира.

Облако рассеялось, истаяло, как утренний туман под лучами солнца, – и Нил увидел Ничто. Словно из прозрачного, пронизанного светом воздуха внезапно вырвали огромный клоч. Сознание Нила отказывалось принять то, что видели глаза. Но от этого происходящее не стало менее реальным. Ничто прыгнуло вниз, прямо в центр солдатских шеренг. Прыгнуло и взмыло вверх. Тотчас серый туман сгустился вокруг него, укрыл, как укрывают покровом нечто ужасное, например, обезображенное убийцами лицо друга. Еще миг – и серое облако ушло ввысь, истаяв в небесной сини.

Но все было кончено. Воины Империи полностью и бесповоротно проиграли битву.

Там, в горле ущелья, об этом еще не знали, но их командир сверху уже это понял. Ничто ушло... и унесло с собой несколько сотен бесстрашных копейщиков. Там, где недавно смыкались длинные щиты, теперь зияла пустота. Никого. Только вытоптанная, забрызганная кровью трава. А еще через мгновение в открытую брешь хлынул сплошной бурлящий, визжащий поток магхаров. Нил видел, как его воины, хоть и ошеломленные происшедшим, сразу же попытались закрыть брешь. В конце концов, несколько сотен – не слишком большая потеря для десятитысячной армии. Нил видел, как устремились к прорыву всадники, как качнулись навстречу друг другу разорванные края шеренг. Но – поздно. Плотину прорвало. Твари хлынули в брешь. Стремительно, тесно, буквально по головам и спинам сородичей. Всадников разбросало и закрутило, как щепки в бурном мутном потоке. Брешь в строю не смыкалась, а, наоборот, расширялась на глазах. А прорвавшаяся орда скачущих, прыгающих, бегущих разлилась и устремилась вверх по склону. И на пути ее стоял один-единственный человек. Страж Севера Нил Биоркит.

– Высаживаются,– сказал Керанраон.– Смотри, как нагло. Ни хрена не боятся. Ну, мы их удивим, клянусь Рогами.

Ганг промолчал. Это ведь не его воинам, а латникам Керанраона предстояло «удивить» гурамиди. Телохранители Дракона Севера стояли чуть поодаль, охраняя своего господина. Ганг предложил их Керанраону, но тот отмахнулся, и Дракон Севера не спорил. Хотя собственных телохранителей Дракон Юга поставил в строй. И получил взамен другую охрану. Черных Охотников Тилода. Хитрый план Ганга рухнул, однако сейчас ему было все равно. Если Керанраон отстоит Ангтян, пусть берет себе и дворец Владыки. Это справедливо.

Не ради битвы, а ради красоты строил Тилод свою столицу. Просторные площади, широкие улицы, изящные, окруженные садами дома. Но сейчас Керанраон мог только радоваться ширине и простору. Ах, как они ударят! Дракон Юга выждал ровно столько, сколько потребовалось гурамиди, чтобы высадиться на берег. Керанраон презрительно улыбался, видя, как скучилась у причалов пехота: стрелки и копейщики вперемешку. Позади – всадники. От этих вообще никакого проку.

– Дуй,– сказал Керанраон сигнальщику.

И трубач протрубил.

Шесть улиц сходились в гавани. Всадники показались одновременно на всех шести. На трех, самых широких,– синие сарбурские латники.

И пошли.

Ах, как завопили гурамиди. Как сладко звучали эти вопли для Керанраонова уха. В восторге он хлопнул парда по загривку, повернулся к Гангу и захохотал.

А стремительная синева с невероятной скоростью пожирала белизну мостовых. Командиры гурамиди орали, пытаясь хоть как-то построить солдат, но Керанраон не оставил им времени. Ах, что такое четверть мили для летящих пардов! Миг!

Один из Черных Охотников вскрикнул. Удивленный Ганг посмотрел на него. Черный Охотник показывал на небо. А на небе...

Сгусток черной клубящейся тьмы стремительно падал вниз. Наперерез катящейся волне всадников. Керанраон резко оборвал смех, замер с открытым ртом. Позади верховный жрец пронзительно вскрикнул:

– Тур! Тур!

...И тысячи огненных раскаленных нитей пронзили живую тьму буквально над самой землей. Грохнуло так, что боевой пард под Гангом присел и нервно мяукнул. Черные рваные клочья зашипели, сворачиваясь, как волосы, соприкоснувшиеся с огнем, а внизу, под ними, синие латники Сарбура врезались в толпу гурамиди. Боевой клич конгаев прокатился по улицам Ангтяна, смешавшись в визгом вздергиваемых на копыя гурамиди. А в небе над столицей Конга возник Огненный Демон. Быстрее, чем видит глаз, Демон покрыл полную милю и повис над гурамским флотом. Выдох, ослепительная вспышка – и вместо могучего четырехмачтового корабля – белый кружащийся пепел. Еще один выдох – и еще один

корабль сгинул в ярчайшем пламени.

Черные Охотники переглянулись с пониманием. Правду говорили старейшины: демоны дышат чаще, чем люди. И жарче.

V

Путь, на который Данилу и Ниминоа потребовалась полная неделя, всадники благословенного Конга прошли за двое суток. Ночь и еще полдня – и перед воинами встали стены Кариомера. Командующий Виг предпочел бы обойти его, как прочие крепости и города, попадавшиеся на пути, – и двигаться в Воркар. Но Данил воспротивился. У него были свои счеты с этим городом. Кроме того, не худо лишний раз показать хуридитам, что такое настоящие воины. А заодно и проверить, известно ли за пределами Засова о договоре между завоевателями и «черными повязками». Виг не стал спорить, но поставил условие: если город не будет взят за два дня, войско тронется дальше.

Штурмовать крепостные стены силами одних только всадников, без пехоты, без тяжелых осадных машин и прочего хозяйства – только зря класть солдат. Данил понимал это не хуже Вига. Поэтому предложил Турфангу слегка поколдовать. Жрец расхохотался.

– Как ты себе это представляешь? – осведомился он.

– Зачаруй привратную стражу.

– Я, – сказал Турфанг, – мог бы погрузить в сон человек десять. Но спящие не откроют нам ворота. Я мог бы очаровать двоих-троих, чтобы они открыли ворота, но как ты думаешь, что в это время будут делать остальные?

– А ты одних усыпи, других зачаруй, – предложил светлорожденный.

– Не выйдет. К сожалению.

– Ну, тогда устрой землетрясение.

Турфанг улыбнулся.

– Это я могу, – сказал он. – Но только не могу поручиться, что развалятся именно стены, а не половина домов в городе. Исходя из моего опыта, полагаю – именно дома и развалятся.

Данил мрачно поглядел на темнокожее насмешливое лицо, повернулся и ушел к себе в палатку.

Разъезды конгаев патрулировали вдоль городских стен. На достаточном удалении, чтобы не схлопотать арбалетный болт. Дорога в обе стороны была пуста. Окрестные селения – тоже. Хотя конгаи никого не обижали. За весь путь от Засова до Кариомера вздержнули только троих обожравшихся дурманом монахов, сдуру не пожелавших уступить дорогу двадцатитысячному войску. Даже провиант конгаи не брали, обошлись тем, что запасли в Засове.

Осажденные вылазок не предпринимали. Народ толпился на стенах, разглядывая иноверцев. В Кариомере чужеземцев видели только купцы да бывшие пираты. И тех, и других – кот наплакал. Остальным прочие обитатели Мира представлялись чем-то вроде мелких демонов, чему немало способствовали рассказы об урнгрия, не так давно прогулявшихся по западу Хуриды. Но в Кариомерском обиталище Святого Братства слухам не верили. Помолились Величайшему и взялись за дело. Хоть и не искушен был Брат-Хранитель Треос в осадах-защитах, но зато грамотен. В книгах же, как оказалось, подробно расписано: как защищаться, как снаряды метать с огненным зельем, как бревном таран ломать и прочее полезное. Насчет метания, правда, вышло неладно. Ни одна из баллист стрелять не могла. Паутинные канаты давным-давно подменили обычными, металлические части, те, которые не поснимали, поела ржавчина. Мастер огненного боя, в прошлом пират, а ныне добропорядочный смотритель рынка, только руками развел. Надо чинить. Но Треос не пал духом. В лагере осаждающих он не заметил тяжелых осадных орудий, подробно описанных в книге. А без оных орудий, согласно той же книге, стены, подобные кариомерским, не взять. Так что Треос не только сам успокоился, но даже сумел подбодрить Отца-Наставника. Пускай иноверцы топчутся под стенами, сколько хотят. Как

сожрут провиант, так и уйдут. Оброк в деревнях собран, а на том, что осталось,— не разживешься. Чего не нашли хуридские сборщики, того чужеземцам век не отыскать. А там, глядишь, и войска из столицы подойдут.

Так размышляли воинствующие монахи, но город их оптимизма не разделял. Поскольку уже с полудня начались по домам обыски. Забирали еду, забирали парней помоложе — в ополчение. Лица же у солдат, шаривших по домам, были мрачные. Поскольку пайку им урезали, а отнятый провиант велено свозить в кладовые обиталища. И ничего не припрядешь. Заметит монах-командир — вмиг повиснешь головой вниз.

Сожри-Всё обыска не боялся. Поскольку узнал о нем загодя и побеспокоился, чтобы обыскивали его дом уже прикормленные монахи. Но все это ни ему, ни прочим «повязкам» совсем не нравилось. А Сожри-Всё — не тот человек, который спокойно терпит. Поэтому в середине ночной стражи к западным воротам Кариомера подъехали шестеро в одеяниях воинствующих монахов. Караул, вопреки обыкновению, бодрствовал, все до единого. Первый день осады, как-никак. Даже в привратных башнях не пьянствовали, а старательно пилились вниз. Ничего, впрочем, не видели, поскольку ночь выдалась облачная. Командовавший караулом монах вышел с важностью. Но когда вновь прибывший сунул ему под нос левую руку с перстнем Отца-Взымателя на среднем пальце, гонор с начальника караула враз слетел. «Отец-Взыматель» и сопровождавшие его проследовали в помещение. Спустя несколько минут туда же вызвали обоих десятников. Еще через десять минут четверо монахов сменили стражу на привратных башнях, а еще через полчаса западные ворота с омерзительным скрипом распахнулись, а за воротами уже ждала наготове отборная тысяча Береговой Стражи Конга во главе со светлорожденным Данилом. Предусмотрительный Сожри-Всё заранее спустил со стены одного из своих. Передать Демону: добро пожаловать в Кариомер.

Сорокатысячная армия Повелителя Эдзама пересекла границу Гурама. Насчет границы, впрочем, не совсем точно. «Граница» — это почти двадцать миль мертвого песка, затем еще пятьдесят миль почти бесплодной холмистой степи. Все это принадлежало Гураму, но даже в степи большую часть года было слишком мало воды для стад. О пустыне же и говорить нечего. Поэтому под границей подразумевалась река Бахута — в это время года не река вовсе, а мутный ручеек в четверть локтя глубиной. Всю воду «съедали» оросительные каналы. Войско Эдзама прошло через Бахуту, буквально, «не замочив животов пардов», как писали в старинных книгах. Никто эдзакам не препятствовал. Простонародье разбегалось, унося все ценное. Главным образом, собственные жизни. Парды срывали спелые персики с нависающих над дорогой веток, всадники, привстав на стременах, оглядывали опустевшие сады, скучали: где же враг?

Враг был на западе. Владыка Владык Гурама и Повелитель Эдзама всего три года назад подписали мир «Вечный и Нерушимый». Но недавно достойнейший Биорк Эйриксон попросил Повелителя «дернуть быка за хвост». Повелитель же называл Биорка другом, а писано Фархи Праведным:

«Высшее для воина — Истина, ниже Истины — друг».

Неужели Повелитель откажет другу ради какой-то бумаги?

Владыка Владык рассуждал иначе. Собственно, он вообще потерял способность рассуждать — от ярости. Рейдеры его разбиты конгаями. Флот уничтожен. Магией. Хотя именно маги обещали ему победу. Владыка Владык гневался и не стеснялся в выражениях. Алчущие слушали, склонив головы. Каждый из них мог бы одним движением пальца обратить в прах ничтожного человечка. Но терпел. Конг потерян. Хурида, скорее всего, тоже. В Империи происходит непонятное, но ясно уже: мятеж в Тайдуане провалился, еще не начавшись. И, главное, непонятно, куда делись братья, обретшие Желаемое. Кто обрушился на них там, в небе Конга? Неужели вмешались боги? Страх глодал Алчущих, и поэтому слушали они Владыку Владык так, словно были его подданными. А Владыка

Владык как раз добрался до Эдзама – и брань в адрес презревшего договор эдзака изощренностью превзошла возможное. Наконец один из Алчущих не выдержал и вытянул палец. И Владыка умолк. Верней, он продолжал шевелить губами, но звуки куда-то пропали.

– Довольно,– произнес Алчущий.– Эдзаков мы от Хушена отведем. Но с Конгом тебе придется управиться самому.

Владыка Владык перестал шевелить губами и удивленно воззрился на мага. Чародей усмехнулся:

– Дурная новость для тебя,– сказал он.– Боевой флот Конга идет к Хушену.

К сожалению, это была дурная новость не только для гурамиди, но и для Алчущих. Они опасались, что к Гураму движется кое-что кроме флота.

VI

– Теперь этот дом – твой,– сказал Данил.

– Да.

В голосе Ниминоа звучала печаль. Ободранные стены, засохшие растения, вывернутые половицы.

– Прости,– Ниминоа повернулась к Турфангу.– В этом доме мне стыдно принимать гостей.

Конгай поглядел на нее задумчиво, потом перевел взгляд на Данила и лукаво улыбнулся:

– Ставлю шесть золотых против трех, что через три часа приведу его в пристойный вид!

– Принято,– кивнул Данил.– Всегда мечтал посмотреть, как чародейство используют на что-то полезное.

– Ха! – воскликнул Турфанг.– Если бы ты знал, что значит быть верховным жрецом Быкоглавого в притоне бездельников, именуемом «Кесанский храм Тура», вот тогда ты понял бы, что такое настоящее чародейство! Благородная госпожа! – Он отвесил учтивый поклон Ниминоа, но девушка уже слишком хорошо его знала, чтобы принимать всерьез.– Благородная госпожа, прошу вас и вашего благородного жениха удалиться на оговоренные три часа. В противном случае моя магия бессильна!

Улицы уже почти очистили от трупов. На рыночной площади болтались на перекладинах упитанные туши лидеров Кариомерского Братства. Некоторых повесили уже мертвыми: монахи бились отчаянно, знали, что их ждет. Горожане поспешно уступали дорогу, жались к стенам, стараясь держаться подальше от боевых пардов. Ниминоа вот уже несколько дней как пересела с обычного зверя на гурамского хомети, большеголового, длинногривого, с жесткой щетиной на лапах. На взгляд Данила, хомети слишком тяжелы и упрямы, но боевые качества их – выше всяких похвал. Тем более что грива и щетина прекрасно защищают от клыков и стали. Что же до упрямства, тут пришел на помощь Турфанг – показал Ниминоа, как чародею следует управляться с животными. Какой-то час – и пард стал так послушен, словно Ними вырастила его из месячного толстолапного котенка.

Дважды навстречу попадались конгайские патрули. Воины Береговой Стражи разъезжали по улицам Кариомера с той же невозмутимостью, с какой ехали бы над берегом моря Зур. Парни в черных повязках, которые выполняли примерно ту же работу, держались не столь уверенно, хотя это был их родной город. Может, потому что конгаи сидели в высоких седлах, облаченные в отличные доспехи, а ребята Сожри-Всё топали пешком и вооружены были обычными дубинками. Хотя нет, кое-кто уже обзавелся оружием поприличней. Впрочем, и те и другие с одинаковым почтением приветствовали Данила и Ниминоа, хотя конгаи салютовали своему командиру, светлорожденному Империи и его невесте, а черноповязочники – Демону и дочери купца Гривуша. Надо сказать, приветствовали их не только бойцы, но и простые горожане. Утром полгорода собралось поглядеть, как вешают монахов. Когда перевернулась вверх ногами туша Отца-Наставника

Круна, вместе с ней перевернулась вся жизнь хуридитов. Небо и земля поменялись местами. Хотя, может быть, они просто вернулись на свои места.

Но Брат-Хранитель Дорманож думал иначе. И Алчущий Силы из Тайдуана Унгат тоже думал иначе. И двадцать тысяч воинствующих монахов, превосходно вооруженных, на отлично вымуштрованных боевых пардах, ядро армии Хуриды – тоже думали иначе. И были уверены: Хурида принадлежит им, поскольку такова воля Величайшего.

Брат-Хранитель Дорманож, хоть и не получил вожделенного звания Отца-Управителя, но и не был наказан за то, что упустил северян. И прощен он был благодаря колдуну. Дорманож и помыслить не мог, что увидит ненавистного чародея рядом с самим Наисвятейшим. Но – увидел. Более того, именно Алчущий попросил назначить Дорманожа командующим Восточной армией Святого Братства. И Наисвятейший согласился!

И вот теперь Дорманож ведет пылающих праведным гневом воинов Величайшего, а впереди скользит по дороге тень дракона, несущего на шее самого настоящего колдуна. Впрочем, Дорманож не отказался бы от помощи Алчущего, даже если бы мог. И он очень надеялся, что кто-нибудь, подобный Унгату, сопровождает и Западную армию, брошенную против вторгшихся урнгрия. Сам Дорманож еще не сталкивался с горными демонами, но о том, что они творили в прошлый раз, наслушался достаточно. Ничего! Величайший стоит за спиной каждого воинствующего монаха и крепит десницу каждого воина Святого Братства. Неверующие будут уничтожены. И в Хуриде, и вне ее. И сбудется по слову святого Туска: «Вот Мир – и он ваш! По воле Величайшего!»

– Чудо...– прошептала Ниминоа.

Глаза ее блеснули. Мебель, ковры, даже горшки с цветами – все, как было прежде.

Турфанг сиял.

Ниминоа вдруг сорвалась с места, легко, как девочка, подбежала к конгаю, обняла, прижалась лбом к его груди.

– Спасибо...

Турфанг ласково погладил ее по густым волосам.

– Не внушай ложных надежд старому жрецу,– сказал он.– Не то я забуду, что ты невеста самого Данила Руса!

Ниминоа отстранилась, посмотрела на Турфанга и звонко рассмеялась.

– Три золотых,– напомнил Данилу жрец Тура, усмехнувшись.

Светлорожденный развязал кошелек и демонстративно вручил победителю его выигрыш. Турфанг позвенел монетками... и передал их Ниминоа.

– Милая,– произнес он,– купи своему благородному жениху приличную одежду. А то он ходит, как оборванец-омбамту!

Данил невольно взглянул на свои штаны... и убедился, что Турфанг прав. Вот поганец! Но Данил не обиделся. Честь воина не в том, чтобы обижаться на шутки друзей, а в том, чтобы лишать врагов возможности шутить.

– А теперь,– сказал Турфанг,– не пора ли, благородная хозяйка, угостить нас ужином?

– Ужином? – смутилась Ниминоа.– Но я...

– Прекрасная хозяйка, разве я не обещал вернуть дому прежний вид? – Турфанг подмигнул Данилу.– Разумеется, я позаботился не только о коврах, но и о поваре. Тем более что сам собираюсь пожить здесь немного, если позволишь? Позволишь?

– Гони его! – потребовал Данил.– Он слишком беспокойный гость.

– Ты прав,– согласилась Ниминоа.– Прости, Турфанг, но я не могу спорить с будущим мужем. Мы будем твоими гостями!

– Как скажешь,– охотно согласился жрец Тура, хлопнул в ладоши и велел подавать обед.

Ниминоа глядела на него с восхищением. Она не знала, что Турфанг, настоящий маг, помог ей забыть о том, что делали с ней в пыточном подвале крепости Ангбион. Но эта

помощь не была хитростью. Жрец Быкоглавого лишь по необходимости становится жестоким. Воля Тура в том, чтобы все, кто ему служит, радовались жизни, словно им дарована вечная юность, а зло в Море – лишь случайная тень.

– Какая у тебя нежная кожа... – прошептала Ниминоа и потерлась щекой о плечо Данила.

– Твоя – нежнее, – светлорожденный коснулся ее груди. – Хочешь еще?

– Нет, нет, мне хватит. Это может повредить ребенку... ох, прости!

– За что?

– Но... это же не твой ребенок...

– Это сын моего друга, это ведь будет мальчик, моя волшебница?

– Турфанг сказал: мальчик. Я еще не умею узнавать такие вещи.

– А что умеешь?

Ниминоа привсталла, упираясь ладонями в его грудь, поглядела сверху вниз, встряхнула головой, улыбнулась:

– Оу! Кое-что я уже могу!

Данил протянул руку, запустил пальцы в грудь ее спутанных волос:

– Что же?

– А вот! – Ниминоа припала к нему, прижалась губами к животу Данила... и живой огонь потек внутри его тела.

Растворяющее пламя, ласкающее, трогающее кончик каждого нерва, растекающееся вверх и вниз, словно десятки женских рук, скользящих по коже... И под кожей. Внутри. Данил зажмурил глаза и стиснул зубы. Наслаждение было неопишимо и почти непереносимо. Горла и чресел огонь достиг одновременно. Данил задышался. Он закричал. Огонь поглотил его целиком...

Спустя минуту светлорожденный, мокрый, как вынутая из реки мыш, тяжело дышащий, со звенящей восхитительной пустотой внутри, обрел способность видеть мир. И прекрасное встревоженное лицо Ниминоа.

– Я сделала тебе больно? – испуганно проговорила она.

– Нет, нет... – Данил протянул руку, обнял возлюбленную, притянул к себе. – Это потрясающе. Благодарю тебя.

– Хочешь еще? – Ниминоа мгновенно успокоилась.

– В другой раз, ладно? Давай просто побудем рядом, моя волшебница.

– Как скажешь, мой господин... Данил...

– Что?

– Ты, правда, рад, что у меня будет ребенок Руджа?

– Не у тебя, у нас. Я воспитаю его как собственного сына и расскажу, каким был его отец. Ними, я очень рад, что род Руджа не прерван!

«Это хоть немного искупает мою вину перед тобой, Мореход!»

– Я тоже, – Ниминоа еще теснее прижалась к Данилу. – Он... Нет, давай лучше поговорим о нас.

– Ты его еще любишь?

– Дан... Не знаю, поверишь ли... Но я всегда любила тебя. С первого дня, с первого взгляда... Сразу. Но ты был... как бог. Недосягаем. А Рудж... по-другому.

– Сейчас я тоже недосягаем? – Данил улыбнулся.

– Немножко.

VII

Унгат отпустил дракона в миле от Кариомера. Оставшийся путь он проделал пешком. В город его пропустили беспрепятственно. Победители были слишком уверены в себе, чтобы бояться одинокого безоружного путника. Армию же Хуриды «вели» посланные заранее

разведчики-конгаи. Унгат знал о них, но ничуть не беспокоился. Наоборот, пусть конгаи думают: враг далеко. В то время как настоящий враг – он, Унгат, – совсем рядом.

Алчущий не боялся гордых всадников Конга. Чародей вообще не опасался носящих мечи. Тот, кто мог противостоять ему, не носил оружия. Вернее, он сам был оружием. Так же, как и Унгат. Только последыш Быкоглавого по-настоящему опасен. Был опасен. Сила жреца Тура – от самого Тура. Только Туру должен быть предан жрец, только Тура он должен любить всей душой и со всей страстью. А глупый жрец позволил себе отдать часть своей силы обычному человеку. Унгат чувствовал это и понимал: сейчас жрец не в силах противостоять ему. А значит, следует раздавить глупца, пока тот не опомнился.

– Ну как? – спросил Турфанг. – Мои гости довольны?

– Кушанья превосходны, – поблагодарил Данил. – Ужин еще лучше, чем обед. Где ты раздобыл такого повара?

– На кухне Братства. Личный кулинар Отца-Наставника Круна. Как ты мог заметить, он и своего прежнего господина кормил на совесть.

– Что ж, тучность пошла ему на пользу, – цинично отметил Данил. – Меньше мучился.

Верно, жирный Отец-Наставник, повешенный вниз головой, помер одним из первых.

– А вино? – осведомился Турфанг. – Как тебе?

– Чудесно!

Ниминоа ничего не говорила, только смотрела на огонь в камине и улыбалась. Ей было хорошо. И теперь она точно знала: отцу ее хорошо там, в Нижнем мире. О нем позаботились. Родная комната, родной очаг. И двое мужчин, каждый из которых связал свою судьбу с дочерью Гривуша. Каждый – по-своему.

Голова быка, вытатуированная на груди Турфанга, косилась на Ниминоа яростными, налитыми кровью глазами.

«Не сердись, Быкоглавый, – мысленно произнесла Ниминоа. – Я ведь и так принадлежу одному из твоих...»

Словно ощутив ее мысли, Данил и Турфанг, оборвав разговор, поглядели на женщину. Ниминоа улыбнулась обоим.

– Эх, – вздохнул Турфанг. – Все чего мне не хватает, так это склада... Красивая история и добрая песня прились бы кстати. Ты умеешь петь, благородный Данил?

– Не думаю, что тебе понравится, – усмехнулся светлорожденный. – Но если в Кариомере найдется хотя бы простой певец, я тебе его найду. Должен же я как-то расплатиться за ужин.

Данил встал и спустился вниз.

Дом охраняли парни Сожри-Всё. По личной инициативе атамана.

«Эти ребята вмиг доставят певца, – подумал светлорожденный. – Хоть какая от них польза...»

Данил распахнул входную дверь...

Два черноповязочника лежали перед входом. На них не было видимых ран, и Данил сначала подумал: они перепились. Но, к сожалению, это оказалось не так: люди Сожри-Всё были мертвы.

– Хотел бы я знать, как ты ухитрился выжить, – раздалось за спиной Руса.

Данил стремительно обернулся...

На лестнице стоял Унгат.

Ноги светлорожденного будто приросли к полу, язык онемел.

– Ладно, – бросил Алчущий. – Ты мне еще расскажешь.

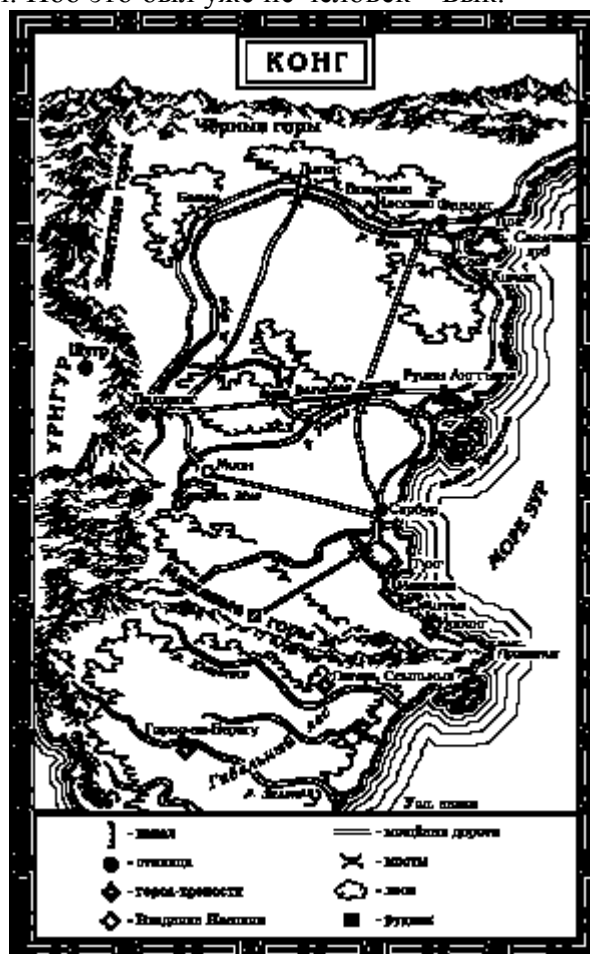
Повернулся и зашагал вверх по лестнице.

А Данил, скованный новым заклятием, – остался.

– Ты ловок, – признал Турфанг, увидев в дверях Алчущего. – Что тебе нужно, Пес Праха?

– Ты, Бычий Навоз! – рявкнул тайдуанец.

«Турфанг! – мысленно воскликнула она. – Берегись, он оплетает тебя!»
Но конгай не услышал. Ибо это был уже не человек – Бык.

Черное чудовище взрыло копытом землю, глаза налились кровью, тяжелые изогнутые рога наклонились. Короткий рев – и огромная туша понеслась вперед. А крохотный человечек, стоявший посреди дороги, повернулся и побежал. Он бежал быстро, но не быстрее быка. Узкая хилая спина человечка приближалась с каждым прыжком, бык уже чувствовал, как конец рога поддевает слабое мясо, человечек пушинкой взлетает вверх, переворачивается в воздухе и шлепается в пыль...

Твердая сухая земля неожиданно нырнула вниз, широкие раздвоенные копыта потеряли опору, и бык, испустив хриплый рев, рухнул вниз.

Земля сомкнулась вокруг, сдавила, связала, задрала кверху черную огромную голову быка. Там, наверху, крохотный человечек заглядывал через край и издевательски хихикал...

Страх холодной волной окатил Ниминоа.

«Данил!»

Данил спустился вниз, туда, откуда пришел Унгат. То, что случилось той страшной ночью в горах, повторилось!

Ладони Ниминоа стали влажными, а колени – ватными. Она знала: Турфанг не остановит Алчущего. Она не удивилась, когда могучий удар жреца Тура канул в ничто, а сила Алчущего, напротив, налилась мощью – и коконом опутала конгая. И тут страх ее исчез. Если худшее уже случилось, чего тогда бояться? Ниминоа «коснулась» пылающего в камине огня, и огонь окончательно изгнал страх. Унгат не обращал на нее внимания. Он не увидел девушку, осмелившуюся противостоять ему много ночей назад. Чародей уделил ей внимания не больше, чем мебели. Зато Ниминоа видела. Видела, как Унгат наслаждается своей победой, наслаждается властью. Так сильный мужчина наслаждается покорной и желанной женщиной. И никогда не бывает более беспомощен, чем в этот миг. Слабее ребенка.

Ниминоа вздохнула. Спокойно, словно выполняя заданное Турфангом упражнение,

девушка слепила из пламени маленький шарик и втолкнула его прямо в спину Унгата.

Чародей завизжал от боли. Он подпрыгнул на месте, обернулся, уставился на Ниминоа яростным взглядом и сразу же увидел: девушка пуста. Сила ее истрачена, и сейчас она не опасней мыши. Унгату потребовалось всего лишь мгновение, чтобы установить это, а руки его тем временем работали быстро и умело, избавляясь от жгучего подарка. Чародей молчал, но Ниминоа читала в его глазах: Унгат заставит дерзкую тысячу раз пожалеть о своем поступке. Унгат уничтожал крохотный огненный шарик, а за его спиной точно так же уничтожалась сеть, опутавшая Турфанга, потому что сплетенное Ними заклинание и было этой сетью. Точнее, ее подобием. Словно вытканное на гобелене изображение кугурра. Словно тень, падающая от дерева. Если расплести гобелен, живой кугурр не исчезнет. Но в магии – иное. И когда последняя искра связанного Ниминоа огня угасла, исчезла и последняя петля, удерживающая жреца Быкоглавого. А Унгат до самого последнего мига так ничего и не заподозрил, потому что Ниминоа была женщиной, видела и умела то, чего никогда не заметит высокомерный мужчина...

Бык ревел, захлебываясь от ярости и бессилия. Он не желал признавать поражение, он желал вырваться и растоптать...

...Стены ямы неожиданно раздались в стороны, скребущие по стенкам копыта ударили в твердое дно. Мощный толчок – и бык, роняя пену, устремился вверх по склону, вылетел наверх и, не останавливаясь, всей массой ударил наглого человечка. Человечек покатился по земле, оглушенный, все-таки попытался встать... Толстый черный рог с хрустом прободил хилую плоть: мышцы, кости, печень; подкинул человечка высоко вверх, а когда тот упал на землю и принялся извиваться, как червь, пачкая траву кровью, бык обрушил на него тяжесть широких копыт и топтал до тех пор, пока тело человечка не превратилось в грязную тряпку...

– Я уж думал: никогда больше не выпью сладкого тайского вина, – улыбаясь, проговорил Турфанг.

Хрустальная чаша в его руке переливалась, словно живое пламя, но сама рука слегка дрожала. Слегка.

– Пусть твоя судьба, благородная Ниминоа, будет такой же глубокой и прекрасной, как вкус этой красной влаги! Ради жизни, друзья!

Три чаши поднялись и соединились. Больше никто ничего не сказал. Зачем?

Тело тайдуанского чародея валялось у дверей. Сухая мертвая оболочка. Утром ее увезут и зароят вместе с трупами повешенных монахов. И никто не вспомнит об Унгате. Разве что его дракон...

VIII

– Их около пятидесяти тысяч, – доложил командир разведчиков. – Почти половина – монахи-всадники. Будут здесь приблизительно через три дня.

– Многовато, – заметил Виг. – Впрочем, если мы захотим отсидеться за стенами, город им не взять.

– Это точно! – подтвердил командир разведчиков. – Осадных орудий при них нет. И провианта не много, а у здешних крестьян даже мяса с костей не снимешь.

– А в городе, напротив, припасов хватает, – размышляя, проговорил Виг. – Что скажешь, светлорожденный?

– Скажу, что отсиживаться за стенами мне не по нраву! – решительно заявил Данил. – Их надо бить! Турфанг, ты как-то говорил, что способен погрузить в сон десять человек...

– Могу, – кивнул жрец. – Но лучше не десять, шесть. Надежней.

– А сделать так, чтобы в этой шестерке оказались начальники хуридского войска?

– Почему бы и нет? Только сначала я должен взглянуть на каждого из них.

Данил взглянул на командира разведчиков.

– Запросто! – уверенно заявил тот. – Их караулы... Это же смех один, а не караулы. А когда они лагерем становятся... У фарангских крыс больше порядка, чем у этих!

– В общем, пустяки, – резюмировал Турфанг. – Тем более, чародея у них уже нет.

– Значит, надо завтра поднимать людей и отправляться, – объявил Данил. – Виг?

– У тебя есть план? – поинтересовался капитан-комендант.

– Есть, – Данил улыбнулся. – Сядем на пардов и ударим. Эдак часика за два до рассвета. Но сначала аккуратно снимем часовых, а Турфанг позаботится о том, чтобы их командующие продолжали смотреть свои поганые сны. Как тебе мой план?

Виг посмотрел на Турфанга – жрец подмигнул.

– Годится, – кивнул капитан-комендант. – Только, друг мой, прости, но я уже слишком стар для ночных скачек. Воинов поведешь сам.

Данил с подозрением поглядел на Вига. Раньше конгай подобных заявлений не делал. Но Виг был невозмутим.

– Хорошо, – согласился светлорожденный. Конечно, он удивился, но не настолько, чтобы искать в предложении скрытый смысл.

– Ну вот, – сказал Виг, когда светлорожденный откланялся, – та самая возможность, о которой ты просил.

– Не я, – возразил Турфанг. – Он.

– Да, конечно. Надеюсь, все пройдет удачно.

– А ты сомневаешься?

Старый воин улыбнулся и покачал головой.

– Из парнишки выйдет отличный Владыка для этой сраной страны, – сказал он. – Хотя я ему не завидую.

– А я завидую, – сказал Турфанг. – Или ты забыл, какая у него невеста? – И рассмеялся. Не очень искренне.

Брат-Хранитель Дорманож проснулся от того, что в шатре кто-то был. Так и есть: кто-то сидел на подушках рядом с ложем монаха.

«Унгат», – подумал Дорманож, испытывая привычное раздражение, потому что чародей, как всегда, явился в наиболее неподходящее время и прервал столь приятный сон. Теперь Дорманожу совсем не так легко заснуть, как в молодости, а если не выспишься, к вечеру голова станет – как чугунный котел.

– Что на этот раз? – буркнул Дорманож.

Гость промолчал.

Монах высек искру, зажег от трута лучинку, а от лучинки – фитиль лампы. Когда огонек окреп, Дорманож поставил лампу на пол и поднял глаза на незваного гостя...

Это был не Унгат!

На подушке, вертя в руках узкий гладианский стилет, расположился светлорожденный Империи Данил Рус.

– Рад, что ты сохранил его, – спокойно произнес северянин и аккуратно вложил кинжал в кармашек сапога. Дорманож заметил: кармашек оказался коротковат, треть клинка осталась снаружи. Впрочем, какое это имело значение?

Дорманож покосился на свой меч, лежащий на расстоянии трех локтей от его руки... рядом с ногой пришельца. Не успеть...

– Ты меня убьешь? – хриплым голосом спросил Дорманож.

Светлорожденный чуть заметно пожал плечами:

– Когда-то, – сказал он, – ты предлагал мне поединок. Зажила ли твоя рана?

– Да, – не смея верить в такую удачу, прошептал Дорманож. – Да, зажила.

Данил носком сапога подтолкнул к Дорманожу его меч. Еще мгновение назад Брат-Хранитель и не мечтал о таком, но теперь он решил выжать из ситуации все, что возможно:

– Ты – в кольчуге, – заметил он. – А я – нет.

– Так надень, – беспечно отозвался светлорожденный.

Никогда еще Дорманож не облачался так быстро. Слава Величайшему! Этот северянин – достойный человек. И к нему следует отнестись как к воину, а не как к имперской крысе.

– Мы будем драться снаружи, – голос Брата-Хранителя обрел привычную твердость. – Клянусь именем Величайшего, если ты победишь, – ни один из моих солдат не причинит тебе вреда. Ты уйдешь свободным!

– Хорошо, – ответил светлорожденный.

Дорманож был неприятно удивлен равнодушием, с которым имперец воспринял щедрость воинствующего монаха.

Светлорожденный поднялся и двинулся к выходу из шатра. Он не боялся повернуться спиной к Дорманожу, и монах почувствовал себя польщенным. Но все положительные эмоции испарились, когда Дорманож откинул полог шатра.

До рассвета оставался какой-нибудь час. Серые сумерки, мутный от утреннего тумана воздух, крохотные капельки влаги – на кирасах, шлемах, клинках... Закованные в сталь конгаи двумя шеренгами стояли у входа. Поверх их шлемов Дорманож видел хуридские шатры, но – ни одного воинствующего монаха. Ни живых, ни трупов. Дорманож мотнул головой, отгоняя наваждение, прошептал молитву. Все осталось по-прежнему. Величайший отвернулся от них.

«Проклят тот день, когда мы связались с колдунами, – подумал Дорманож. – Прости нас, святой Туск!»

Имперец сделал знак – и конгаи отодвинулись, освобождая место. Светлорожденный взглянул на Брата-Хранителя и кивнул. Меч монаха взметнулся вверх, когда клинок Руса еще оставался в ножнах. Данил не смотрел на противника. Он глядел на небо, серое блеклое небо Хуриды в мутной пенке облаков. Оно вдруг показалось Данилу близким-близким, а люди – конгаи на мускулистых пардах, монах со вздетым мечом – крохотными куклами на подиуме земли. Оттуда, с неба тянулись к ним бесконечные прочные нити. Вот кукла в вороненой кольчуге и коричневых штанах, ниже колен потемневших от росы, засемила вперед, крикнула что-то невнятное, замахнулась...

Данил, столь же отрешенный, как и мгновение назад, потянул из ножен собственный меч...

Клинок Дорманожа полоснул наотмашь, косо, от плеча вниз...

Рус отклонился не более чем на ладонь – острие прошло в волоске от его груди – шагнул вперед с поворотом, выдергивая меч из ножен на том же движении, с потягом, продолжая двигаться назад, за спину Дорманожа, провел освобожденным лезвием вагарова клинка по вороту кольчуги Дорманожа. С разнотонным звоном лопнули и осыпались посеребренные колечки, разошлась под плавно скользящим лезвием паутиная ткань подкольчужника, человеческая кожа, напряженная мышца, артерия...

Данил остановился за спиной монаха, а Дорманож по инерции пробежал еще пару шагов, тоже развернулся – кровь тугими фонтанчиками выбрызгивалась из рассеченной шеи – с удивлением, еще не понимая, что произошло, устоял на светлорожденного, шагнул вперед...

Этим же утром тяжелые всадники урнгрия ворвались в разбитые тараном западные ворота Воркара. Солдаты на стенах сражались вяло. Энтузиазм защитников умеряли тысячи арбалетных стрел и снарядов, выпущенных легкими осадными орудиями противника. И еще – панический страх перед черными доспехами непобедимых урнгрия. Даже воинствующие монахи не проявили ожидаемой удачи. Этих, правда, более потрясло даже не вторжение, а противоестественный союз, заключенный Наисвятейшим с проклятыми чародеями. Бессмысленный союз, поскольку явился над Воркаром устрашающий лик Величайшего – и колдуны вмиг утратили силу. А монахи – веру в праведность своего господина, отступившего от заповедей Боговдохновенного Туска.

Воркар пал, почти не сопротивляясь. Если не считать самой цитадели Наисвятейшего. Эти сдались через неделю, когда с юго-востока подошло войско Конга. Последний Наисвятейший Хуриды покончил с собой, приняв тройную дозу «зерен блаженства». Безусловно, приятная смерть. Однако его все равно повесили над дворцовыми воротами. Рядом с бесполезными колдунами. Эти умирали долго. Колдуны, как всем известно, живучи. Даже лишенные силы.

IX

Тот, кто стоял посреди Тронного зала Владыки Владык, выглядел юношей. И он был один. Правителя Гурама окружали высоченные телохранители в посеребренных доспехах, справа от его трона расположились самые сильные маги Красной Тверди, слева – Алчущие из Тайдуана, сильнейшие из Алчущих. У тронного возвышения ярились на цепях черные южные кугурры... А ладони Владыки Владык повлажнели от страха. Потому что за спиной этого юноши еще не осела пыль, поднятая сорванными с петель золотыми дверьми (каждая створка – в три человеческих роста), недостаточно проворно распахнутыми перед пришельцем, а справа еще дымился, распространяя смрад горелого мяса, скрюченный труп одного из придворных магов (остальные отодвинулись от него подальше), опрометчиво пославшего в пришельца огненный шар.

Взгляд юноши скользнул по окаменевшему под слоем грима лицу Владыки Владык и переместился на кучку Алчущих. Тайдуанцы зашевелились. Владыка Владык испытал кратковременное облегчение, когда пришелец не удостоил его вниманием, но уже через мгновение волосы правителя Гурама зашевелились под золотой диадемой: Алчущие (Алчущие! Гордые чародеи, презирающие всех и вся, не удостаивающие владык Мира даже поясным поклоном) медленно поднимались со своих мест и один за другим простирались долу перед незванным гостем.

«Меня предали!» – вспыхнуло в раскисшем от страха мозгу Владыки Владык.

Но он ошибался. Алчущие не предавали его, поскольку никогда не принимали в расчет интересы Гурама. Только свои собственные. А их собственные интересы недвусмысленно требовали пасть ниц. Ибо в облике смертного юноши пред ними стоял тот, кого боялись сами боги. Владыка Владык. Не владык ничтожного Гурама, но Владык самой древней, сокрушенной и несокрушимой Империи Махд-Шагош. Пусть границы ее исчезли, а народы смешались, но главное, Магия, – осталось. И скованный тысячи лет назад хозяин ее возродился и пришел, чтобы повелевать преданными.

Но и Алчущие ошибались. Владыка не собирался повелевать ими. И убивать – тоже не собирался. Он обошелся с ними страшнее. Просто поднял правую руку – и всосал в себя силу распростершихся на полу чародеев. Всю без остатка. А вместе с их силой – и силу тех Алчущих, кто был с ними связан. Поглотил, как поглощает волна брызги и лужицы на береговой скале.

Затем повернулся и вышел.

К немалому облегчению Владыки Владык Гурама.

Последний, впрочем, тоже не долго оставался на троне. Спустя час Владыка Владык в сопровождении государственной казны и десятитысячной охраны отбыл из столицы. В Хушене становилось слишком жарко: с моря надвигался конгайский флот, а с суши – войско эдзаков. Владыка бежал, утешая себя надеждой, что два захватчика сцепятся между собой. Но он снова ошибся.

* * *

Поток магхаров захлестнул подножие холма. Более проворные прыгуны вырывались вперед. Маленькие нескладные уродцы. Обученный воин запросто прикончит дюжину. Но одна такая тварь способна в считанные мгновения отправить в Нижний мир дюжину

поселян. Поэтому каждый убитый магхар – чья-то спасенная жизнь.

Так думал Нил Биоркит, готовясь умереть. Умирать страшно. Нил знал это, потому что уже умирал. А теперь рядом не было и друга, который опустил бы мертвые веки сына вагара. Впрочем, скорее всего, опускать будет нечего. Лицо магхары точно обгрызут.

Страшно умирать одному. Но еще страшнее умирать напрасно.

«Каждая убитая тварь – спасенная жизнь».

Нил Биоркит, командующий разбитой армии, разминая кисть, крутанул восьмеркой тяжелый, выточенный из хармшаркова бивня меч и приготовился в последний раз встретить врага.

* * *

Когда меч Данила вспорол шею Дорманожу, монах не ощутил боли. Он даже попытался снова атаковать врага, но светлорожденный сделал молниеносный выпад, и его клинок с точностью иглы вышивальщицы пробив кольчугу, прошел между ребер и разделил надвое преданное Величайшему сердце Дорманожу.

На сей раз Дорманож ощутил боль. Ужасную боль.

И все же он умер молча.

Последней мыслью его было:

«Почему я не слышал шума битвы?»

Оглушительный лязг прокатился над местом поединка – сотни латных рукавиц ударили в стальные кирасы. Всадники Конга приветствовали победителя. Данил махнул мечом, сбрасывая капли крови с гладкого металла. Светлорожденный не чувствовал обычного удовлетворения, вроде того, что испытывает столяр, глядя на сработанное им кресло. Рус, запрокинув голову, смотрел ввысь. Что-то произошло с ним, светлорожденным Данилом. Что-то, навсегда лишившее его жаркого ликования битвы. Данил ощутил сладостную тоску. Противоречивое чувство. Вероятно, то же ощущает маг, наконец обретший бессмертие.

А небо Хуриды оставалось таким же мертвенно-серым. Заморосил дождь. Черные падальщики урги вились над войском. Время от времени один из них испускал долгий стонущий крик...

Данилу вдруг стало трудно дышать. Захотелось домой, в Хольд, чтобы – зеленые деревья, синь и прозрачный воздух. И уходящий в небо горный хребет, как спина прекрасного дракона...

Данил вздохнул. Воины ждали. Десять тысяч тяжелых всадников. Как он и предполагал, вполне достаточно, чтобы разгромить отборное войско Хуриды. Правда, захваченное врасплох и лишенное военачальников, о которых позаботилась магия Турфанга. Зато теперь судьба тысяч пленных хуридитов зависела не от магии, а только от светлорожденного Данила Руса.

Данил еще раз вздохнул, сделал знак, чтобы подвели парда.

Оказавшись в седле, светлорожденный подозвал старшего из тысячников.

– Солдат разоружить – и пусть катятся, – распорядился он. – Монахов повесить.

– Всех? – уточнил конгай. Капли крохотными глазками усеяли его смазанную жиром кирасу.

– Всех, – отрезал светлорожденный.

Он поклялся, что уничтожит Братство, – и он его уничтожит.

Когда месяц спустя сам сирхар Урнгура Биорк предложит Данилу пощадить тех, кто готов сбросить с плеч коричневый плащ, вместо ответа Рус вынет из ножен и протянет отцу своего наставника меч, подаренный его сыном Нилом. Острием – к своей груди.

И урнгрия покинут Хуриду, а Данил, опираясь на черноповязочников и воинов Империи, которые сменят конгаев, будет выискивать и истреблять. Спустя год по предложению Управителя Конга Керанраона (в отсутствие истинного Владыки

Сантана-Освободителя) Совет в Глориане провозгласит сына светлейшего Волода наместником Императора в Хуриде. И Император одобрит предложение Совета. И Данил Рус, которого в Хуриде называют Демоном, еще три долгих года не увидит родины. И первенец его, погодок сына кормчего Руджа, родится в Воркарском дворце Наместника.

* * *

Латные рукавицы Нила потемнели от проклятой крови. Левая рука, кинжал, боевой браслет, налокотник – в бурых потеках. Кривые когти в тысячный раз с визгом проехали по кирасе. Нил перехватил меч, пырнул назад не глядя, услышал визг, поймал на кинжал прыгнувшее спереди пучеглазое чудовище. Поймал, стряхнул, отступил назад, с поворотом – описавший дугу меч разрубил надвое змееподобное тело еще одного магхара. Сын вагара оказался слишком быстрым для порождений Проклятых земель. Но уродливые твари лезли со всех сторон, а силы Биоркита не бесконечны. Нил знал: рано или поздно чей-нибудь коготь достанет его ногу, или ядовитая слюна угодит в глаз. Или какая-нибудь тварь попытается остальных вцепится в руку. Или уставшие мускулы утратят быстроту. Последнее, впрочем, случится не скоро. Владеющий Мангхэл-сёрк способен сражаться много часов. Поворот, прыжок – надо же, шип на хвосте! – отсекающее движение. Выпад влево, перехват когтистой лапы боевым браслетом – жалобный вой, тут же оборванный коротким движением кинжала. Еще одна тварь, срубленная мечом на лету... Нил давно перестал обращать внимание на внешний облик магхаров. Он реагировал только на движение. Вернее, реагировало тело. Мысли сына вагара оставались свободными, и печаль его была глубока: Страж Севера не сумел защитить свой край. Одно утешение: каждый убитый магхар – спасенные человеческие жизни. Три шага в сторону – чтобы не мешали бьющиеся в агонии твари. Пугающая мысль: Это, всосавшее сотни северных воинов, сокрушившее стену копейщиков, – страшнее орды магхаров... Мысль, тут же изгнанная. Удар, поворот, тычок, еще поворот, три шага вперед – от корчащихся на земле магхаров... Кажется, солнце перевалило через зенит. Интересно, доживет ли он до заката? Впервые сын вагара подумал о том, хорошо ли это, быть мастером Мангхэл-сёрк? Не лучше ли умереть сразу?

Взмах меча – и наскочивший прыгун, дергаясь, отлетел назад, раньше, чем его достал клинок. Нил не успел удивиться. Наметанный глаз воина засек мелькнувший в воздухе арбалетный болт. Удивился он чуть позже. Когда увидел, что поток бегущих и скачущих мимо тварей (лишь немногие наталкивались на меч сына вагара) остановился. Остановился и повернул вспять!

А еще через несколько мгновений сквозь вопли и визг пробился знакомый звук разрубающей плоть стали, перемежаемый сочными ударами стрел. Натиск тварей ослабел, Нил оглянулся – и увидел стальную стену щитов, наступающую цепь воинов. Наступающую бегом!

Еще мгновение, и цепь поравнялась с командующим Севера, разомкнулась, огибая – закованные в сталь воины, гребни шлемов на уровне локтя Нила – сомкнулась и покатилась дальше. Только одна-единственная шеренга! За ней – бегущие вроссыпь, бьющие навскидку такие же маленькие арбалетки.

Вагары!

Из груди Нила вырвался хриплый ликующий рев. Никто из его спасителей не обернулся. Они не нуждались в помощи одного, пусть и могучего воина. Шеренга катилась вниз по холму, гоня перед собой вал отброшенных магхаров. И остатки войска Нила все еще дравшиеся там, у входа в ущелье, тоже не нуждались в его помощи. Нил огляделся, увидел скрюченную мохнатую тушу обезглавленной твари, уселся прямо на нее, положил на колено меч. Он был счастлив.

* * *

Тот, кого прежде называли Повелителем Махд-Шагош, затем – Спящим Драконом, а позже – Сантаном-Освободителем, лежал, опершись на локоть, в густой траве на вершине холма и глядел рассеянно на красные крыши имперского города магов Руны. Так присевший отдохнуть путник смотрит на оказавшийся поблизости муравейник.

Совсем не таким был взгляд Троя-Странника. Единственного из магов, рискнувшего подняться на холм, над которым возникла из небытия Окрыленная Колесница.

Да, не таким был взгляд Троя, сидевшего, скрестив ноги, в двух локтях от хозяина Колесницы и с восхищением созерцавшего чудо трех Миров. Но даже ему, Трою, смотревшему в глаза богам, было трудно удержать взгляд на том, что вне времени и пространства. Но – получалось. Потому что хозяин Колесницы велел ей поспособствовать магу в его усилиях.

Впрочем, будь на месте нынешнего ее хозяина тот, прежний, Великий и Сильный, маг Трой уже умирал бы в страшных мучениях, умирал долго, очень долго, потому что тот, прежний, никогда не простил бы ничтожного, вмешавшегося в замыслы Великого и искажившего его желания.

Но нынешний хозяин Колесницы был снисходителен. Потому что он не собирался возвращать Прошлое. Он собирался творить Будущее. Как творили его те, кто несколько веков назад создали Меч Асенаров и позаботились о том, чтобы в жилах Разбуженного Дракона текла благородная кровь светлорожденного Асхенны. И был среди них, творивших, маг Трой, уже не первый век полагавший себя одним из сильнейших чародеев Мира и не ведавший, что на языке Махд-Шагош имя его – хоб. Ничтожный.

Нынешний хозяин Колесницы не называл людей хобами. Он еще не забыл, как сам был человеком. Сантаном, сыном Тилода. Санти...

Он не забудет об этом никогда. Века будут сменять века, и тот, кто воплотился в теле сына Тилода, будет все меньше и меньше интересоваться людьми. И это – великое благо и для людей, и для него самого. Но сейчас ладонь того, чья десница могла бы повелевать Миром, покоилась на мягкой зеленой живой траве. И это было – чудо. Но мудрейший из магов Трой-Странник не понимал этого. Он не видел ладони, он видел лишь потрясающую ум и чувства Окрыленную Колесницу. И не знал о том, что рождена она из этой ладони, так же как некогда была рождена из Существа фарангского певца Санти, сына Тилода, великолепная тень, Серый дракон. Великий Дракон Конга...

КОНЕЦ ТРЕТЬЕЙ ЛЕТОПИСИ